Гомельское городское краеведческое общество

ГГЦБС

"Из истории не вычеркнуть...":

к 90-летию стрекопытовского мятежа в Гомеле

(март 1919 г.)

Гомель, 2009

Сборник статей.

Составители: В.М. Лебедева, М.П. Чуянова

От составителей

Если в российской да и мировой истории рубежным для XX века принято считать 1917, то датой, разделившей на две эпохи историю Гомельщины следует назвать 1919 год. Именно тогда, в январе, в город вернулась и начала по-настоящему укрепляться советская власть, тогда же было покончено с двухлетними спорами о государственной принадлежности Гомельщины: побывав в условиях немецкой оккупации почти год в составе Украинской Народной Республики, будучи затем включенной в территорию образованной 1 января 1919 г. Советской Социалистической Республики Белоруси (ССРБ), Гомельщина через полтора месяца оказалась с составе РСФСР. Тогда же Гомель смог, наконец, опередить в административном статусе давно обойденный экономически Могилев – в апреле 1919 г. была создана Гомельская губерния.

В ряду важнейших событий региональной истории этого периода находится Стрекопытовский мятеж марта 1919 г., едва не превративший Гомель в арену решения судеб общероссийской революции и истории. Это событие не только потрясло Гомель и Гомельщину, принеся самые большие человеческие, материальные и моральные потери за все годы Первой мировой войны и революции. Оно также заставило привлечь к городу внимание как высшего большевистского руководства на уровне VIII съезда РКП(б), так и противников большевиков.

Масштаб и значение восстания подчеркивается как публикациями "по горячим следам" его современников-очевидцев, так и тем интересом, который на протяжении почти века уделяют этим трагическим событиям исследователи.

В данный сборник включены основные публикации, посвященные Стрекопытовскому восстанию, появившиеся в научных и популярных изданиях. Их авторами являются политические агитаторы и журналисты, ученые и архивисты, которые ставили перед собой разные цели, руководствовались разными принципами исследования и пользовались разной базой источников. Безусловно, каждая из этих работ несет в себе и отпечаток той эпохи, в которую они создавались. Собранные под одну обложку они не только позволяют представить фактологическую сторону событий, но и показывают достигнутый уровень историографического анализа проблемы, ее научное и общественное значение.

Сборник открывают две самые ранние публикации о гомельских событиях марта 1919 г. – работы Г. Лелевича и Юрки Витьбича. Они до сегодняшнего дня не утратили своей исследовательской ценности. Причем не только потому, что они были первыми. Подчеркнем, что их авторы принадлежали к противоположным идеологическим лагерям, и, таким образом, две предлагаемые в сборнике публикации представляют собой взгляд на событие с противоположных сторон баррикад.

Работа Г. Лелевича "Стрекопытовщина" публикуется впервые после выхода в свет двумя изданиями в 20-е годы XX в. отдельной брошюрой. При всей классово-идеологической заданности это исследование остается "классическим" для реконструкции событий и контекста восстания, восстановления персональных

биографических сведений о его участниках.

Небезинтересна, на наш взгляд, личность самого автора “Стрекопытовщины” (настоящее имя Лабарий Калмансон), который, хотя и не был непосредственным участником событий, то соприкоснулся с ними наиболее близко и живо на них откликнулся. Г. Лелевич известен как литератор и один из лидеров лево-пролетарской партийной литературной критики, руководитель Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), гонитель С. Есенина, А. Фаддеева и др. в 1920-30-е гг. Менее известны детали его общественно-политической деятельности в 1917-1919 гг., однако можно предположить, что, как уроженец и воспитанник губернского Могилева, он не остался беспричастным к столь значительному событию в родном регионе. Брошюра “Стрекопытовщина” написана им непосредственно по следам восстания, при этом он пользовался как свидетельствовами участников, так и оперативными документами, ставшими недоступными для исследователей в дальнейшем. Отметим, что все позднейшие авторы в большей или меньшей степени использовали работу Г. Лелевича или же “шли по его следам” в восстановлении картины восстания.

Не стал исключением и главный оппонент Г. Лелевича, представитель национально-белорусской идеи, Юрка Витьбич (Юрий Стукалич). Его работа “Гомельскае паўстаньне (Стракапытаўскі мяцеж)” стало частью комплексного исследования об антибольшевистском сопротивлении на Беларуси в годы революции и Гражданской войны, созданного автором-эмигрантом в Нью-Йорке в начале 1950-х гг. Как признается автор, при отсутствии архивных документов ему приходилось пользоваться в основном косвенными источниками, а также советскими публикациями, преодолевая тенденциозность последних. Имея собственную идеологическую заданность, Ю. Витьбич оценивает восстание в Гомеле с позитивным пафосом, критикуя Г. Лелевича, но при этом ему удается сохранить определенную взвешенность в оценках. В частности, он отдает должное мужеству гомельских коммунаров, погибших за идею, которую сам автор категорически отвергает.

Обе работы публикуются на языке оригиналов, с сохранением авторского стиля и при минимальных грамматических правках. Непонятные современному читателю сокращения раскрыты составителями сборника в квадратных скобках.

Помещенные в сборнике публикации размещены в хронологическом порядке, что позволило выявить долгую паузу в обращении к теме, занявшую более сорока лет

Новый интерес к мартовским гомельским событиям 1919 г. проявился только в середине 90-х гг. XX ст., что было связано с радикальными переменами в общественно-политической ситуации в стране и переоценками исторического прошлого. Заметим, что заслуга дальнейшего изучения Стрекопытовского восстания полностью принадлежит гомельским исследователям, хотя его масштабы и последствия имели совсем не локальное значение.

Первооткрывателем нового периода изучения темы стал известный гомельский исследователь профессор А. Рогалев, который заново ввел в информационный оборот основные события восстания, опираясь при этом на сведения устной истории – воспоминания гомельчан. Автор сделал также аналитические выводы о причинах и характере мятежа Тульских полков. Однако его предположение о связях

руководящего центра восстания с Гомельской Директорией не находят сегодня документального подтверждения.

Именно в этот период обратилась к теме восстания и автор этих строк. Источниковедческой базой для изучения темы стали документы тогдашнего Партийного архива Гомельского обкома КПБ и архива Управления Комитета государственной безопасности Беларуси по Гомельской области, фондов Гомельского краеведческого музея. Однако при работе в те годы мы столкнулись с недостатком документальных материалов, основные из которых находились и находятся за пределами Беларуси. Недоступной в тех условиях оказалась и работа Г. Лелевича. В силу этого в ходе общей реконструкции Стрекопытовского восстания, некоторые его аспекты не удалось осветить с достаточной полнотой.

В последние годы, и в особенности в связи с 90-летней датой восстания, появился ряд новых публикаций, которые дополняют картину события. Свой вклад в ее изучение внесли гомельские архивисты, историки, музейные работники и журналисты М. Алейникова, В. Бобович, Т. Шода, В. Демчихин, работы которых включены в данный сборник.

Отдельную часть сборника представляют публикации отрывков воспоминаний самих стрекопытовцев, которые предлагаются белорусскому читателю впервые. Мемуары участников мятежа появились в варшавской газете "За свободу" в 1922 и 1924 гг. Газета "За свободу" являлась органом небезызвестного "Русского политического комитета» (РПК), созданного в Польше в 1920 г. при поддержке главы польского государства Ю. Пилсудского бывшим эсером-боевиком Борисом Савинковым. РПК позиционировал себя как "русское правительство в изгнании" и стоял на последовательно антисоветских позициях, признавая любые формы борьбы с Советской Россией, включая террор и военную экспансию.

Связь стрекопытовцев с Б. Савинковым до конца не изучена. Опорой Б. Савинкова являлись, в том числе, и остатки разбитой Северо-западной армии Юденича, переброшенные в Польшу из Эстонии с разрешения Ю. Пилсудского, который рассчитывал использовать их в предвидении польско-советской войны. Возможно, что остатки «тульских полков» также оказались среди них. В таком случае связь авторов воспоминаний о гомельском мятеже с газетой представляется более непосредственной. Возможно также, что мемуары могли быть присланы из Эстонии или Латвии, где в межвоенный период находилась большая часть стрекопытовцев.

Появление мемуаров именно в этой газете объясняется не только ее антисоветскими позициями, но также и влиятельностью издания. "За свободу" являлась одним из самых "долгоживущих изданий" российской белой эмиграции: она издавалась с 1920 по 1932 гг. Известность газеты обеспечивалась громкими именами не толькопсе тех, кто ее издавал, но и тех, кто в ней печатались. Редакторами ее являлись такие известные деятели русской эмиграции, литераторы и публицисты как М. Арцыбашев, Португалов, Д. Философов, в ней публиковались З. Гиппиус и Д. Мережковский, Амфитеатров, польский литератор и общественный деятель М. Здеховский, др.

К сожалению, не известны авторы публикаций о стрекопытовском мятеже в газете. По понятным причинам опасения советских преследований они подписаны в одном случае псевдонимом "Гомельчанин", в другом случае криптонимом "С.Д.М."

О первом авторе практически невозможно сделать никаких предположений, кроме его гомельского происхождения. Второй оставил в тексте некоторые автобиографические сведения, указав свое офицерское звание и должность командира конного эскадрона одного из тульских полков.

Публикуемые материалы являются ценным источником, позволяющим не только дополнить фактологическую сторону стрекопытовского восстания, но и ощутить весь его трагизм как события гражданской войны. Авторы-составители сборника выражают благодарность за предоставленные материалы минскому исследователю Н.И. Стужинской.

В целом отметим, что в истории Стрекопытовского восстания и на сегодняшний день остается немало вопросов. Готовя к публикации данный сборник, авторы-составители рассчитывали не только актуализировать историческую память в год юбилея этой драматической даты, но и привлечь внимание к необходимости более глубоко и основательно исследовать это событие. Прошедший период и современный уровень изучения политической истории требуют качественно нового уровня исследования, основанного на широкой, достоверной и репрезентативной документальной базе, взвешенных и свободных от идеологических стереотипов, подходах. Только так мы сможем обеспечить объективную оценку того, что произошло в Гомеле в марте 1919 г.

Валентина Лебедева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ИСТПАРТ

комиссия по истории октябрьской революции и
Р. К. П. (большевиков)

Г. ЛЕЛЕВИЧ

СТРЕКОПЫТОВЩИНА

Страничка из истории контрреволюционных выступлений
в годы гражданской войны

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
исправленное и значительно дополненное

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА – ПЕТРОГРАД

Оглавление.

.

Предисловие ко 2-му изданию.

Контрреволюционное восстание на Западном фронте и в Гомеле в марте 1919 года, известное под названием «Стрекопытовщины», является чрезвычайно характерной страничкой из истории российской контрреволюции за последние пять лет. В этом эпизоде, как солнце в дождевой капле, отразились классовые противоречия в том виде, в каком они проявились в годы гражданской войны.

Великая октябрьская революция, покончившая навсегда с пережитками феодализма и уничтожившая царское самодержавие, сломила вместе с тем и силу российской буржуазии, положив начало мировому социалистическому перевороту. Естественно, что застрельщиками всех контрреволюционных движений, направленных против Советской власти, оказались классы, непосредственно пострадавшие от октябрьской революции: землевладельческое дворянство и капиталистическая буржуазия. Гражданская война, три года бушевавшая в России, по сути дела являлась схваткой именно между этими двумя классами (поддержанными мировым капиталом), с одной стороны, и застрельщиком социальной революции, пролетариатом – с другой.

Но не помещичье-буржуазная клика и не пролетариат составляют основную массу населения России. Массу эту составляют различные мелкособственнические слои, — в первую очередь, многомиллионное крестьянство, помимо своей численности, играющее колоссальную роль в российской экономике. Победа в гражданской войне, в конечном счете, могла достаться только той стороне, которая сумела бы привлечь на свою сторону или, в худшем случае, нейтрализовать крестьянство. Это было совершенно очевидно. Вот почему в период гражданской войны можно было наблюдать любопытную картину, как представители буржуазно-помещичьей реставрации рядились в демократические одеяния и старались подделаться к мелкособственническим группам, пробовали увлечь их за собой.

Крушение белогвардейщины объясняется в первую очередь тем, что классовая природа не позволяла крупнособственническим хищникам следовать до конца «демократической» демагогии и заставляла их проявлять свои реставрационные стремления. В результате дрожащие за свою землю крестьяне с ужасом отшатывались от знакомой фигуры помещика, явно вырисовывавшейся на фоне белогвардейских знамен. И, наоборот, твердая политика пролетарского авангарда, направленная к созданию прочного союза пролетариата и крестьянства и к действительной борьбе со всеми эксплуататорами, все более сплачивала крестьянство под знаменами Советской власти и увенчалась, наконец, победой над силами контрреволюции.

Стрекопытовщина – это яркий осколок гигантской борьбы, протекавшей в течение трех лет на всем необъятном пространстве России. Это одна из попыток агентов буржуазно-дворянской реакции использовать в своих интересах колебания некоторых слоев крестьянства, попытка, кончившаяся такой же неудачей, как и все потуги белогвардейщины. Ознакомление с этим эпизодом даст возможность читателю выяснить на примере все характернейшие черты приемов белогвардейских авантюристов.

В заключение несколько слов о самой брошюре. Первое издание ее вышло весной 1922 года в Гомеле и распространялось лишь в пределах Гомельской

губернии. В настоящее издание введено большое количество нового материала, увеличившее размеры брошюры вдвое. Кроме того, брошюра совершенно переработана в архитектурном отношении.

Источники, которыми я пользовался, могут быть разбиты на три основных группы: 1) документальные, 2)газетные, 3) журнальные и книжные.

К первой группе относятся приказы, телеграммы и прокламации Стрекопытова и органов Советской власти, а также рукописные воспоминания т.т. И. Драгунского (частью опубликованы в Агит-Роста), А. Горелика и группы почепских крестьян-коммунистов, хранящиеся в архиве Гомельского Бюро Истпарта. Сюда же следует отнести рукописные воспоминания о Н. С. Билецком, любезно присланные мне его сестрой А. С. Езерской.

Ко второй группе относятся «Известия Гомельского Ревкома» за первую неделю после мятежа (в них особенно ценны потрясающие воспоминания тов. Л. Любарского). «В дни безумия и разрушения», «Агит-Роста» – однодневная газета Гомельского Областного Бюро «Роста» от 23 марта 1920 г., впечатления тов. М. Ш., печатавшиеся вскоре после мятежа в «Вечерних Известиях Московского Совета».

К третьей группе, наконец, следует отнести воспоминания В. Селиванова: «Стрекопытовское восстание в марте 1919 г.», напечатанные в сборнике «Революционная борьба в Гомельской губернии», вып. I. Гомель, 1921 г., а также следующие статьи и материалы, помещенные в «Известиях Гомельского Губкома»: И. Фаянса «Незабываемое» – в номере 9-10; Д. Цырлина «Оборона «Савой» — в № 19; М. Хатаевича «О Стрекопытовщине» — в № 21; доклад военкомбрига Ильинского – в № 24; И. Шифрина «Из воспоминаний участника по ликвидации целого ряда восстаний в 1919 г. в Гомельской губ.» – в № 34.

Г. Лелевич.
Москва, август 1923 года.

ГЛАВА I.

Предпосылки восстания.

Конец оккупации в Гомеле. Политическое положение республики. Белогвардейские мятежи. Тульская бригада. Ее материальное положение и политическое состояние. Контрреволюционная работа.

Гомель, нынешний центр Гомельской губернии, до мая 1919 года был уездным городом Могилевской губернии. По переписи 1920 года он насчитывал всего 63.771 чел.[1] населения. Гомель никогда не был промышленным центром. До самого недавнего времени его промышленность носила преимущественно ремесленный характер, а немногочисленные фабрично-заводские предприятия далеко не напоминали гигантов крупной индустрии. Более развита была гомельская торговля. Объяснялось это тем, что Гомель находится на перекрестке путей сообщения. Две железнодорожные линии (Полесская и б[ывшая] Либаво-Роменская ж. д.), ряд шоссе, водный путь по Сожу к Днепру — все это способствовало развитию торговли. Но это же обстоятельство, особенно наличие железнодорожного узла, сделало Гомель лакомым кусочком для всевозможных интервентов и белогвардейских авантюристов.

Весной 1918 года, очень скоро после запоздалого утверждения Советской власти в Могилевской губернии[2], вспыхнуло восстание польских легионов, а к началу марта соединенные силы польско-германского империализма заняли большую часть губернии. 1-го марта последние советские отряды покинули Гомель, и в городе произошел дикий погром, учиненный различными хулиганскими элементами, а утру следующего дня на улицах замелькали каски немецких оккупантов. Несмотря на то, что в Гомельском уезде украинцев и днем с огнем не найдешь, сначала Центральная Рада а потом гетман Скоропадский приняли Гомельский уезд «под свою высокую руку». После германской революции и свержения гетмана, единственной реальной силой в Гомеле оказался немецкий гарнизон, выделивший свой Солдатский Совет. Под прикрытием шейдемановского большинства этого Совета, гомельские меньшевики и бундовцы 17-го декабря 1918 г. состряпали свою «директорию» и приняли меры к тому, чтобы присоединить Гомель к возродившейся на миг державе Петлюры. Однако Петлюре было не до Гомеля, и единственной опорой соглашателей оставался немецкий гарнизон. Полулегальный Гомельский Ревком, возникший в эти дни, опираясь на широкие рабочие массы, повел энергичную борьбу за советизацию Гомеля. После целого ряда конфликтов, приключений, переговоров (особо важную роль сыграла забастовка железнодорожников), 6-го января 1919 г. в городе восторжествовала власть Советов[3].

Приступили к организации Советских учреждений, начали готовиться к выборам в Совет. Естественная на первых порах, неорганизованность, тяжелый

[1] См. справочник «Весь Гомель» на 1922 год, изд. „Гомпечать", стр. 9-12.

[2] Об Октябре в Могилеве см. мою книгу „Октябрь в ставке", Гомель 1922 г.

[3] О конце оккупации в Гомеле см. интереснейшую статью тов. Л. Любарского в сборнике «Революционная борьба в Гом. губ.», стр. 114—158.

продовольственный кризис и многое другое создали для молодого советского города чрезвычайно тяжелые условия. И едва работа стала налаживаться, разразились трагические события Стрекопытовщины, разгромившей еле налаженный аппарат рабочего государства в Гомеле и уезде.

Оценить историческое значение Стрекопытовщины можно только вспомнив политическое положение Республики весной 1919 года. Здесь не место детально останавливаться на этом положении, но очертить основные моменты необходимо. 18-го ноября 1918 года адмирал Колчак свергнул в Омске эсеровскую директорию и провозгласил себя «верховным правителем». Смысл этого переворота прекрасно сформулирован чехословацким военным министром, генералом Стефаником, который говорил чехословацким легионерам в Сибири по поводу колчаковского переворота следующее: «Переворот не был приготовлен только в Омске, главное решение было в Версале[4]. К марту 1919 года началось вдохновленное Антантой наступление Колчака, без сомнения, ставившее себе целью окончательное низвержение Советской власти в России. Одновременно с первыми шагами омского диктатора развилась бешеная работа белогвардейских организаций в Советском тылу. Назначением этих махинаций было расстройство обороны Советской Республики и помощь колчаковским армиям. Творя это грязное дело, белогвардейские молодчики имели возможность опереться на колебания некоторых слоев крестьянства.

Отсутствие места не позволяет мне подробно останавливаться здесь на этом вопросе, а потому я ограничусь, в целях выяснения его, выдержками из знаменитого доклада В. И. Ленина на VIII Съезде нашей партии 18-го марта 1919 г. Характеризуя политику Ц. К. нашей партии по отношению к крестьянству, тов. Ленин говорил: «Мы так легко проделали Октябрьскую революцию потому, что крестьянство в целом шло с нами, потому, что оно шло против помещиков, видело, что здесь мы пойдем до конца. Когда стали организовываться комитеты бедноты, с этого момента наша революция начала переходить в революцию пролетарскую. Перед нами встала задача, которую мы еще далеко не решили. Но чрезвычайно важно то, что мы ее практически поставили. Комитеты бедноты были переходной ступенью. Первый декрет об организации комитетов бедноты Советской властью был проведен по инициативе товарища Цурюпы, который стоял во главе продовольствия. Нужно было спасти от гибели неземледельческое население, которое терзалось муками голода. Это возможно было сделать только при посредстве комитетов бедноты, как пролетарских организаций. И когда мы увидели, что в деревне летом 1918 года началась и произошла Октябрьская революция, только тогда мы стали на свой настоящий пролетарский базис, только тогда наша революция не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, а на деле стала пролетарской». И далее, перейдя к вопросу об отношении к другим слоям крестьянства, тов[арищ] Ленин продолжал: «Я скажу еще только несколько слов о нашем отношении к среднему крестьянству. Принципиально это отношение было ясно для нас и перед началом революции. Задача нейтрализации крестьянства была поставлена нами... Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике. Но сплошь и рядом, по неопытности советских работников, по трудности вопроса, удары которые предназначались для кулаков, падали на среднее

[4] См. Шмераль. «Чехо-словаки и эсэры». Стр. 21. Москва 1922 г.

крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем. Вот задача, которая стоит перед нами не теоретически, а практически. Мы можем и должны выровнять и выправить линию нашей партии, которая недостаточно шла на союз, на соглашение со средним крестьянством» [5].

Эти перегибы палки по отношению к среднему крестьянству, неизбежные в период усиленной работы по классовому расслоению деревни, наряду с еще более неизбежными тяготами гражданской войны, вызвали к весне 1919 г. колебания некоторых слоев крестьянства, которые поддались влиянию кулацкой верхушки деревни. Белогвардейские агенты, стремившиеся поддержать наступающие полчища Колчака, поспешили использовать эти колебания и спровоцировать ряд крестьянских восстаний. Я работал в то время в Самаре и имел возможность знакомиться с подобным движением в Самарском районе. В середине марта вспыхнуло крестьянское восстание в Ставропольском уезде, увенчавшееся захватом мятежниками уездного центра – Ставрополя. Более мелкие вспышки начались в различных пунктах губернии. Одновременно из Симбирской губернии были получены тревожные сообщения об аналогичных событиях. В частности, вспышки имели место в районах Сызрани и Сенгилея. Подобные же известия донеслись из Саратовской губ. Читатель видит, что все это был близкий тыл Красной армии, как раз в то время отбивавшей первые попытки колчаковского наступления. Принужденные опереться на крестьянство, колчаковские агенты нарядились в чрезвычайно «демократическое» и местами даже «советское» одеяние. Сохранившаяся у меня выписка из подлинного воззвания белогвардейского коменданта Ставрополя, поручика Долинина, гласит: «Мы ни на шаг не отступаем от конституции Р. С. Ф. С. Р.».

Однако при ближайшем рассмотрении, подлинными вдохновителями всех этих авантюр оказывались дворянско-буржуазные элементы. У меня сохранилась выписка из телеграммы председателя Сызранского Ревкома тов. Зирина Народному Комиссару Внутренних Дел. В этой телеграмме, относящейся к марту 1919 года, между прочим, говорится: «По сообщениям, в Усинске восставшими руководят генерал Бередичев и полковник граф Орлов». Не менее ярка фигура поручика Долинина в качестве главы ставропольского «крестьянского» восстания!

Таковы отличительные черты белогвардейских мятежей весною 1919 года. Агенты буржуазно-помещичьей реакции, пользуясь колебаниями некоторых слоев крестьянства, провоцировали мятежи под различными «демократическими» соусами. Однако курс, взятый VIII Всероссийским Съездом, нашей партии, с одной стороны, и очень скоро выявлявшаяся помещичья сущность белогвардейцев – с другой, привели все эти авантюры к позорному провалу.

Гомель находился очень далеко от линии колчаковского фронта и сам по себе вряд ли представлял ценность для колчаковских агентов, но, как железнодорожный узел, открывающий дорогу через Брянск на Москву, он был лакомым кусочком. К тому же недалеко от него проходила линия польского фронта. «В течение 1919 года мы вели с Польшей войну без всякого объявления ее как нами, так и белополяками. Эта война явилась естественным следствием отхода германцев из оккупированных

[5] См. Ленин: «Собрание сочинений», Т. XVI, стр. 105—108.

наших западных областей и империалистических тенденций белой Польши. Война в 1919 г. не получала широкого масштаба ввиду того, что как мы, так и Польша имели более важные вопросы: Польша на западе, мы на юге. Неясность обстановки в известной степени удовлетворяла обе стороны»[6]. К тому же Петлюра только 4-го февраля был изгнан из Киева[7] и отнюдь не собирался сложить оружие. Польско-петлюровский фронт проходил непосредственно за Мозырем и Овручем. В ближайшем тылу этого фронта белогвардейцы развили не менее интенсивную работу, чем в Поволжье. При оценке этой предательской деятельности, следует помнить, что каждая крупная армия, сформированная на территории России, неизбежно имеет в массе своей крестьянский состав. Поэтому решающую роль в гражданской войне сыграло отношение крестьянства к пролетарской и белогвардейской властям. Но если союз пролетариата с крестьянством обусловливал мощь Красной армии, то, наоборот, и всякие колебания крестьянства так или иначе отзывались на состоянии последней.

Крестьянские волнения весной 1919 года нашли отклик в некоторых частях неокрепшей еще тогда Красной армии. Мне вспоминается, что в момент Ставропольского мятежа произошли волнения в одном из полков в Самаре. Точно так же, в своей предательской работе в тылу западного фронта, белогвардейцы использовали некоторые нестойкие красноармейские части. 10–12 марта вспыхнуло восстание в Брянске, 17–20 марта аналогичная вспышка имела место в Орле. Такой же мятеж произошел в Коростени[8]. Не избежала этой судьбы и Могилевская губерния: в начале марта расположенный в Рогачеве 20-й пограничный полк убил своего комиссара, стойкого коммуниста тов. Циммермана, и начал громить город. Этот мятеж, после 6-ти часового боя, был ликвидирован могилевскими командными курсами и батальоном Ч. К. Вскоре после этого, прибывший из Бобруйска в Рогачев для переформирования 2-й Полесский полк отказался разгружаться, и потребовал пропуска дальше. Комкурсам пришлось разоружить и этот полк[9]. Несколько раз приходилось разоружать разложившиеся полки, проезжавшие и через станцию Гомель[10]. Все эти мятежи и вспышки происходили разновременно и быстро ликвидировались, но, безусловно, они являлись частью широко задуманного белогвардейского плана. Такова была общая обстановка, в которой разыгралась стрекопытовская трагедия.

В конце января 1919 года в Гомель прибыла 2-я (Тульская) бригада 8-й стрелковой дивизии в составе 67-го и 68-го| полков. На истории этой бригады придется остановиться подробнее.

Бригада начала формироваться в Туле в ноябре 1918 года. Непосредственно перед этим в Тульской губернии произошел ряд крестьянских восстаний, между прочим, направленных против перехода от системы добровольческих красногвардейских отрядов к принудительным мобилизациям в Красную армию. Весьма возможно, что в числе мобилизованных был не один участник этих восстаний. Время пребывания бригады в Туле было настолько непродолжительно, что ни о каком политическом воспитании красноармейцев, поставленном мало-

---

[6] См. Отчеты об операциях Красной армии и флота за период с 1.12.1919 по 25.11.1920, стр.11.
[7] См. М. Рафес. «Два года революции на Украине». Гиз. Москва 1920 г., стр. 160.
[8] См. воспоминания М. Хатаевича.
[9] См. восп. И. Шифрина.
[10] См. восп. Д. Цырлина.

мальски на серьезную ногу, не могло быть и речи: 22-го ноября в Тулу стали прибывать первые; мобилизованные, а в начале января бригада была уже переброшена. Сначала ее расквартировали в Бобруйске и лишь потом перевели в Гомель. Передряга эта отняла не менее двух недель[11].

В Гомеле полки, прежде всего, попали в отвратительные жилищные условия. Дело в том, что немецкие оккупанты, покидая город, не преминули оставить гомельчанам соответствующий подарок: почти все казармы были приведены в совершенно негодное состояние. Таким образом, для Тульской бригады не нашлось помещения, ибо восстановить казармы в течение нескольких недель, особенно при тогдашних условиях, было немыслимо. Пришлось поставить красноармейцев на постой по частным квартирам. Наряду с кризисом жилищным Гомель в то время переживал тягчайший продовольственный кризис. Упродком, только что организованный,| был еще совершенно неспособен удовлетворять огромные нужды воинских частей[12]. Эти объективные условия, естественно, порождали огромное недовольство в среде темной массы красноармейцев и вызывали вражду к органам Советской власти. В этом же направлении действовали часто вести с родины красноармейцев: семьи их в Тульской губернии не всегда достаточно удовлетворялись и обеспечивались, а порой и страдали от действий некоторых головотяпских низовых представителей власти[13]. Красноармейцы почти совершенно не разбирались в политических вопросах и были далеки от сознательного контрреволюционного настроения, но тяжелые жилищные и продовольственные |условия и дурные вести с родины создавали у бойцов Тульской бригады восприимчивость к антисоветской агитации.

Весьма вероятно, что если бы в частях была поставлена на должную высоту политико-просветительная работа, кризис можно было бы изжить, но с этой стороны далеко не все обстояло благополучно, точнее все обстояло неблагополучно. Добровольческий кадр в бригаде был очень незначителен, пролетарскою ядра в ней не было, коммунистов было мало, между последними и мобилизованными всегда замечалась некоторая неприязнь. В силу тяжелых продовольственных и жилищных условий, политсоставу бригады приходилось тратить больше времени на хождение по различным советским учреждениям и хлопоты о различных материальных благах, чем на политработу[14]. Все это содействовало тому, что красноармейцы все более и более проникались стихийным недовольством и сочувствием к антисоветским вспышкам, наблюдавшимся в тот период в различных местах Республики. Если коммунистическое воспитание красноармейцев Тульской бригады было поставлено из рук вон плохо, то работа белогвардейских шпионов и всяких контрреволюционных элементов развивалась, наоборот, образцово. Размещение красноармейцев по обывательским квартирам позволило контрреволюционному мещанству свободно вести свою агитацию и засорять мозги своих квартирантов контрреволюционной чепухой и, особенно, антисемитизмом.

Одновременно с этой, так сказать, партизанской контрреволюционной агитацией, началась организованная белогвардейская работа. В Гомеле образовалась

[11] См. ценнейший доклад военкома Тульской бригады Ильинского, написанный для штаба дивизии сейчас же после мятежа.
[12] См. воспоминания Селиванова,очень важные, но с безнадежно перепутанными датами.
[13] См. доклад Ильинского.
[14] См. доклад Ильинского.

подпольная белогвардейская организация под названием «Полесский Повстанческий Комитет», безусловно имевшая связь с аналогичными группами, действовавшими во всех концах России[15]. Она имела своих агентов среди командного состава Тульской бригады. Командир 68-го полка Мачигин впоследствии сам признался Реввоентрибуналу Запфронта в том, что он был одним из организаторов мятежа[16]. Точно так же бывший царский офицер Стрекопытов, впоследствии ставший во главе авантюры, был начальником хозяйственной части одной из войсковых единиц Тульской бригады.

Вообще комсостав бригады был далеко не на высоте своего положения. Забегая вперед, считаю небесполезным привести следующую сценку. Рассказывая в своем докладе об отправке на позиции сборной батареи, военком Тульской бригады Ильинский писал: «Командир этой батареи все время ныл по дороге на позицию о том, что его люди не одеты, что у него нет военного снаряжения и что такую батарею нельзя выводить на позицию. Затем завел со мною спор о коммунизме, выражая мнение, что русский народ еще не дорос до коммуны, что мы сражаемся вовсе не за коммуну, что мобилизация противоречит выставленным коммуной лозунгам, все это говорилось в присутствии кр[асноармей]цев его батареи, так что я был вынужден, в конце концов, дать ему понять, чтобы он замолчал. Недаром, эта батарея, по-моему, принесла на позиции больше вреда, чем пользы». Командир 67-го полка Лазицкий, человек честный и лояльный, прибыл в полк всего за две недели до отправки последнего на фронт и поэтому не мог оказать серьезного влияния на состояние своей части. В следующей главе я приведу данные о поведении командного состава бригады в дни мятежа, достаточно характеризующие этот состав.

Руководящие гомельские партийные работники того времени единогласно утверждают в своих воспоминаниях, что Уком все время чувствовал неизбежность трагических событий. Отношения между парткомом и Ревкомом, с одной стороны, и командованием бригады, — с другой, сразу установились самые натянутые. Причину этого следует искать в целом ряде хулиганских выходок командиров и красноармейцев частей бригады. Натянутость эта усиливалась вследствие постоянных столкновений на почве жилищного и продовольственного кризиса. К концу пребывания бригады в Гомеле отношения эти, правда, несколько наладились, но и тогда они все же оставляли желать лучшего. Видя скверное состояние бригады, Ревком неоднократно обращался к командованию фронта с ходатайством об удалении бригады из Гомеля. Одновременно Реввоенсовет Республики был поставлен в известность о необходимости решительных мер в смысле немедленного усиления, освежения и изменения политического и командного состава бригады[17]. Меры эти, однако, своевременно приняты не были, и все обладавшие элементарным политическим чутьем партийные работники Гомеля чувствовали, что собирается гроза. Тов. М. Хатаевич, бывший в то время председателем Укома, рассказывает что 14-го марта, уезжая в Москву на VIII Съезд партии, он в прощальной беседе с председателем Ревкома Комиссаровым и

---

[15] См. восп. Драгунского.
[16] См. доклад Ильинского.

[17] См. восп. Хатаевича и Цырлина.

председателем Ч.К. Ланге обсуждал вопрос, вспыхнет ли мятеж до или после возвращения Хатаевича из Москвы. Неизбежность мятежа, таким образом, была ясна, и разговор шел лишь о возможном сроке его.

Наконец, гомельчане вздохнули свободно: 18-го марта бригада получила назначение отправиться в срочном порядке на фронт в район Овруча. В тот же день был отправлен первый эшелон в составе 1-го батальона с командой конных разведчиков 68-го полка. В 7 часов утра 19-го марта выехал на фронт 2-й эшелон в составе 2-го батальона 68-го полка. С этим эшелоном на фронт отправились командир бригады, военкомбриг Ильинский и часть штаба. 21-го марта на фронт отправился 67-й полк[18].

Гомельские работники думали, что опасность миновала. В воскресенье 23-го марта произошло торжественное открытие Гомельского Совдепа, а на фронте в этот момент уже бушевала гроза.

Глава II
Восстание Тульской бригады.

Прибытие 68-го и 67-го полков на фронт. Мятеж. Уход с фронта. Поведение командного и политического состава. Оборона Мозыря от петлюровцев. Прибытие мятежников в Гомель.

Как помнит читатель, к утру 19-го марта оба батальона 68-го полка вместе с командиром и комиссаром бригады отправились в двух эшелонах на позиции. Вечером 19-го марта второй эшелон прибыл уже на ст[анцию] Словечно и комбриг принял от бывшего там начальника боевого участка командование действующими под Овручем красными частями[19]. В тот же вечер в штабе произошло совещание. Полученные сведения говорили о слабости и малочисленности петлюровских войск, находившихся в Овруче. Силы же Красной Армии в этом районе состояли из двух батальонов 68-го полка, 10-го пограничного полка, который насчитывал до 400 бойцов, и батареи Филиппова. Кроме того, имелся Овручский коммунистический отряд. 10-й полк считался надежным. О первом батальоне 68-го полка, прибывшем на позиции раньше, чем 2-й батальон с командиром и комиссаром бригады, бывший командующий боевым участком Филиппов, а также уполномоченный политотдела армии Давид Гуревич отзывались очень хорошо. Овручский отряд, наоборот, реальной силы из себя не представлял. Обсудив положение, штаб решил на рассвете 20-го марта предпринять наступление на Овруч.

Утром в назначенный час комиссар бригады Ильинский выехал вместе с частями к опушке леса у разъезда Хра, откуда должно было развиваться наступление. Красноармейцы без всякого ропота, бодро и спокойно рассыпались в цепь, заняли указанные позиции и хорошо держались под артиллерийским

[18] См. доклад Ильинского.

[19] О восстании бригады на фронте см. Исчерпывающие данные в докладе Ильинского.

обстрелом. Пробыв до вечера на позициях, Ильинский отправился затем в штаб на ст[анцию] Словечно.

Прибыв утром 21-го марта вместе с командиром бригады обратно на позиции, Ильинский застал положение существенно изменившимся: красные цепи не выдержали сильного артиллерийского огня и натиска противника и стали в беспорядке отступать. Комбриг и военкомбриг быстро восстановили порядок, остановили разбегающиеся части и вернули их, было, на позиции, но восстановить положение было уже невозможно, и пришлось отдать распоряжение об отступлении до ст[анции] Бережесь. Это отступление также началось беспорядочно, эшелоны ринулись, спеша вперед, вследствие чего чуть не произошло крушение. Больше всего наводила панику сборная батарея 17-й дивизии. Однако комбриг и военкомбриг остановили эшелоны, привели их в порядок, и в результате, части под артиллерийским обстрелом в полном порядке отошли до ст[анции] Бережесь.

Наступил 3-й день операции – 22-е марта. Результаты этого дня оказались еще печальнее. Бронепоезд петлюровцев подошел близко к эшелонам и в упор обстрелял их (2 снаряда попали в эшелоны, разбили штабной вагон 68-го полка и вагон с лошадьми, а также убили 10 и ранили 15 человек). Одновременно противник открыл усиленный артиллерийский огонь по расположению красных частей. С наступлением темноты, наши части принуждены были отойти до ст[анции] Словечно. Здесь в штабе было снова устроено совещание, которое постановило закрепиться на позициях у Словечно и занять, временно, до сосредоточения всей бригады, оборонительное положение. Таким образом, вместо наступления на Овруч, получилось двухдневное отступление. Это не могло не повлиять разлагающим образом на части, находившиеся на позициях.

В ночь с 22-го на 23-е на ст[анцию] Словечно прибыл из Гомеля 1-ый батальон 67-го полка, который должен был заменить потрепанный и уставший первый батальон 68-го полка. Но. 67-й полк был самой разложившейся частью бригады. Видимо, белогвардейские агенты особенно усиленно его «обрабатывали». Прибыв на позиции, он немедленно устроил митинг, на котором зазвучали требования немедленно бросить фронт и ехать назад — до самой Тулы. Ильинский пытался уговорить и успокоить митингующих, но все его попытки не привели ни к чему. Угрожая винтовками, его оттесняли всё дальше. В ответ на его слова, приказы и призывы, из толпы сыпались возгласы: «Долой войну! Местные крестьяне не хотят нас и Советской власти! Не желаем защищать жидов..!» Ильинскому не давали сказать ни одной связной фразы. Послышались угрозы: «Расстрелять его! Взять заложником! Выдать Петлюре! Ты нам больше не комиссар, ты – жидовский наемник!» В результате митинг единогласно постановил не занимать позиций. Белогвардейские агенты еще более наэлектризовали толпу, вытащив из вагонов убитых и раненых в предыдущем бою красноармейцев 68-го полка.

После митинга красноармейцы поставили своих людей на паровозы и двинулись обратно через ст[анцию] Калинковичи на Гомель. Во главе эшелонов стал эшелон 1-го батальона 67-го полка, за которым потянулись другие. Последним шел 2-й батальон 68-го полка, который сначала держался хорошо, но затем поддался общему настроению, Ильинский поехал вместе с этим батальоном. Прибыв на ст[анцию] Козенки, он хотел сделать попытку задержать красноармейцев, но большая часть эшелонов уже ушла дальше к Мозырю. Только что прибывшая на

фронт 4-я батарея отдельного артиллерийского дивизиона Тульской бригады отказалась выгрузиться, примкнула к мятежникам и двинулась за ними. Ильинский направился далее в Мозырь с тем же батальоном 68-го полка.

23-го марта на ст[анцию] Мозырь на дрезине приехали командир 67-го полка Лазицкий и комиссар того же полка Сундуков. В этот момент мятежные эшелоны сгруппировались на соседней ст[анции] Калинковичи. По дороге в Калинковичи Ильинский сделал попытку образумить стоящий за разъездом Пхов эшелон только что прибывшей и уже взбунтовавшейся 5-ой батареи. Кончилась эта попытка тем, что, по предложению некоторых хулиганов, военкомбрига чуть не сбросили с моста в Припять.

В Калинковичах Ильинскому удалось было поколебать батальоны 68-го полка, но мятежники парализовали эти попытки. Попытка собрать команду охотников для защиты фронта окончилась тем, что к ночи Ильинский собрал всего 60 человек, в том числе около 50-ти коммунистов и сочувствующих. Мятежники уже не ограничивались простым желанием ехать домой. Наиболее активная их часть уже приступила к агрессивным действиям. Часть повстанцев отправилась в местечко Калинковичи с целью устроить там еврейский погром. 6-я рота 68-го полка по собственному почину разогнала эту погромную шайку и предотвратила резню. Но когда эта рота вернулась обратно, ее вещи и пулеметы: были уже увезены вместе с ушедшим в гор[од] Гомель ее эшелоном. В результате рота разбилась по другим вагонам и распылилась.

Организаторы мятежа решили положить конец агитации Ильинского. Группы мятежников начали искать его, чтобы арестовать. Правда, сначала ему удалось даже спасти от самосуда мозырского коммуниста Шавольского, освободить его из-под ареста, отнять у повстанцев и возвратить ему отобранное у него оружие. Но затем, после того, как ему самому два раза еле удалось вырваться из рук бандитов, он вынужден был сам скрываться и избегать самосуда.

Необходимо отметить, что уже в Калинковичах обнаружилась работа среди красноармейцев посторонних лиц в штатской и матросской одежде. Вообще на остановках эшелонов посторонние штатские провокаторы стремились усилить разложение частей.

В ночь с 23-го на 24-е марта мятежники отдали приказание дежурным по станции отправить эшелоны в Гомель, не задерживая, один за другим. Машинисты должны были ехать так, чтобы один эшелон был в виду другого, идущего сзади. На каждом паровозе были поставлены пулеметы и охрана. В ту же ночь эшелоны один за другим быстро двинулись к Гомелю, причем, по имеющимся сведениям, их отправкой руководила группа лиц в штатском.

Возникает вопрос, какую роль во всех этих событиях играл командный и политический состав бригады. Некоторые сведения по этому вопросу сообщены в первой главе настоящей брошюры. В докладе Ильинского, которым мы пользовались при изложении истории мятежа на фронте, имеется немало данных по этому вопросу.

Часть командного состава, особенно низшего, открыто выступила как зачинщица мятежа. Так, на ст. Козенки, когда Ильинскому чуть не удалось образумить 2-й батальон 68-го полка, дело испортил помощник взводного командира 6-й роты Шумилин, взбудораживший красноармейцев. Особенно

настойчиво и смело вели злостную погромную агитацию в обоих полках и артиллерийском дивизионе некоторые отделенные командиры. Мы уже знаем, что командир 68-го полка Мачигин и начхоз Стрекопытов участвовали в организации мятежа.

Большая же часть комсостава *открытого* участия в организации оставления фронта и в контрреволюционной агитации не приняла, но в то же время ничего не делала для противодействия авантюре. Ильинский правильно характеризует поведение большинства комсостава, как «преступно-бездеятельное». На ст[анции] Калинковичи при попытках образумить красноармейцев Ильинский и Сундуков не встретили поддержки комсостава. Везде в эшелонах военкомбриг находил комсостав сбившимся в кучу в одном из вагонов и совершенно бездействовавшим. На предложение отправиться к своим частям и повлиять на них слышались ответы: «бесполезно». При повторном предложении, командиры произносили «слушаю», быстро направлялись куда-то и также быстро исчезали совсем или возвращались, ничего не сделав. Нельзя не отметить, однако, что среди комсостава нашлись люди, выполнившие свой долг. Например, командир артиллерийского дивизиона Куманин сделал все, что мог. Он выбился из сил, стараясь задержать артиллеристов. Именно он спас Ильинского, когда повстанцы хотели сбросить последнего в Припять. Но из всего командного состава дивизиона ему помогал лишь один командир взвода Утехин. Точно так же в 1-ом батальоне 67-го полка из всего комсостава лишь командир батальона Алавердов и командир 2-й роты Кукушкин (оба – коммунисты) пытались противодействовать авантюре, но их никто не поддержал. Надо отметить еще один факт честного поведения одного из командиров: командир 67-го полка, Лазицкий, не изменил долгу и был за это отстранен мятежниками от командования. Когда Ильинский собирал на ст[анции] Калинковичи охотников остаться с ним на позициях, некоторые представители комсостава вызвались остаться. Одно обстоятельство, однако, заставляет заподозрить, что некоторые из этих охотников действовали с задней мыслью сорвать оборону позиций. Так, среди вызвавшихся был командир 68-го полка Мачигин – явный участник мятежа. Предложение этих лиц комсостава было отклонено, так как начальник дивизии передал через Ильинского приказание всем строевым командирам оставаться при своих частях. Это приказание можно объяснить только тем, что штабу дивизии не был еще ясен смысл совершавшихся событий.

Во всяком случае, подавляющее большинство комсостава бригады или активно организовывало мятеж, или бездействовало, и лишь отдельные командиры пытались выполнить свой революционный долг.

На высоте своего положения оказалось и большинство коммунистов бригады. Мы знаем о смелых попытках Ильинского, Сундукова, Алавердова и Кукушкина ликвидировать вспышку. Мы знаем, что на ст[анции] Калинковичи около 50-ти коммунистов остались с Ильинским защищать покинутый повстанцами участок фронта. Приходится признаться, что все остальные коммунисты бригады совершенно стушевались. С одной стороны, это объясняется малочисленностью коммунистического состава бригады и отмеченной в первой главе рознью между коммунистами и беспартийными мобилизованными красноармейцами. Коммунисты просто тонули в массе мятежников, а последние за ними зорко следили, не давали им оружия, не позволяли выступать с речами. С другой стороны, многие из этих

коммунистов, не имея достаточной подготовки и воспитания, оказались идейно-нестойкими, проявили малодушие. Вместо того, чтобы помочь Ильинскому и Сундукову, они только хныкали и жаловались, что им угрожают оружием и т. п.

При таких условиях картина мятежа чрезвычайно ясна. Темные и несознательные красноармейцы стремились лишь к возвращению домой. Когда Ильинскому удавалось обращаться к ним непосредственно, они легко поддавались убеждению, но стоило появиться крикунам и контрреволюционным агитаторам, и дело сразу менялось. Не подлежит никакому сомнению, что при наличии должным образом поставленной политработы и при активной поддержке Ильинского коммунистами и командирами мятеж, если и не был бы предотвращен, то, во всяком случае, вылился бы в менее опасные формы. Совершенно ясен и классовый смысл этих событий: перед нами борьба за темную мелкособственническую крестьянскую массу двух сил – пролетарского авангарда и буржуазно-дворянской контрреволюции. В Тульской бригаде более организованными оказались представители контрреволюции, результат – мятеж. Во всероссийском масштабе соотношение сил оказалось иное, а главное, смысл белогвардейского движения все более выяснялся для большинства крестьянства. Союз крестьянина и помещика мог быть только мгновенным и скоропреходящим эпизодом. Тем самым исторически предрешалась судьба вспыхнувшей авантюры.

Основной задачей, вставшей перед командованием бригады после ухода частей с фронта, была защита позиций от петлюровцев. 10-й пограничный полк в большинстве разбежался, узнав о мятеже бригады, и от него осталось лишь 140 бойцов. В результате на фронте у Мозыря оказались лишь комбриг, военкомбриг, 5 человек штаба бригады, 14 человек комендантской команды, 60 охотников, бронепоезд с командой в 75 человек и 140 человек 10-го полка. Эта горсть бойцов в течение двух суток защищала город Мозырь от натиска петлюровцев. Лишь 25 марта к ним на помощь прибыл батальон 150-го полка, а 26—военком 8-ой дивизии Батурин с 3-им отдельным кавалерийским дивизионом и мортирным взводом 65-го полка. Все эти части вплоть до 27 марта геройски обороняли Мозырь, пока на них не начали наседать с тыла мятежники.

А в Гомеле в это время разыгрывалась жуткая трагедия. В ночь с 23-го на 24-е марта на ст[анцию] Гомель-Полесский (более отдаленный от города вокзал—см. план) один за другим стали прибывать мятежные эшелоны с пулеметами на паровозах. Красноармейцы в полной боевой готовности, не выгружаясь из вагонов, потребовали немедленной отправки всех эшелонов зараз через Брянск на Тулу. В то же время часть их заняла станцию и арестовала находившихся на ней коммунистов[20]

ГЛАВА III.
Переворот в Гомеле

Попытка переговоров с мятежниками. Заседание Укома.
Организация обороны. Защита и сдача «Савоя».

Немедленно перед Укомом Р. К. П. (б.) встал вопрос, что предпринять. Пропустить взбунтовавшиеся части дальше было невозможно: и Брянск

[20] См. воспом. Селиванова.

(ближайший за Гомелем крупный пункт), и Тула еще совсем недавно пережили белогвардейские мятежи. Появление мятежных частей в этих местах могло вызвать новые вспышки, которые, при непосредственной близости названных пунктов к Москве, могли сыграть роковую роль. Оставалось попробовать или убедить повстанцев вернуться на фронт, или разоружить их.

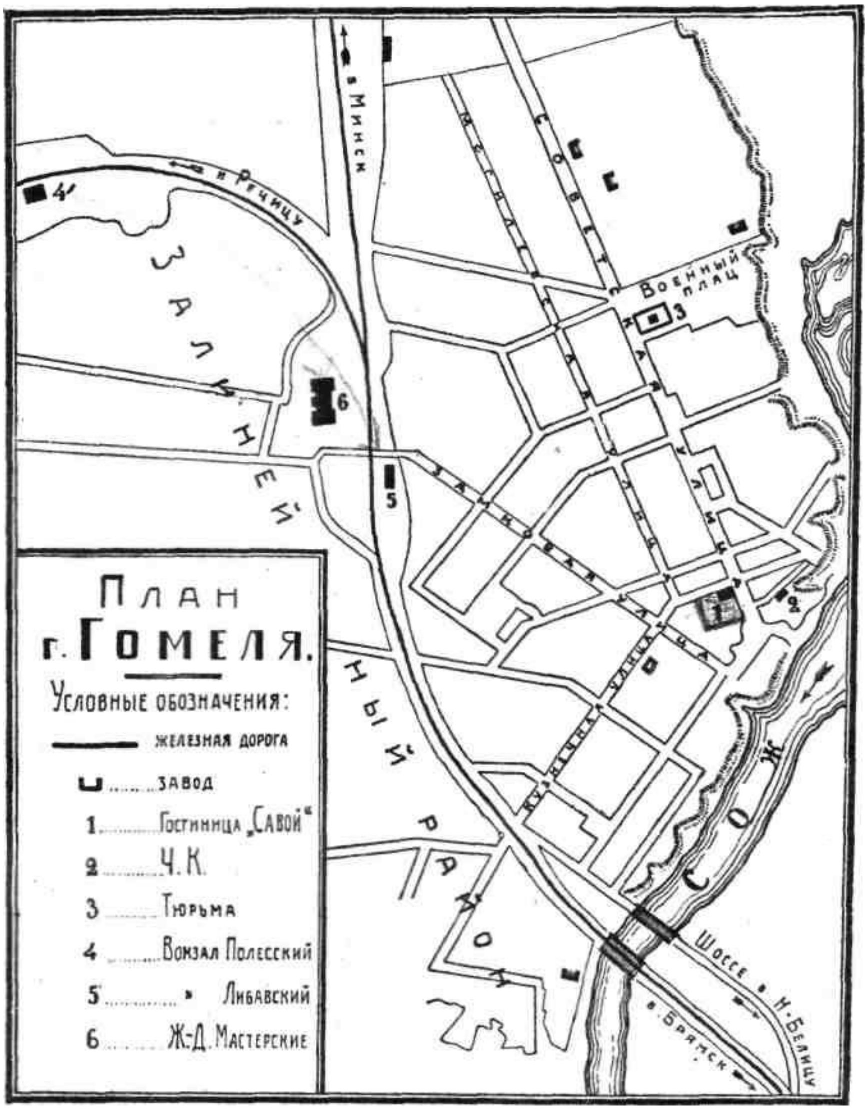
На рассвете Уком командировал на Полесский вокзал для переговоров с мятежниками четырех товарищей: председателя Ревкома Комиссарова, редактора «Известий Ревкома» Билецкого, Упродкомиссара Селиванова и руководителя Гомельских железнодорожников Володько. Отправляя парламентеров, Уком предполагал, что он имеет дело не с организованной белогвардейской авантюрой, а со стихийной вспышкой несознательной красноармейской массы. Однако ближайший час внес в положение необходимую ясность. Подъехав к Либавскому вокзалу (вокзал, расположенный между Полесским вокзалом и центром города, – см. план), парламентеры увидали, что мятежники выставили пулемет, направленный на город и приготовленный к стрельбе. При пулемете был повстанческий патруль. Эта картина показала парламентерам, что перед ними организованное белогвардейское выступление, серьезно угрожающее Советской власти. Ехать на Полесский вокзал и тратить время на агитацию, при явном наличии твердой белогвардейской руки, распоряжающейся мятежом, было бесполезно. Парламентеры решили вернуться в Уком, чтобы, не теряя ни минуты, можно было разработать план действий[21].

По возвращении парламентеров, в Укоме было устроено экстренное заседание, перед которым встала альтернатива: или отступить за реку Сож и сдать город мятежникам, или оказать вооруженное сопротивление. Тов. Хатаевич в позднейших воспоминаниях пишет, что разумнее всего было бы отступление. Вряд ли можно согласиться с этим замечанием, ибо, в случае отступления, как правильно замечает в своих воспоминаниях тов. Цырлин, фронт сразу подвинулся бы до Гомеля, части, оставшиеся на фронте у Калинковичей, оказались бы окруженными, и мятежные полки соединились бы с петлюровцами. Вопрос о необходимости сопротивления не вызвал на заседании никаких сомнений, При подсчете вооруженных сил, которыми располагал Ревком, выяснилась печальная картина. Можно было положиться только на сотни две или три плохо обученных коммунистов и небольшой интернациональный отряд Ч.К. Из регулярные войск в городе был лишь караульный батальон в составе около 400 человек, на который было мало надежды[22]. Сил этих для обороны от целой бригады было безусловно недостаточно, но Ревком телеграфировал в Брянск и Могилев о необходимости помощи и рассчитывал на сравнительно быстрое прибытие последней. Учитывая полную невозможность отступления, заседание в Укоме решило, несмотря на недостаточность сил, оказать вооруженное сопротивление мятежникам и «продержаться до прихода помощи. Немедленно был сформирован военно-революционный штаб в составе упоминавшихся выше С. Комиссарова, И. Ланге, Н, Билецкого, а также чекиста Я. Фрида и Гулло. Штаб постановил перевести на казарменное положение коммунистов и расположить их вместе с милицией в гостинице «Савой» (см. план), в которой удобнее всего было выдерживать осаду.

[21] См. восп. Селиванова.
[22] См. восп. Селиванова и Цырлина.

Отряду Ч.К. было предложено оставаться в помещении Ч.К. Группы коммунистов заняли телефонную и телеграфную станции и казначейство. По городу были расставлены коммунистические и милицейские посты.

Часов в 5 пополудни в Уком поступили сведения, что мятежники стали появляться в районе Либавского вокзала и на прилегающих пунктах, арестовывая и разоружая наши патрули и посты. Пришлось прервать заседание Укома, который вместе со своей канцелярией и делами немедленно

перебрался в «Савой»[23]. Там же обосновался военный штаб. Отряд, засевший в «Савое», был плохо вооружен, имелся всего один пулемет и около десятка лент. Винтовок было около 300, но часть из них не годилась к употреблению. Патронов было мало. У многих не было револьверов. Недостаток оружия и краткость времени помешали вооружить рабочую массу и защитники «Савоя» насчитывали в своих рядах всего около 300 бойцов. Поместившись в «Савое», штаб выслал разведчиков для выяснения положения, в городе и отправил телеграмму «всем, всем, всем» о катастрофическом положении города.

Тем временем мятежники не дремали.

---

[23] См. восп. Селиванова.

Часов около 7-ми Селиванов и Володько были командированы военно-революционным штабом на вокзал с целью выяснить положение. По дороге они слышали по улицам одиночные выстрелы и видели разоружение милиционеров. Придя на Либавский вокзал, наши разведчики направились было в железнодорожный клуб, но, не доходя нескольких десятков сажен до клуба, встретили железнодорожника-коммуниста Бусленкова. Последний сообщил, что десять минут тому назад отряд повстанцев с винтовками и пулеметами окружил железнодорожный клуб и арестовал заседавшую там значительную часть железнодорожной районной организации Р.К.П. во главе с членами комитета. Забрав все имущество и партийные дела, находившиеся в клубе, повстанцы вместе с арестованными двинулись к себе в штаб. Между прочим, бандиты искали председателя Райкома Р.К.П. Володько. Сам Бусленков тоже был в числе арестованных, но ему удалось бежать. После такой информации, Володько и Селиванову оставалось только поспешно ретироваться[24] и сообщить штабу о происшедшем.

Одновременно штабом были получены сведения, что банда повстанцев двинулась с вокзала к тюрьме. В последней в то время содержалось до 400 преступников (подавляющее большинство –уголовные). Захват тюрьмы повстанцами угрожал городу погромом. Для защиты тюрьмы была двинута значительная группа товарищей во главе с Комиссаровым и Ланге. Но прежде чем эта группа достигла тюрьмы, отряд мятежников, вооруженный несколькими пулеметами, после непродолжительного обстрела, занял тюрьму[25].

К этому же времени относится первый налет мятежников на «Савой». Поставив пулемет против окон гостиницы, повстанцы открыли, было, огонь. Дружный ответный огонь из «Савоя» заставил их уйти, но отряды их постепенно распространялись по всем улицам, разоружая и частью арестовывая патрули. К ночи в распоряжении военно-революционного штаба остался лишь район от Мясницкой улиц (ныне улица Коммунаров) до реки Сожа (см. план). В это районе находились «Савой», Ч.К. и телефонная станция. Вся остальная часть города была уже в руках мятежников. Штаб белогвардейцев решил воспользоваться телефонной связью для того, чтобы вступить в переговоры с защитниками «Савоя». Часов в 10 вечера мятежники предложили по телефону выслать к ним представителя для ведения переговоров. После короткого обсуждения, было решено представителя не посылать, а вместо этого потребовать от повстанцев присылки делегации в «Савой». Переговоры вел Комиссаров, причем, по принятому решению, он резко подчеркнул мятежный характер поведения полков. Тон Комиссарова, его слова, что Советская власть не посылает делегатов к мятежникам, а наоборот, требует от мятежников сдачи и присылки своих делегатов, сразу несколько ошеломили повстанцев. Они стали оправдываться, что их нельзя назвать мятежниками, ибо они, мол, требуют только отправки домой и согласились, было, прислать своего делегата. Однако эта растерянность очень скоро миновала, и через четверть часа повстанцы снова позвонили и ультимативно потребовали присылки к ним делегата военно-революционного штаба, угрожая в противном случае начать обстрел «Савоя» через 10 минут. Не сомневаясь в безрезультатности переговоров и не желая давать

[24] См. восп. Селиванова.
[25] См. восп. Цырлина

повстанцам лишнего заложника, штаб отклонил ультиматум мятежников[26].

Через 10 минут повстанцы привели в исполнение свою угрозу: обстрел «Савоя» начался. В то же время отряд мятежников, пользуясь темнотой, подкрался к дверям «Савоя» и пытался взять эту красную цитадель штурмом. Пулеметным огнем атака была отбита, причем в руках защитников «Савоя» остался один раненый мятежник. После этой неудачной попытки штурма, обстрел скоро прекратился. Тем не менее, положение оставалось чрезвычайно серьезным. Сведения, поступавшие из воинских частей, были крайне тревожны: караульный батальон объявил себя нейтральным и постановил не выступать ни на стороне Советской власти, ни на стороне мятежников. Отряды, расположенные в Ч.К. и на телефонной станции, устали, настроение пало, и стало ясно, что долго эти отряды не выдержат. Все караулы на улицах были частью арестованы мятежниками, частью разоружены и стянулись в «Савой»; Понизилось настроение и среди защитников последнего. Часть милиционеров и некоторые малодушные коммунисты, пользуясь темнотой ночи, покинули осажденное здание и через задние дворы разбрелись по домам.

Некоторые товарищи возбудили в штабе вопрос об отступлении. Тов. Хатаевич полагает, что и в данный момент отступление было бы разумно[27]). Предложение это, однако, было отвергнуто штабом. Объясняется это, во-первых, тем, что разведчики, посланные штабом для выяснения возможности отступления, не вернулись, во-вторых, тем, что штаб даже утром 25-го рассчитывал на своевременное прибытие помощи.

Решив продолжать оборону, штаб попытался передать на почту новую телеграмму о присылке помощи для отправки по всем проводам. К этому времени почта была уже занята мятежниками, которые задержали тревожную депешу военно-революционного штаба и вместо нее в 23 часа 10 мин. 24-го марта послали по проводам следующую телеграмму № 1078: «Всем железнодорожникам по всей сети российских железных дорог. Военная власть большевиков, в Гомеле низложена. Движением руководит повстанческий комитет. Арестовывайте членов чрезвычайных комиссий, комиссаров и всех врагов народа. Не пропускайте большевистских эшелонов. Если нужно, разрушайте пути. Осведомите население и действуйте смело и энергично. Телеграфируйте дальше. Устанавливайте связь в действиях. Осведомляйте на ст[анции] Гомель. Полес[ский] повстанческий комитет»[28]. Эта провокаторская телеграмма, предвосхитившая ход событий, сыграла роковую роль. Начальник Красной дивизии, экстренно двинутой из Брянска на помощь гомельским товарищам, получив эту депешу, приостановил дальнейшее движение. Будучи уверенным, что город находится во власти мятежников, защитники раздавлены, помощь бесполезна и остается думать лишь о систематическом окружении повстанцев, он совершенно изменил тактику, чем, сделал невольно положение гомельских товарищей безнадежным.

Одновременно с попыткой повторить призыв о помощи, военно-революционный штаб послал несколько товарищей за патронами и хлебом, так как до того времени ни хлеба, ни запасов патронов не было. Вскоре из милиции удалось

[26] См. восп. Цырлина.
[27] См. восп. Хатаевича, бывшего в момент мятежа в Москве на VIII съезде партии.
[28] Архив Гомельского Бюро Истпарта.

доставить несколько ящиков патронов[29], а из Райсоюза притащили хлеб[30]. Это несколько подняло настроение защитников.

За ночь повстанцы заняли Ч. К., телефонную станцию и окружили «Савой» со всех сторон. В «Савое» к утру осталось всего около 150 человек. Большинство из них было расположено в третьем этаже у окон, выходящих на улицу, с заряженными винтовками. Лучшие стрелки заняли балконы – места наиболее удобные для отстреливания. Во дворе у ворот находился караул. Пулемет был водружен на лестнице, и около него налажены постоянные дежурства. Мятежники пытались поставить пулеметы на перекрестках и на крышах окружающих домов, но эти попытки пресекались метким огнем из «Савоя». На атаку, после ночной неудачи, повстанцы не решались. Зато они решили. применить более действительное средство[31].

В 10 часов утра с вокзала заухали орудия специально установленной для обстрела «Савоя» батареи. В то же время с одного из углов Троицкой (ныне Крестьянской) улицы начал действовать миномет. Снаряды и мины стали попадать в комнаты 3-го этажа, и защитникам пришлось перейти во второй этаж. Беспрерывным обстрелом 3-й этаж к полудню был совершенно разрушен. К этому же моменту относится первая жертва, понесенная защитниками «Савоя»: заведующий Центропечатью тов. Фишбейн попытался перебежать на следующий угол и пал, пораженный насмерть белогвардейской пулей. Разрушение третьего этажа и гибель Фишбейна самым угнетающим образом подействовали на защитников. Желая уменьшить впечатление от смерти тов. Фишбейна, Комиссаров и заведующий Отделом Юстиции Ауэрбах (Подгорный) под градом пуль добрались до трупа Фишбейна и принесли его в «Савой».

Командование всем отрядом было передано немцу-коммунисту Краузе (бывш[ему] военнопленному). Он сразу взял бодрый, спокойный и уверенный тон, снова расставил у всех окон караулы и задумал даже следующий маневр: прекратить временно стрельбу, подпустить повстанцев ближе и затем обстрелять их в упор. Однако снаряды и мины, начавшие попадать во второй этаж и грозившие его разрушением, сделали дальнейшую оборону немыслимой. Около двух часов пополудни, после 4-х часового обстрела, штаб постановил вступить в переговоры с мятежниками. В качестве парламентера был выслан Володько. Вернувшись через четверть часа, Володько передал, что повстанцы предлагают сдаться на милость победителей. Это предложение было неприемлемо.-

Но мины в этот момент стали разрываться у площадки лестницы, на которой стоял пулемет. Грозила опасность, быть отрезанными во втором этаже. Это побудило вновь послать Володько для переговоров. Единственным требованием защитников было условие отпустить всех по домам. Вскоре Володько вернулся с известием, что это условие мятежниками принято. Началась сдача[32]. Тов. Хатаевич в своих воспоминаниях замечает, что «даже в последний момент, когда потолки «Савой» уже обрушивались, и здание было окружено повстанцами, имело больше смысла пробиться через ряды деморализованных уже повстанческих банд, понести

[29] См. восп. Цырлина.
[30] См. восп. Селиванова.
[31] См. восп. Цырлина.
[32] О защите «Савоя» см. подробные и яркие воспоминания Цырлина.

те или иные потери, чем сдаваться на милость белогвардейцев». Надо думать, что это не совсем верно. Во-первых, нельзя преувеличивать деморализованности повстанцев в тот момент. Во-вторых, вряд ли могла увенчаться успехом попытка прорваться через многочисленные цепи мятежников со 150 усталыми и оглушенными четырехчасовым артиллерийским обстрелом людьми. В-третьих, попытка пробиться, в случае неудачи, бесспорно, привела бы к поголовному расстрелу защитников; в случае же сдачи сохранялась надежда на спасение массы защитников. Необходимо подчеркнуть, что штабом руководили соображения именно о спасении массы, а не о личном спасении. Руководители организации прекрасно понимали, что лично им и в том, в другом случае не сдобровать.

В воспоминаниях Цырлина, которыми я так много пользовался выше, имеется картина, достойная героев Плутарха. Это место настолько ярко, что его следует привести дословно, а не в изложении. Вот оно: «Бросив оружие, защитники «Савой» начали один за другим спускаться по лестнице с поднятыми вверх руками. Перед тем как сойти вниз т.т. Ланге, Комиссаров, Билецкий, я, Гулло, Авербах еще кто-то остановились на мгновенье у лестницы. Появилась мысль воспользоваться тем, что внимание мятежников отвлечено, и через двор уйти. Мы не сомневались, что наша участь предрешена, и хотелось попытаться ее избежать. Колебаниям, продолжавшимся несколько секунд, положил конец тов. Комиссаров. Со словами: «мы не имеем права оставить товарищей одних в беде» – он начал спускаться с лестницы. Вслед за ним начали спускаться и мы...»

Бандитское «слово», как и следовало ожидать, оказалось не особенно надежным. Несмотря на обещание отпустить защитников по домам, при выходе из «Савоя» повстанцы, как дикие звери, кинулись на пленников и начали их избивать. Градом посыпались удары прикладов. Стоявшие по обеим сторонам сторонам Румянцевской (ныне Советской, главная улица города – см. план) улицы повстанцы направили на пленников пулеметы и винтовки. Пленников провели по Румянцевской в тюрьму, беспощадно избивая. Собравшиеся вдоль этого кошмарного крестного пути бандиты с ревом требовали самосуда. Каждый мерзавец считал своим долгом ударить кого-либо кулаком, штыком или прикладом. Особенно пострадал Ланге как председатель Ч.К., наиболее ненавистный контрреволюционерам. Раненый, измученный, избитый, он едва передвигал ноги. Наконец, бесчеловечный удар поверг его на землю. Сотрудник «Известий Ревкома», участвовавший в обороне «Савоя» тов. Любарский нагнулся и стал подымать товарища по мученичеству, но какой-то бандит с криком «отпусти, жид!» ударом приклада по голове заставил Любарского отшатнуться от Ланге.

С поднятыми руками под непрерывным градом жесточайших ударов прошли защитники «Савоя» всю Румянцевскую улицу вплоть до тюрьмы. Это чудовищное шествие напоминало наказание шпицрутенами во времена аракчеевщины или Николая I. Характерная мелочь: когда кошмарная процессия подошла к почтово-телеграфной конторе, оттуда выскочили несколько чиновников с сияющими лицами и с возгласами: «Так, так, товарищи! Спасибо вам, что освободили нас от комиссарчиков!» Когда измученные и окровавленные пленники опускали на минуту ниже руки, страшные удары заставляли их немедленно подымать застывшие руки. Каково было состояние избиваемых, можно заключить из того факта, что показавшаяся, наконец, тюрьма показалась им раем. Пускали в

тюрьму поодиночке, награждая ударами[33].

Контрреволюционные переворот в Гомеле, таким образом, совершился. Мятежники оказались на время полновластными господами города. Коммунисты, так или иначе спасшиеся от плена (многие спаслись из «Савоя» в последние минуты перед сдачей; из защитников «Савоя» в руки белогвардейцев попало около 65 человек), перешли на нелегальное положение.

В тот же день гомельчане узнали фамилию руководителя мятежа, давшую впоследствии название и самой авантюре. По городу были расклеен подписанный накануне приказ № 1 «командующего войсками Стрекопытова», первый пункт которого (приказа) гласил:

«Сего, 24 марта я, по избрании повстанческим комитетом, взял на себя обязанности командующего войсками Гомельской группы, восставшими против правительства Троцкого и Ленина»[34].

ГЛАВА IV
Гомель под властью мятежников

Официальная политическая программа мятежа. Белый террор и погромная стихия. Отношение населения.

Как всякий «солидный» белогвардеец, Стрекопытов немедленно возвестил о своем «демократизме». Его официальная (для внешнего, так сказать, употребления) политическая программа сформулирована в нескольких прокламациях, являющихся документами чрезвычайно типичными для всех аналогичных мятежей и вспышек.

Приведем, прежде всего, следующее воззвание, наиболее полно излагающее официальную позицию мятежников:

Граждане!

Советская власть умирает. Петроград накануне падения. В Москве ждут лишь сигнала, чтобы сбросить иго каторжников и негодяев. В Туле волнения. Минск окружен. Мобилизованные повсеместно отказываются воевать. Известия о революционном движении, в странах согласия раздуты и подтасованы. Теперь не лето 1918 года, и Гомель не Ярославль. Мы, — мужики и рабочие в солдатских шинелях, наши враги — отбросы всех слоев населения, объединенные жаждой власти, той власти, которая даст им легкую и правильную (!? – Г.Л.) жизнь. Это – преступники – иногда умные, чаще – хитрые, но все же преступники, враги человеческого рода. В разгар революций эта социальная грязь всегда всплывает наверх.

Теперь наступило ей время опять осесть на дно.

Граждане, сбросьте гипноз! Оглянитесь, подумайте, поймите, рассветает. Близок лучезарный день. Большевики кажутся вам сильными, потому что вы стоите на коленях. Встаньте с колен!

Наши лозунги:

1. Вся власть Учредительному Собранию

---

[33] См. восп. Любарского.

[34] См. Архив Гомельского Бюро Истпарта.

2. Сочетание частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности, в зависимости от реальных требований хозяйственной жизни страны.
3. Железные законы об охране труда,
4. Проведение в жизнь гражданских свобод.
5. Земля – народу.
6. Вступление русской республики в лигу народов.

Повстанческий комитет Полесья».

Читатель может убедиться, что воззвание выдержано в весьма демократических тонах и явно рассчитано на уловление доверчивой мелкобуржуазной массы. Точно такой же характер носит и другая, не менее характерная прокламация. Вот ее текст:

«Крестьяне! Ваши братья и дети, мобилизованные Троцким и другими преступниками, севшими на шею народа, восстали против «Советской власти» и выгнали ее прислужников из города и уезда. Большевики были разбиты и бежали. Россия объявлена Народной Республикой.

Строится новая народная власть.

Никто не посмеет отныне отнимать у вас хлеб, никто не посмеет больше обкладывать вас чрезвычайными налогами.

Мы кончили войну и заключили мир.

Никто не возьмет больше ваших братьев и детей на убой.

Крестьяне! Бейте в набат, гоните советскую сволочь из ваших селений, задерживайте подозрительных, выбирайте повстанческие комитеты в селах, деревнях, местечках и вручайте им временно всю власть.

Командующий 1-й армией
Народной Республики Стрекопытов»[35].

К этой же категории обывательских приманок можно отнести и третью прокламацию:

«Обращение к партиям.

Если вам дорога Россия, если вы боретесь за свободу, закон и мир, если вы стремитесь улучшить и облегчить жизнь рабочего класса, если вы хотите дать землю со всем, на ней произрастающим, труженикам земли, если ваша цель – прогресс и процветание творческих сил страны, знайте: мы с вами. Мы всеми силами поможем вам и в свою очередь обращаемся к вам за помощью в распространении наших идей в народных массах. Знакомьте народ с нами, облегчите наше тяжелое бремя борьбы с жестокими хищниками, и освобождение страны будет обеспечено.

1-ая армия Русской Республики.
Г[ород] Гомель, 1919 г.»

Прекрасно понимая, что лавочника демократическими лозунгами не проймешь и что мещанин все свободы и Учредилку вместе с ними отдаст за белую булку, Стрекопытов пустил в ход совершенно неотразимые для мелкобуржуазных сердец

[35] Все эти документы хранятся в архиве Гом. Бюро Истпарта.

средства. Параграф 5-ый стрекопытовского «Приказа № 1 по гарнизону гор. Гомеля» от 26 марта гласил: «С сего дня в городе и уезде объявляется свободная торговля всеми товарами»[36]. Эта строчка должна была привлечь на сторону Стрекопытова обывательщину еще быстрее, чем ультра-демократические декларации.

Стрекопытов не ограничился обработкой мелкособственнических слоев и простер свой «демократизм» до заигрывания с пролетариатом! Памятником этой затеи белогвардейского главаря является следующее обращение:

«Ко всем профессиональным союзам.

Мы боремся за право свободного труда, за право свободного пользования плодами работы своих рук.

Мы уверены, что только организованностью рабочие всех профессий смогут добиться освобождения от тех, кто обманом присвоил себе право говорить от лица рабочего класса.

Поэтому мы приветствуем профессиональные союзы и зовем вас, товарищи, придите к нам и помогите нам вашими знаниями и опытом.

Повстанческий комитет Полесья"[37].

Такова официальная политическая программа повстанцев в их собственном изложении. Но тов. Ленин в одной из своих статей, посвященных дискуссии о профсоюзах, справедливо, хотя не особенно джентльменски, назвал дураком всякого, кто верит на слово. Это правило относится и к историкам. Поэтому, ознакомившись с «демократическими» словами мятежников, перейдем к рассмотрению их деяний. Прежде чем сделать это, следует подчеркнуть, что главными руководителями мятежа были старые царские офицеры. Читатель уже знает, что к их числу принадлежал сам Стрекопытов. Точно так же стрекопытовский комендант Гомеля, Степин был полковником старой армии.

Провозгласив «гражданские свободы», мятежники «применили» их первым делом к коммунистам. В «приказе № 2» коменданта Степина имелся следующий второй пункт: «Лица, коим известно местопребывание скрывшихся большевистских комиссаров и коммунистов, а также и домовладельцы, где они проживают, должны немедленно донести мне. Виновные в укрывательстве будут караться по всей строгости осадного положения»[38]. Уже этот приказ является бесспорным признаком политики белого террора. Впрочем, подобная трансформация «демократии» не удивит никого, кто хоть несколько знаком с практическим осуществлением «демократических свобод» в буржуазных странах Запада и в районах кратковременного владычества российских эсэров и их «друзей справа».

Гомельская тюрьма быстро наполнилась коммунистами, частью захваченными в «Савое», частью арестованными в разных местах. Мятежники не ограничились пленением в «Савое» руководящего ядра коммунистической организации и усиленно разыскивали по городу коммунистов по имевшимся у бандитов спискам.

---

[36] См, Архив Гом. Бюро Истпарта.

[37] Эти 2 воззвания хранились в Гомельском музее им. Луначарского; в 1920 году вывезены в Питерский Музей Революции.

[38] См, Архив Гом. Бюро Истпарта.

Так, 28 марта на улице был арестован старый революционер тов. Я.Б. Нехамкин (Никитин)[39]. Его сын ответственный партийный работник тов. Н.Я. Нехамкин усиленно разыскивался бандитами и спасся, выбравшись из города в карете скорой помощи с сыпнотифозным больным[40]. Эти розыски коммунистов доказывали, что мятеж развивался по определенному плану, и его заправилы действовали в контакте с местными контрреволюционными силами.

Режим, царивший в тюрьме, был кошмарен. Как только «савойских» пленников привели в камеру, и караул удалился – остался один мальчишка-белогвардеец, бегавший по камере, исступленно ругавший «комиссаров» и грозивший им немедленной смертью. Он подбежал к истерзанному Ланге и ударил его наганом по босой ноге[41]. В камеру начали являться белогвардейцы, обвешанные пулеметными лентами, и снимать все, что на пленниках было. Только и слышалось звучное: «скидывай». Большинство пленников осталось в одном белье. Вскоре повстанцы вызвали чекиста Файншмидта. Вернувшись минут через десять, он со спокойной улыбкой рассказал, что в коридоре тюрьмы его поставили к стенке, сняли рубашку и велели молиться, ибо его сейчас расстреляют. «Что же, стреляйте!» – сказал он в ответ. Ему приставили к груди винтовку, щелкнули затвором и после нескольких таких маневров отвели обратно в камеру, награждая по дороге ударами прикладов[42]. Вечером 26 марта стрекопытовцы отобрали в тюрьме группу наиболее ответственных работников и поместили их под стражей в вагоне на Полесском вокзале. О дальнейшей судьбе этих товарищей читатель узнает ниже. Некоторым ответственным партийцам удалось избежать отправки на Полесский вокзал скрыв свои фамилии (так поступил, например, тов. Д. Цырлин[43]).

Параллельно с террористическими действиями, направленными против коммунистов, мятежники показали всем свое звериное погромное лицо. Еще в ночь на 25-е, до падения «Савоя», начались налеты бандитов на квартиры. Эти молодчики приставляли револьверы к виску и требовали выдачи коммунистов. Самый беззастенчивый, самый циничный грабеж сопровождал эти налеты. Описавший эти бесчинства корреспондент «Вечерних Известий Московского Совета» М. Ш. сам несколько раз был в эту кошмарную ночь свидетелем и жертвой подобных визитов. В дальнейшем погромная стихия не улеглась, Тот же М. Ш. рисует такую картину города под властью мятежников: «Наряду с приказами и объявлениями о полной свободе и личной неприкосновенности граждан, происходили открытый грабеж, ловля коммунистов, аресты, произвольные обыски и избиения евреев. Параллельно с запрещением пьянства всюду можно было видеть напившихся грабителей».

Сами стрекопытовцы вынуждены были констатировать факт грабежей. Так в первом воззвании «К населению гор[ода] Гомеля» говорилось: «В момент переворота в городе были случаи грабежа мирных жителей. Против нарушителей порядка приняты строжайшие меры. Будьте уверены, что новая власть сумеет охранить жизнь и достояние граждан». Этого торжественного обещания повстанцы,

---

[39] О нем см. мои воспоминания «Четыре могялы» и № 6 «Пролетарской революции» за 1922 г.

[40] См. отрывок из воспоминаний тов. Никитина и тов. Десной в. сборнике «Революционная борьба и т.д.»

[41] См. восп. Любарского.

[42] См, воспом. А. Горелика

[43] См. восп. Селиванова.

однако, не выполнили. В позднейшем «приказе № 2» коменданта Степина имеется грустное признание, что «вчера произошел прискорбный и недопустимый случай грабежа и разгрома склада меда, причем некоторые граждане перепились»[44]. О том, что дело было не только и не столько в «перепившихся гражданах», сколько в пьющих и никак не могущих перепиться мятежниках, стрекопытовские приказы, разумеется, умалчивали. Между тем, наряду с простым грабежом жителей, повстанцы занимались разгромом советских учреждений, рвали и сжигали дела, разбили несгораемые шкафы в Упродкоме и Усовнархозе, нагружали возы продовольствием из складов Упродкома и Райсоюза и отправляли их на Полесский вокзал[45].

Погромная сущность стрекопытовцев была правильно оценена окрестным кулачьем. По свержению Советской власти, как рассказывает Селиванов, в город стали являться крестьяне из ближайших деревень с мешками, желая поживиться и рассчитывая на близкий поголовный еврейский погром. Действительно, тов. Шифрин, участвовавший в качестве курсанта могилевских комкурсов в ликвидации мятежа, вспоминает, как, подойдя к окружающим Гомель деревням, он убедился, что некоторые крестьяне направились в город для участия в погроме. Каждый, кто хоть немного знаком с историей еврейских погромов в России, знает, что в дни царизма такие явления всегда предшествовали погромам, К счастью, стрекопытовцы не успели в полной мере проявить таившиеся в них таланты громил. Грабеж квартир продолжался все время, но «настоящего» разгрома города бандиты устроить не успели.

Естественно, что, при подобных действиях, «демократические» декларации Стрекопытова не внушали населению особенного доверия. Очень наглядно это иллюстрируется отношением к перевороту служащих советских учреждении. Немедленно по занятию Гомеля, мятежники выпустили следующее обращение: «Служащие в государственных и общественных учреждениях г[орода] Гомеля. Ваши обязанности: 1) Продолжать свои занятия, поскольку они не противоречат принципам демократии. 2) Выбрать ответственных руководителей. 3) Выбрать делегатов и вступить в контакт с нами. Повстанческий Комитет Полесья"[46]. На служащих этот призыв подействовал отнюдь не магически. Во время владычества Стрекопытова учреждения Гомеля не работали за двумя исключениями. Первым из этих исключений был Упродком. Служащие Упродкома Иванов, Михеев и бывший капитан старой армии Михайлов, явились в штаб Стрекопытова и предложили свои услуги. Стрекопытов вручил Михайлову мандат о назначении его председателем Упродкома. Возвратясь из белогвардейского штаба, «святая троица» созвала общее собрание сотрудников и провела на нем постановление приступить к работе. При этом было решено устроить чистку служащих, чтобы в Упродкоме не осталось ни одного коммуниста[47]. Таким образом, работа Упродкома в дни мятежа является результатом инициативы трех контрреволюционеров, в том числе одного бывшего офицера.

[44] См. архив Гом. Бюро Истпарта.
[45] См. восп. Селиванова
[46] См. архив Гом. Бюро Истпарта.
[47] См. восп. Селиванова

Вторым исключением из числа служащих Советских учреждений была железнодорожная администрация. Она, безусловно, принимала участие в подготовке мятежа[48], она же поддерживала авантюру до конца. Однако, когда мятежники, с целью добиться сочувствия широкой массы железнодорожных рабочих, устроили митинг в депо, железнодорожники ожидаемого сочувствия не проявили.

Вообще говорить о какой бы то ни было поддержке мятежа пролетариатом не приходится.

Еврейские буржуазные и мещанские элементы встрепенулись было при известии о свободной торговле. Из уст в уста передавалась фраза домовладельца и крупного капиталиста Б.Ш. Гуревича, выразившегося, якобы, о мятежниках следующим образом: «Правда, они вернули мне дом с разбитыми стеклами, но все-таки вернули». Однако антисемитские погромные замашки стрекопытовцев заставили еврейскую обывательщину отшатнуться от мятежа.

Словом, белогвардейцы в городе нашли себе опору только в незначительных группах бывшего офицерства, бывшего чиновничества и всяких авантюристов.

Не лучше обстояло дело и с поддержкой деревни. Приезд некоторых крестьян в город с целью поживиться далеко не означал сочувствия крестьянства авантюре. Рассылка по деревням белогвардейских агитаторов дела не изменила[49]. Деревня почуяла помещичье нутро Стрекопытовщины и в массе авантюры не поддержала. Мало того, на помощь Гомелю начали приходить отряды крестьян-коммунистов из Почепа, стойкость и храбрость которых достойна удивления[50]. Сохранились рукописные воспоминания группы участников такого отряда. Вот выдержка из этих бесхитростных и удивительно ярких воспоминаний; «Вопиющая кровь казненных дошла до нашего медвежьего уголка – села Доманичи Алексеевской волости, Почепского уезда, и мы собрались 62 человека членов комячейки кто в чем был, без всякой военной подготовки, с пеною у рта, на борьбу с наймитом Стрекопытовым, на освобождение томящихся собратьев. Прибыв в Почеп, где получили оружие, пошли на борьбу за освобождение трудящихся Гомеля»[51].

Не встретив помощи и не найдя опоры ни в одной из значительных групп населения, авантюра повисла в воздухе. Судьба ее была предрешена.

Ликвидация авантюры.

Меры Губцентра. Наступление на Гомель. Захват мятежникам Речицы. Окружение и освобождение Гомеля. Конец мятежа.

Губцентр – Могилев узнал о событиях из телеграммы[52], отправленной Гомельским военно-революционным штабом по переезде в «Савой». Немедленно Могилевский Губком Р.К.П. выпустил пространное воззвание к «товарищам

[48] См. доклад Ильинского, а также воспом. Селиванова и Драгунского.
[49] См. воспом. Шифрина
[50] См. воспом. Драгунского
[51] См. Архив. Губ. Бюро. Истпарта.
52 См. воспом. Шифрина.

красноармейцам 67 и 68 полков». В то же время Губисполком издал следующее обращение:

«Товарищи рабочие, крестьяне и красноармейцы Гомеля!

Преступной черносотенной рукой в Гомеле поднят дикий мятеж. Обманутые солдаты, бросив фронт, позорно, постыдно бежали. Свое оружие они направили против великой Октябрьской революции, оружейными и пулеметными залпами эти разбойники пытаются смести Рабочую и Крестьянскую Советскую власть.

Давно ли немецкие жандармы, как звери, терзали ваше истощенное тело? Неужели вы, несчастные бедняки, рабочие и крестьяне, для того страдали в цепях рабства, чтобы всякая белогвардейская банда вам садилась на шею? Полтора года Советы трудовой республики боролись с Корниловым, Калединым, Красновым, с помещиками и капиталистами; благодаря рабочим и крестьянским Советам вся Россия освободилась от гнета буржуазного строя. И вот, теперь, когда нами пройдены главные трудности, когда раздавлена главная сила наших врагов, в это самое время вам говорят: свергайте Совет! Враги революции кричат: «Долой гражданскую войну!».

Рабочие и крестьяне! Не верьте этим лицемерным словам. Если гомельские черносотенцы против гражданской войны, тогда спросите у них, по какой программе они стреляют из пушек по городу. Если плоха Советская власть, то спросите у мятежных лакеев буржуазии, какие они издадут законы.

Мы знаем, что тяжелая разруха и голод обездолили трудящиеся массы России. После долгих лет войны, всюду царствует нужда. Но разве сумасшедшие пьяные толпы вооруженных дезертиров накормят голодных? Разве гранатами и бессмысленным зверским убийством самоотверженных революционеров уменьшится народное горе?

Какая учредилка сможет воскресить 4 миллиона убитых на полях войны? Какое собрание сможет построить разрушенные железные дороги? Кто воздвигнет в один год то, что разрушалось веками?

Товарищи рабочие, крестьяне и честные красноармейцы! Неужели вы не видите той страшной опасности, в которую ведут вас шпионы и наймиты польских генералов?

Мы призываем вас не поддаваться на провокацию и дружно объединиться вокруг своих Советов, мы не позволим, чтобы над вами царствовали белогвардейские порядки. Красные советские войска уже окружили погромщиков, захвативших Гомель. Их ждет суровая кара. Во имя пролетарской революции, во имя освобождения угнетенных масс от зверств капитализма вместе с нами поднимите меч против громил и бесчестных провокаторов!

Смерть им!

Да здравствует Советская Рабоче-Крестьянская власть!

Да здравствуют вожди всемирной революции Ленин и Троцкий!

Могилевский Губернский Исполнительный Комитет

Советов Раб[очих], Кр[естьянских] и Красноарм[ейских] Депутатов»[53].

[53] Оба воззвания имеются в Архиве Гом. Бюро Истпарта

Разумеется, Губцентр не ограничился воззваниями. Могилевский Губисполком имел полное право заявить в своем обращении, что «советские войска уже окружили погромщиков». Немедленно по получении первых известий о мятеже, была организована губернская тройка в составе председателя Губисполкома Сурты, губвоенкома Кампана и комиссара командных курсов. Тройка эта первым делом двинула на Гомель батальон Ч.К. Более сложным оказался вопрос об отправке против мятежников командных курсов. Во-первых, возник вопрос, не целесообразнее ли двинуть курсы на защиту фронтового участка, покинутого мятежниками. Во-вторых, расположенные в Могилеве части 8-й дивизии не все были надежны. После переговоров по прямому проводу с членом реввоенсовета 16-й армии Пыжовым, на фронт был отправлен стоявший в Могилеве кавалерийский эскадрон, а курсам был отдан приказ готовиться к погрузке на Гомель. Настроение курсантов было превосходное. Еще с первой минуты получения известия о восстании курсанты категорически требовали немедленной отправки их в Гомель. В кабинет комиссара курсов ежеминутно являлись с этим требованием взволнованные слушатели. Когда было отдано распоряжение об оставлении 30 человек в Могилеве для защиты курсов от возможных вспышек, чуть не каждый курсант побывал у комиссара с просьбой не включать его в число этих 30 человек»[54].

В момент погрузки по эшелонам разнеслась зловещая весть о падении Советской власти в Гомеле. Взволнованные этим известием курсанты не дождались погрузки продовольствия и настояли на немедленной отправке эшелона на противобандитский фронт. Далеко не таким было настроение двух рот 71-го полка 8-й дивизии, отправленных вместе с курсами. Эти роты отличались малой сознательностью, легко поддавались всяким обывательским слухам, и курсантам приходилось все время держать их в руках при помощи агитации и угроз.

Вместе с курсантами из Могилева двинулся на фронт и добровольческий партийный отряд. Такой же отряд прибыл из Бобруйска[55]. На станции Уза, расположенной между Могилевым и Гомелем, сгруппировались значительные силы советских войск. Уза представляла собой настоящий военный лагерь. Вокруг вокзала горели костры, серели солдатские шинели, чернели поставленные в козлы винтовки. Командование этой группой войск приняло на себя командование Могилевских курсов[56].

Двигались силы и с других сторон. В район Мозыря прибыл отряд из Смоленска во главе с губвоенкомом Адамовичем[57], ставивший себе целью не дать мятежникам соединиться с петлюровцами. Читатель уже знает о движении крестьянского отряда из Почепа и Советской дивизии из Брянска. Таким образом, советские отряды двигались со всех сторон, постепенно стягивая мятежников железным кольцом. Провокационная телеграмма бандитов лишь ненадолго задержала это движение.

Чувствуя отсутствие опоры и видя концентрацию верных революции частей, бандиты заметались в поисках места, через которое они могли бы прорваться,

[54] См. воспом. Шифрина
[55] См. воспом. Драгунского
[56] См. воспом. Шифрина.
[57].См. доклад Ильинского.

разбить железное кольцо красных войск и распространить авантюру дальше. Первым делом, они попытались двинуться на Могилев, но наткнувшись на крепкий заслон у станц[ии] Уза, отхлынули назад к Гомелю[58]. Тогда они рванулись по направлению к фронту. 26 марта под натиском бандитов город Речица, расположенный между Гомелем и Мозырем, был эвакуирован советскими властями. Найденные в речицкой типографии Бера рукописные оригиналы приказов и объявлений речицких мятежников[59] дают несколько любопытных штрихов, дополняющих общую картину мятежа. Самый момент воцарения бандитов в Речице отмечен двумя документами. Один из них, написанный карандашом, гласит:

«Приказ № 1.

Доводится до сведения граждан гор[ода] Речицы, что, ввиду ухода партии коммунистов, гражданская власть гор[оде] Речице и уезде перешла к Городской Думе и Земской Управе, а до их сформирования гражданская и военная власть принадлежит начальнику гарнизона. С сего числа выход на улицу после 9 часов вечера, по старому времени, строго воспрещается.

Служащим всех учреждений оставаться на своих местах.

Мирным гражданам гарантируется неприкосновенность личности и имущества.

Штаб гарнизона помещается по Успенской улице в помещении бывшего Ревкома (Успенская, 109),

Начальник гарнизона (подпись неразборчива).
Начальник штаба Метельский.
Адъютант (подпись неразборчива).
26 марта 1919 г.»

Текст второго документа таков:

«Сегодня, 26 марта, в городе, оставшемся без власти за уходом членов Ревкома, управление переходит в руки Временного Комитета, впредь до сформирования органов местного самоуправления. Население призывается к порядку и спокойствию. Нормальная жизнь должна восстановиться. Все учреждения должны работать, исполняя предписания Временного Комитета.

Членам Земской Управы немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Продовольственный Комитет переходит в ведение Земской Управы.

Временный Комитет».

Эти два документа явно противоречат друг другу. Мы не знаем, как разрешилось это противоречие. Но факт одновременной посылки в типографию для напечатания этих двух объявлений непреложно свидетельствует о разноголосице и несогласованности действии мятежников.

Тактика речицких мятежников не отличалась от тактики их гомельского начальства, И здесь мы видим ставку на мелкую буржуазию. Среди найденных в

[58] См. воспом. Драгунского

[59] См. мою статью в № 9-10 «Известий Гомельского Губкома».
Все речицкие документы хранились в Гомельском музее им. Луначарского, а в 1920 г. .увезены в Питерский Музей Революции.

типографии Бера документов имеется следующий:

«Объявление.

Временный Комитет по управлению гор[ода] Речицы и уезда, в заседании своем от 27 марта сего года, ввиду почти полного отсутствия предметов первой необходимости и главным образом продовольствия, постановил: разрешить свободный ввоз продуктов в город, в том числе и нормированных, объявив, что никаким реквизициям они не подлежат. Перекупка со спекулятивными целями будет строго преследоваться.

Временный Комитет по управлению гор[ода] Речицы и уезда».

Сверху на этом объявлении написано «Срочно. В типографию Бера. 300 экз.», снизу – «С подлинным верно. Просьба изготовить срочно. Секретарь (подпись неразборчива)». Однако и в Речице мятежники не могли похвастаться особо горячей поддержкой населения. Им пришлось прибегнуть к специальному воззванию для подогревания холодных чувств обывателей. Вот текст этого документа:

«Воззвание.

Граждане, охрана города возложена на местную караульную роту, благодаря которой пала власть коммунистов. Рота находится в печальном положении: нет обуви, белья и проч. Кто сочувствует настоящему перевороту, откликнитесь и принесите необходимое для защитника-солдата.

Пожертвования будут приниматься с благодарностью в хозяйственной части штаба, помещающегося по Успенской улице дом № 109.

Штаб Речицкого отряда».

Речицкие стрекопытовцы, видимо, рассчитывали на удачное завершение авантюры. Они позаботились и о внешних атрибутах власти. Об этом свидетельствует следующая записка:

«В типографию Бера.

Изготовить немедленно печать круглую с двуглавым орлом без короны с текстом «Речицкий отряд Российской Республики».

Начальник штаба Метельский.
Адъютант (подпись неразборчива)».

Однако быстро развертывающиеся события помешали бандитам воспользоваться печатью «с двуглавым орлом без короны».

На рассвете в пятницу 28-го марта командование Могилевских комкурсов послало со ст[анции] Уза трех парламентеров для переговоров с мятежниками о сдаче, но дожидаться возвращения посланцев не пришлось. В этот момент подошедшая к Ново-Белице (см. план) Брянская дивизия установила свою артиллерию и начала обстрел города. Тогда был отдан приказ бобруйским и могилевским частям немедленно выступить по направлению к Гомелю. Могилевской артиллерии было дано задание не доходя трех верст до Гомеля стать на позицию и начать обстрел Полесского вокзала, чтобы помешать повстанцам наладить правильную эвакуацию. Это задание не было выполнено вследствие

контрреволюционности некоторых лиц командного состава артиллерии.

Одновременно цепи курсантов двинулись в наступление на Полесский вокзал. На расстоянии около двух верст до вокзала они были встречены усиленным пулеметным огнем мятежников. Курсанты установили свои пулеметы, и завязалась оживленная перестрелка. Противник вынужден был отступить к своим эшелонам на Полесский вокзал. Продолжать наступление было опасно, так как уже наступила ночь, порвалась связь с другими частями, а две роты 71-го полка, влитые в курсантскую цепь, отказались наступать и даже стали поговаривать о переходе на сторону бандитов. Роты эти пришлось взять под усиленный надзор, а на ночь ограничиться выпуском дозоров и секретов, с тем, чтобы на рассвете, восстановив потерянную связь с другими частями, приступить к решительной атаке[60].

В городе в это время чувствовалось наступление развязки. Вот как рисует тов. Селиванов состояние мятежников в день 28-го марта: «В городе со стороны повстанцев наблюдалась спешная отправка ими грузов на Полесскую станцию, упаковка награбленных вещей и погрузка последних на телеги. С 4-х до 5-ти часов вечера лошади повстанцев были запряжены, и повстанцы приготовлялись к отправке. Около комендатуры наблюдалась полная растерянность. Выносились вещи, укладывались на повозку. Было очевидно, что они приготовляются к немедленной отправке».

Глубокой ночью с 28-го на 29-е марта мятежники закончили погрузку эшелонов и, оставив истерзанный Гомель, отступили на Речицу. В этот момент случайный снаряд зажег великолепный старинный замок бывш[его] князя Паскевича[61], и этот зловещий факел своим багровым светом освещал дорогу повстанцам.

Едва забрезжил рассвет, разведка курсантов в составе 18 человек направилась на Полесский вокзал и успела задержать последний эшелон противника, стоявший под парами. Рассыпавшись в цепь с криком «сдавай оружие», курсанты обезоружили испуганных повстанцев и освободили два вагона с пленными красноармейцами, которых бандиты хотели увезти с собой. Вооружив освобожденных пленников, курсанты поручили им охранять бандитов, а сами ворвались на вокзал. В телеграфе в то время еще находился белогвардейский комендант станции, какой-то матрос. Сначала он принял курсантов за своих, но увидав красноармейские звезды на фуражках, выхватил бомбу и хотел ее бросить. Меткий выстрел курсанта уложил бандита наповал, бомбу успели выхватить из его рук и разрядить. Вслед за разведкой, на станцию двинулись главные силы курсантов. На окрестных улицах какие-то громилы грабили в этот момент еврейские дома, а также бараки с военным имуществом. После винтовочного залпа грабители рассеялись, оставив четыре или пять убитых[62]. В то же время со стороны Ново-Белицы в город уже вступали восторженно приветствуемые населением части Брянской дивизии. Арестованные коммунисты, за исключением группы, увезенной на Полесский вокзал, были освобождены из тюрьмы.

На заседании ответственных работников в тот же день был избран Ревком в

---

[60] О действиях курсантов см. воспом. Шифрина.

[61] Служащие замка категорически утверждают, что причина пожара – не поджог, а случайный снаряд, попавший в запертый верхний этаж.

[62] См. воспом. Шифрина.

составе т.т. Гулло, Володько, Селиванова, Драгунского и представителей воинских частей. Гомель снова стал «честным советским городом».

Читатель помнит, что в день мятежа на фронте незначительная горсть красноармейцев во главе с военкомом Тульской бригады осталась защищать Мозырь. Два дня держались они против значительно превосходных[*] сил петлюровцев. Занявшие 26-го Речицу повстанцы стали напирать на отряд Ильинского с тыла. Пришлось двинуть против них прибывший из Смоленска отряд Адамовича. В помощь этому отряду пришлось придать бронепоезд, главный оплот Мозыря. В результате, наступление петлюровцев 27-го марта увенчалось успехом. Петлюровцы, подтянув подкрепление, открыв жестокий артиллерийский огонь и действуя двумя бронепоездами, под прикрытием густого тумана, предприняли сильную атаку. Красные части понесли большие потери, и отошли за мосты, взорвав их частично. В это время натиск стрекопытовцев на отряд Адамовича все усиливался[63]. Наконец, покинувшие Гомель в ночь на 29-ое марта главные части мятежников проехали[64] Речицу и всей силой обрушились на заслон Адамовича. Последний принужден был отступить. Когда же 1-го апреля на помощь Ильинскому и Адамовичу подошли значительные красные силы, мятежники уже частью разбежались в разные стороны, частью в районе местечка Хойники переправились через Припять и перешли к петлюровцам. Незначительная часть сдалась Красной армии. Стрекопытовская авантюра была, таким образом, ликвидирована.

Вечером 1-го апреля на ст. Калинковичи прибыл штаб 1-й бригады 8-й дивизии, которая сменила Ильинского и его соратников.

Прежде чем перейти к траурным страницам нашего очерка, остановимся на дальнейшей судьбе мятежников. Захваченные организаторы и активные участники мятежа понесли должную кару. Выездная сессия Ревтрибунала Запфронта еще в Калинковичах 1-го апреля рассмотрела дело 8-ми мятежников, в том числе командира 68-го полка Мачигина. По приговору сессии эти восемь бандитов были расстреляны[65]. По воспоминаниям тов. Шифрина, в Могилеве Ревтрибунал вынес смертный приговор 62-м участникам мятежа, большей частью лицам комсостава. В течение еще долгого времени в Гомельском революционном трибунале слушались дела отдельных участников мятежа. Так, упоминавшиеся служащие Упродкома Михайлов, Михеев и Иванов были присуждены Гомельским Ревтрибуналом к принудительным работам до 10-ти лет[66]. Однако Стрекопытов, Степин, зверь и палач Криденер и большинство застрельщиков мятежа со значительной частью повстанцев спаслись от карающей руки пролетарского правосудия за советским рубежом.

Летом 1920 года, в разгар польской кампании, мне пришлось читать в органе Савинкова «Варшавское слово» восторженную статью «Русско-Тульский отряд», написанную в связи с приездом полковника Степина в Варшаву. Из этой статьи я узнал, что части стрекопытовцев во главе с самим Стрекопытовым удалось пробраться из Польши в Эстонию, где они вступили в ряды армии генерала

---

[*] Так в тексте

[63] См. доклад Ильинского

[64] См. мою статью в №9-10 «Известий губкома». Приведенный в ней приказ за подписью Гурского, как я узнал позже, был издан уже не мятежниками, а советским комендантом после ухода бандитов.

[65] См. доклад Ильинского

[66] См. восп. Селиванова.

Юденича (блестящая иллюстрация к «демократизму» мятежа!), а после неудачи похода Юденича на Петроград, они были интернированы в Эстонии и работали там на лесных разработках. У нас нет конкретных сведений о переговорах Степина с представителями Пилсудского, но рекламирование приезда Степина в Варшаву савинковской газетой чрезвычайно подозрительно. Впоследствии мне пришлось прочесть в одной из мелких варшавских русских белогвардейских газет за март 1922 года, что стрекопытовцы сыграли не малую роль в позднейших бандитских налетах на территорию Советской Республики, организованных Борисом Савинковым. Подробных сведений об этих дальнейших похождениях участников гомельской авантюры пока нет, но не подлежит сомнению, что при детальном изучении истории савинковских проделок мы не раз встретим знакомые имена «героев» стрекопытовской авантюры.

ГЛАВА VI.
Скорбная страница.

Павшие в боях. Трагедия на Полесском вокзале.
Некоторые из мучеников

Как и всякая контрреволюционная вспышка, стрекопытовщина вписала ряд имен в мортиролог пролетарской революции. Число жертв стрекопытовщины вряд ли может быть установлено в точности. Во всяком случае, те данные, которыми мы располагаем, бесспорно, не полны.

Прежде всего, следует отметить имена товарищей, павших в бою. Возле ст[анции] Уза, при отправке артиллерии на позицию, был убит разрывом шрапнели тов. И.М. Ратнер, член могилевской организации Р.К.П., поехавший добровольцем против мятежников. Это была не единственная жертва из числа могилевских товарищей. Во время описанной выше утренней атаки могилевских комкурсов 28-го марта, третий взвод курсов в количестве 16 человек получил задание обойти Гомель с правой стороны через деревню Прудок и занять Полесский вокзал. Хотя двигаться с такими ничтожными силами в осиное гнездо бандитов было крайне рискованно, если не безумно, взвод безропотно отправился по назначению. Главные цепи курсантов подвигались за ним на расстоянии одной версты. Не доходя 800 сажень до Полесского вокзала, взвод подвергся жесточайшему пулеметному и ружейному обстрелу противника. Навстречу горсточке храбрецов двинулась цепь противника в количестве около 200 штыков. 16 красных героев рассыпались в цепь и стали отстреливаться. Положение было ужасное: они находились на пригорке; мерзлая земля и отсутствие шанцевых инструментов делали серьезную оборону немыслимой. Тем не менее, курсанты решили не отступать до получения соответствующего приказа. Наступающий противник стал обходить их с флангов. Еще 10 минут, и взвод был бы окружен, но в это мгновение получился приказ отступить и влиться в общую цепь курсов, подошедшую к месту боя. К сожалению, из 16-ти этот приказ могли исполнить только 14: два товарища – Тектинский и Раскин остались на месте. Назавтра при занятии вокзала были найдены их изуродованные трупы[67].

К числу павших в бою следует отнести и тов. Фишбейна, убитого при обороне

[67] См. восп. Шифрина.

«Савоя» (см. выше, главу III).

Главная масса жертв, однако, является не жертвами боя, а жертвами белого террора. Таков, видимо, «железный закон» буржуазной демократии!

В ряду этих мучеников прежде всего следует отметить имя комиссара 67-го полка Тульской бригады Сундукова. «Только его неустанной работой держался полк», – пишет про него в своем докладе военкомбриг Ильинский. Читатель помнит, как Сундуков примчался 23 марта на дрезине в Мозырь и вместе с Ильинским пытался на ст[анции] Калинковичи образумить хотя бы часть взбунтовавшихся красноармейцев. Ильинский утверждает, что только благодаря Сундукову, ему удалось набрать там хоть 60 человек охотников, Ильинский приказал Сундукову поехать с мятежными эшелонами дальше и попробовать уговорить их в течение дальнейшего пути. Со слезами просил Сундуков разрешения остаться на фронте и умереть в бою, но приказ поехать на Гомель выполнил. До последнего момента он убеждал красноармейцев. Его вдохновенная агитация начала действовать. Это послужило сигналом для контрреволюционных заправил и героя-комиссара прикончили. Умирая, он смеялся над убийцами и пел «Интернационал»[68].

Мы переходим к самой кровавой странице мятежа. Когда могилевские курсанты захватили утром 29-го Полесский вокзал и отправились вдоль пути для выставления постов и дозоров, они случайно наткнулись на целую груду изуродованных до неузнаваемости трупов[69]. В то же время в Гомеле среди партийных товарищей начались расспросы о судьбе арестованных. О том, что коммунистам, сидевшим в тюрьме, удалось спастись, все знали, но вызывала, серьезное беспокойство участь ответственных работников, увезенных, как помнит читатель, на Полесский вокзал. Известие о страшной находке могилевских курсантов произвело потрясающее впечатление. Не было почти сомнений, что трупы, найденные возле Полесского вокзала, и есть останки руководящих работников Гомельской партийной организации. Родственники увезенных на Полесский вокзал пленников и вообще коммунисты бросились к месту зловещей находки. Страшное подозрение подтвердилось.

Это трагическое паломничество описано одним из очевидцев тов. И. Фаянсом. Вместе с двумя сестрами одного из заложников – тов. Файншмидта, он на рассвете 29-го поспешил на Полесский вокзал. Подойдя к станционной покойницкой, они увидали кошмарную картину: в покойницкой лежало несколько трупов. Время от времени прибывала телега с трупами, и новые тела прибавлялись к уже лежавшим. Если к этому добавить раздирающие крики и плач родственников убитых, а также свинцовое небо и моросящий дождь, можно будет себе представить впечатление, производимое этой сценой. Неподалеку от покойницкой находилось и место расправы, Голгофа гомельских коммунаров, – небольшой сарайчик с настежь открытой дверью. Левая стена сарая была сплошь забрызгана кровью и мозгом. На полу виднелись огромные лужи крови, несколько черепных костей и целый головной мозг. Получалась картина форменной бойни.

Сестры Файншмидта стали разыскивать среди убитых своего брата. Это

[68] См. докл. Ильинского.
[69] См. воспом. Шифрина.

оказалось нелегким, ибо трупы были чудовищно изуродованы. Видно было, что товарищи были убиты лишь после неслыханных издевательств и истязаний. У всех было по нескольку ранений холодным оружием в разных частях тела. Лицо Ланге было сплошь покрыто синяками и кровоподтеками, на лбу виднелись несмертельные удары приклада, грудь у сердца была пронзена штыком, и, наконец, сквозь проломленный череп был виден мозг. У Файншмидта тоже был проломлен череп и, кроме того, выколоты штыком глаза и чем-то тяжелым приплюснут нос. Билецкий был пронзен штыком, а на лице у него запеклись струйки крови. Мозг, валявшийся в роковом сарайчике, принадлежал заведующему отделом юстиции Ауэрбаху (Подгорному), которому бандиты зверским ударом снесли черепную коробку, так, что у трупа осталась лишь половина лица, мертвенно-бледная. Большинство трупов невозможно узнать, и родственники опознавали, их по разным мелким приметам[70].

У нас нет описания самого убийства. Известно только, что оно произошло в ночь с 28-го на 29-е в последние минуты пребывания мятежников в Гомеле. Одна женщина, жившая неподалеку от Полесской станции, говорила, что ей были отчетливо слышны ужасные крики жертв. Зато сейчас же после ликвидации мятежа в «Известиях Ревкома» за подписью И-л была напечатана заметка о последних часах погибших товарищей. Вот ее текст:

«Один из товарищей, находившийся в одном вагоне с нашими зверски растерзанными товарищами, передает свои впечатления о последних часах героев: «Заключенные догадывались о той страшной участи, которая их ждет. Все вели себя геройски, и ни слова не было слышно о скором конце. Весь день до расстрела обреченные товарищи пели революционные песни, пели даже арии из «Евгения Онегина». Душа арестованных – тов. Ауэрбах-Подгорный своей живостью, ораторским талантом, замечательной музыкальной памятью отвлекал товарищей от печальных дум.

Вечером до арестованных долетали отдаленные звуки канонады. Караул у вагона был увеличен. Атмосфера сгущалась. Тов. Ауэрбах мечтал о бегстве и запасся солдатской шинелью и папахой.

Но вот около 1 часу ночи вошел начальник части, осаждавшей «Савой». Он говорил с арестованными сначала мирном тоне и расспрашивал о политической деятельности каждого из арестованных. Ему было указано, что некоторые товарищи не принимали никакого участия в защите «Савоя», а также в предыдущей деятельности революционных верхов. В конце разговора он стал читать политические нравоучения арестованным и был немедленно прерван просьбой не агитировать перед смертью.

Через пять минут после его ухода, раздались громкие шаги входившего караула вместе с командой: «Заложники! Одеваться! Раз! Два! Три! Живо!»

Товарищи начали постепенно одеваться.

Перед уходом они прощались с оставшимися и поспешно передавали свои последние просьбы. Тов. Билецкий взволнованным голосом воскликнул; «Передайте оставшимся товарищам привет и скажите им, что мы с честью погибли

[70] См. воспом. И.Фаянса.

на своем посту. Пусть они продолжают свою работу».

Всего увели из вагона 14 человек».

Убитые на Полесском вокзале товарищи составляли чуть ли не всю руководящую верхушку Гомельской организации. Бандиты знали, кому они наносили свои изуверские удары.

У нас нет ни места, ни достаточного количества материал для того, чтобы подробно охарактеризовать каждого из погибших. Приходится остановиться лишь на некоторых из числа мучеников стрекопытовщины.

Вот председатель Ревкома, тов. С. Комиссаров. Его политическая работа началась в конце 1913 года. В то время он был не большевиком, а плехановцем-партийцем. Подобно многим плехановцам, он тогда работал рука об руку с большевиками в рядах нелегальной Гомельской (Полесской) организации Р.С.-Д.РП. В подпольных кружках, на массовках – всюду можно было его видеть.

Война и революция, вскрывшие все противоречия и сделавшие многое тайное явным, заставили Комиссарова пережить мучительный кризис. После февраля, он, по старой традиции, некоторое время колебался и проповедовал примирение большевиков с меньшевиками. Однако здоровое классовое чутье и ясный ум помогли ему справиться со своими сомнениями, и лето 1917 года застает его в передовых рядах Гомельской большевистской организации. Бешеная идейная борьба с соглашателями, запоздалый переход власти к Советам, первые шаги советского строительства и вот уже тяжелый каблук германского империализма занесен над Гомелем. В городе паника. Большинство руководящих советских работников, поддавшись ей, покидает город ранее чем следовало. Только несколько передовых бойцов остаются на посту до последнего момента, подвергаясь опасности попасться в руки обнаглевших погромщиков или немецких захватчиков. В числе этих бойцов был Комиссаров. Восемь дней отстаивал он Советскую власть, пока, наконец, 28-го февраля 1918 г. не выяснилось, что дальнейшее пребывание в городе бессмысленно.

Последним покинув Гомель, Комиссаров приехал в Москву, сразу выделился, вошел в Президиум Лефортовского районного Совета и был избран председателем Лефортовского Райкома Р.К.П. Недолго пришлось ему поработать Москве. Вспыхнул чехословацкий мятеж. Учредиловские заговорщики захватили Самару, Симбирск, Казань. За их спиною уже пошевеливалась сибирская реакция, с Дальнего Востока уже следил кандидат в Бонапарты – Колчак. Комиссаров не мог усидеть в Москве и рядовым красноармейцем отправился на чехословацкий фронт. Здесь он участвовал в освобождении Казани и проделал всю эпопею освобождения Волги и Заволжья от белогвардейцев. Беспрерывно участвуя в боях, Комиссаров прошел путь от рядового бойца до комиссара бригады.

Когда донеслась весть об освобождении Гомеля от оккупантов, Комиссаров поспешил в свой родной город и приступил к работе в качестве председателя Ревкома. На этом посту его сразила белогвардейская рука[71].

Наряду с Комиссаровым необходимо охарактеризовать и председателя Ч. К. тов. И. Ланге.

[71] См. воспоминания тов. Хатаевича о Комиссарове и Ланге в «Полесской правде» от 25 марта 1922 г.

Февральская революция застала Ланге шофером 2-й тыловой автомобильной мастерской в предместье Ново-Белица. В этом предместье в то время были сосредоточены главные рабочие и особенно солдатские массы Гомеля. Ланге, пользовавшийся огромной популярностью в массах, принес неоценимые услуги Гомельской большевистской организации в деле идейного завоевания рабочих и особенно гарнизона. Он был признанным вождем военной секции Гомельского Совдепа.

После перехода власти к Совету, Ланге был назначен комендантом города. На этом посту он проявил огромную деловитость, честность и энергию. Нельзя не остановиться на одной характернейшей черте: как коменданту города, Ланге приходилось иногда выполнять приказы о расстрелах белогвардейских шпионов или же присутствовать при таких расстрелах. Ланге, не колеблясь, выполнял этот суровый долг, но в то же время не раз с тоскою признавался ближайшим друзьям: «Знаю, что это наши враги, знаю, что творю правое дело, но.., не могу, понимаешь, не могу»...

По уходе оккупантов, Ланге стад во главе Ч.К. Все контрреволюционные элементы города его ненавидели, обвиняли в жестокости, хотя это был человек с золотым сердцем. После сдачи «Савоя», бандиты терзали и мучили Ланге еще более жестоко, чем других пленников[72].

Не менее яркой представляется и личность редактора «Известий Ревкома» тов. Н.С. Билецкого (Езерского) Павел Семенович Езерский родился в Петербурге в 1896 году в семье генерал-лейтенанта, участника турецкой и японской войн. Семи лет Павел поступил в частную гимназию К. Мая по подбору педагогов и воспитателей, составлявшую счастливое исключение среди мужских гимназий Петербурга. Сравнительно «вольный» дух школы способствовал развитию бунтарских и свободолюбивых черт в характере способного мальчика. На этой почве с отроческого возраста стал намечаться разлад между отцом и Павлом. Не раз происходили семейные скандалы из-за отказа Павла ходить в церковь, говеть и т. п. В 1913 году Павел окончил гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. У нас нет сведений об его участии в партийных организациях в то время, но не подлежит сомнению, что у него было общение с революционными кругами. Так, он принимал участие в деле помощи политическим ссыльным, за что чуть не был проклят отцом.

В начале 1916 года он был призван на военную службу и через 8 месяцев, по окончании инженерного училища, отправился на Северо-Западный фронт в 3-ю особую дивизию в качестве офицера-сапера. После февральской революции, он был избран в полковой комитет своей части и проработал в нем до демобилизации последней. Приехав в декабре 1917 года в Питер, П. С. Езерский приступил к работе в отделе законодательных предположений Наркомюста, всецело отдавшись этой работе и окончательно порвав и поругавшись со всеми родственниками и знакомыми, которые не могли ему простить его «штрейкбрехерства» по отношению к саботировавшей интеллигенции. Весной 1918 года он записался добровольцем в формировавшуюся тогда в Москве 27-ую стрелковую дивизию и в июле отправился вместе с ней на чехословацкий фронт, где участвовал в целом ряде боев. В конце декабря 1918 года какая-то непонятная история (а также отравление на фронте

[72] См. упом.восп. Хатаевича, а также заметку С. Михайлова в «Известиях Ревкома».

удушливыми газами) заставила его оставить работу в дивизии[73]. Под псевдонимом Николая Станиславовича Билецкого приехал в Гомель и своей самоотверженной, работой приобрел всеобщую любовь и уважение.

Организовав первую в Гомеле советскую газету «Известия Ревкома», он вложил в нее много энергии. Он писал передовицы, выправлял информацию, верстал и выпускал, но в то же время привлек к редакционной работе группу молодежи и неустанно товарищески учил ее на практике газетному делу. Многие из числа членов этой группы сейчас являются заправскими журналистами и с любовью вспоминают несравненную школу Билецкого.

Отдавая много сил газете, Билецкий в то же время не замыкался в нее. Он принимал самое активное участие в партийной и советской работе. Его роль в предвыборной агитации при выборах в Совет была очень значительна. Особенно много усилий потратил он на перевоспитание гомельских печатников, в то время в массе своей шедших за меньшевиками и являвшихся самым надежным соглашательским «отрядом» города. Билецкий своей неутомимой беспрерывной работой значительно поколебал меньшевистские взгляды воинов «свинцовой армии». И до сих пор последние благоговейно чтут память первого большевистского редактора Гомеля.

Перед самым мятежом дала себя чувствовать болезнь – результат отравления удушливыми газами. Усталый от непрерывной работы, больной, разбитый, едва державшийся на ногах, при первых тревожных известиях он взял винтовку и честно пал на славном посту[74].

Если Билецкий происходил из аристократической семьи, то четвертый из замученных на Полесском вокзале тов. З. Песин (подпольная кличка Зоя) был рядовым гомельским рабочим. В тяжелые месяцы немецкой оккупации, он был душой подпольной большевистской организации. Незаметный герой – он погиб с такой же твердостью, с какой боролся[75].

Пятою жертвой была секретарь Ревкома Песя Каганская. Молодая, жизнерадостная девушка прямо с гимназической скамьи окунувшаяся в гущу работы, она была настоящим солнцем гомельской организации. Когда начался обстрел «Савоя», товарищи, не желая подвергать ее смертельной опасности, неоднократно предлагали ей уйти и скрыться. Как женщине, ей не трудно было это сделать. Но нежелание оставить товарищей в беде удержало ее от этого шага, и она разделила кошмарную судьбу своих соратников[76].

Хотелось бы остановиться на обаятельной фигуре тов. Ауэрбаха (Подгорного), на личности Файншмидта и других, но место не позволяет.

Жертвы мятежа были торжественно похоронены в городском сквере, который получил название «Сквера 25 марта». Приводим список жертв, опубликованный в органе Гомельского губисполкома «Путь Советов» от 25 марта 1920 г.: Н. Билецкий, С. Комиссаров, И. Ланге, Б. Ауэрбах (Подгорный), Л. Файншмидт, Я. Фишбейн, З. Песин, Я. Фрид, П. Каганская, Грозный, И. Ратнер, Сундуков, Бочкин, Гертнер, Копильницкий, Каменко и 9 неопознанных товарищей.

---

[73] См. восп. А.С. Езерской.

[74] О работе Н. Билецкого в Гомеле, между прочим.см. статью И.Винздора в «Агит-Росте».

[75] См. «Известия Ревкома», а также «Путь Советов» от 25 марта 1920 г.

[76] См. «Известия Ревкома» и воспом. Фаянса.

Если справедливы слова Некрасова, что „дело прочно, когда под ним струится кровь", — дело пролетарской революции в Гомельской губернии прочно: под ним струится такая чистейшая и благороднейшая кровь, как кровь мучеников 25 – 29 марта 1919 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Развернувшиеся перед читателем события чрезвычайно поучительны. Они полностью подтверждают ту характеристику контрреволюционных выступлений, которая дана в предисловии к настоящей брошюре. Стрекопытовский мятеж это попытка группы средних крестьян избавиться от руководства пролетарского авангарда. Эта попытка, как и следовало ожидать, привела ее участников прямехонько под каблук помещичье-буржуазной реакции и европейского империализма. Подтвердился тот взгляд, который сформулирован т. Лениным в связи с переходом к НЭПу: «Распыленного мелкого производителя, крестьянина объединяет экономически и политически (курсив автора) либо буржуазия (так бывало всегда при капитализме во всех странах, во всех революциях нового времени, так будет всегда при капитализме), либо пролетариат (так бывало в зачаточной форме при высшем развитии некоторых из самых великих революций в новой истории на самое короткое время, так было в России 1917-1921 г.г. в более развитой форме). О «третьем» пути, о «третьей силе» могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы»[77].

Нам могут возразить, что во время стрекопытовского мятежа все эти черты вовсе не выявились с такой рельефностью. Разумеется, смешно ожидать, что пятидневная авантюра Стрекопытова так же полно выявит свою социальную сущность, как хотя бы полугодовая трагикомедия учредиловщины. Но тем более характерно, что даже история кратковременной гомельской авантюры дала достаточно материала для характеристики ее политического смысла. В самом деле, масса красноармейцев была далека от отчетливой контрреволюционной программы. Шкурничество, тяга домой, животный антисемитизм – вот что характерно для рядовых участников мятежа. Но ведь это и есть характернейшая черта мелкособственнической массы. Вспомним слова тов. Ленина: «Мелкобуржуазная стихия не даром называется стихией, ибо это, действительно, нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное»[78].

Попытавшись избавиться от руководства пролетарского авангарда, эта масса попала в тенета пауков империализма. Достаточно вспомнить, что Стрекопытов выдвинул в своей прокламации требование «вступления русской республики в лигу народов» (см. главу IV), чтобы отчетливо разглядеть холеную руку офицера-белогвардейца, а никак не заскорузлую мозолистую руку крестьянина. Не менее характерен и финал Стрекопытовщины. Красноармейцы Тульской бригады не захотели сражаться под знаменами Красной Армии для защиты завоеваний революции, зато им пришлось сражаться под знаменами генерала Юденича, явного защитника помещичьих интересов и агента Антанты.

---

[77] См. статью «О продовольственном налоге». Цитирую по «Коммун. Интернационалу», № 17, стр. 4098.
[78] Там же, стр. 4099.

Таким образом, Стрекопытовщина лишний раз показывает, что прав был тов. Л.Б. Каменев, когда он в заключительном слове на VIII съезде партии следующим образом охарактеризовал контрреволюционную волну весны 1919 года: «Для нас нет сомнений, что усиленное наступление с запада и востока, совместно с целым рядом белогвардейских восстаний, попытка разобрать железные дороги в нескольких местах – что все это представляет из себя совершенно ясно обдуманный и, очевидно, решенный в Париже шаг империалистов союзных держав»[79].

Бросается в глаза сходство Стрекопытовщины и ей подобных авантюр с позднейшим мятежом в Кронштадте. И там, и здесь выступала темная, бесформенная мелкобуржуазная масса. И там, и здесь попытка этой массы уйти из-под руководства пролетарского авангарда приводила мятежников прямехонько в объятия Милюковых и Савинковых, Юденичей и Козловских. И там, и здесь основною причиною мятежа было недовольство мелкой буржуазии теми тяготами, которые накладывала на нее гражданская война (мобилизации, продразверстка и мн. др.

Вызывая серьезные колебания крестьянства, эти причины, тем не менее, не приводили к разрыву союза пролетариата и крестьянства, к разрыву, который, безусловно, закончился бы крушением власти Советов, победой самой дикой буржуазно-помещичьей контрреволюции и превращением России в бесправную колонию Антанты. В годы гражданской войны этот разрыв был избегнут вследствие того, что пролетариат доказал, что он борется за крестьянскую землю против помещика, а белогвардейцы, наоборот, достаточно показали свою помещичью харю. Когда же гражданская война отгрохотала, этот опасный разрыв был предотвращен изменением экономической политики и проведением курса на экономическую «смычку» с деревней.

[79] См. «VIII съезд Р.К.П. (б), стенограф. отчет, изд. «Коммунист», Москва 1919 г., стр. 313.

Юрка ВІЦЬБІЧ

ГОМЕЛЬСКАЕ ПАЎСТАНЬНЕ
(Стракапытаўскі мяцеж)

Сярод беларускіх антыбальшавіцкіх выступленьняў гомельскае паўстаньне, або "Стракапытаўскі мяцеж", займае выключнае месца. Нягледзячы на тое, што ў гэтым паўстаньні прымала пэўны ўдзел частка гамяльчан і рэчыцкая мясцовая рота, усё-ж яго можна лічыць беларускім толькі таму, што і яно выбухнула на тэрыторыі Беларусі. Асноўнымі ўдзельнікамі яго былі мабілізаваныя чырвонаармейцы, частка зь іх — сяляне й работнікі Тульскай губэрні, а частка — палехі (так называюцца жыхары бранскіх лясоў — пераходнае племя па сваёй мове і звычаях ад беларусаў да расейцаў). Тыпы палехаў удала апісаны І.С.Тургеневым у "Записках охотника" і В.П. Сямёнавым у "Живописной России". Ад расейцаў яны, згодна са сьцьверджаньнем гэтых аўтараў, адрозьніваюцца так, што пасьля некалькіх прамоўленых слоў у палеху можна пазнаць "чалавека зусім асаблівай пароды". Яны фізычна магутныя, працалюбівыя і энэргічныя. У іхніх звычаях, характары й мове ёсьць шмат цікавых асаблівасьцяў.

Адозвы палітычнага штаба паўстаньня — Палескага Паўстанчага Камітэту — сьведчаць пра тое, што паўстаньнем кіравалі эсэры. Між імі й ваенным кіраўніком мяцяжу Стракапытавым (ад ягонага імя й назва паўстаньня) быў цесны кантакт. Дастаткова параўнаць адозвы Камітэту з загадамі Стракапытава, каб пераканацца ў гэтым. Верагодна, што й сам Стракапытаў быў эсэрам. І гэтым гомельскае паўстаньне хутчэй напамінае сімбірскае эсэраўскае ліпеньскае паўстаньне 1918 году на чале зь Мядзьведзевым.

Коратка гісторыя сімбірскага паўстаньня такая. 30 ліпеня 1918 г. у Сімбірск (цяпер Ульянаўск) пачалі прыбываць войскі. Яны адразу-ж занялі пошту, тэлеграф, урадавыя будынкі. На вуліцах былі ўстаноўлены бранявікі і куляметы. Камандуючы гэтымі войскамі левы эсэр Мураўёў у сваёй тэлеграме за № 2883 прапанаваў па ўсім унутраным фронце ад Самары да Ўладзівастоку "павярнуць эшалоны й перайсьці ў наступленьне" па маршруту; Вятка—Саратаў— Балашоў—Масква. Адначасна ён прапанаваў разагнаць саветы, якія прагнулі міру з Германіяй, і зноў аб'явіць ёй вайну. Аднак ягоным салдатам зусім не хацелася зноў ваяваць зь немцамі. Гэтую акалічнасьць адразу-ж выкарысталі бальшавікі й распачалі сярод салдатаў адпаведную прапаганду. У рэшце рэшт, латыскія "інтэрнацыянальныя" савецкія ваенныя часткі блакіравалі дэзарганізаванае войска Мураўёва, а сам ён скончыў жыцьце самагубствам. Між іншым, гэта быў той самы Мураўёў, што раней сфармаваў у Харкаве чырвонаармейскі атрад колькасьцю пяць тысяч чалавек і рушыў адтуль па чыгуначнай магістралі на Кіеў. Пад станцыяй Круты ён, зламаўшы гераічнае супраціўленьне ўкраінскай моладзі і зьнішчыўшы яе, заняў Кіеў, нанёсшы гэтым канчатковы ўдар Украінскай Радзе, якая перад тым падавіла ў горадзе паўстаньне рабочых Арсеналу. Зьверствы Мураўёва ў занятым ім Кіеве не паддаюцца апісаньню. Ен зьнішчыў тут ня толькі ўсіх афіцэраў, але й кожнага, хто прастадушна прад'яўляў чырвоны лісток — пасьведчаньне аб украінскім грамадзянстве. Усё ж кіеўскія зьверствы Мураўёва блякнуць у параўнаньні зь

ягонымі-ж зьверствамі ў занятай пазьней Адэсе, дзе ён жывымі закопваў у зямлю зьвязаных афіцэраў Белай арміі.

Адначасна гомельскае паўстаньне нагадвае й маскоўскае эсэраўскае паўстаньне на чале з матросам Паповым. У Маскве (чэрвень 1918 г.) у дзень забойства германскага пасла Мірбаха паўстаў супраць бальшавікоў матроскі атрад левага эсэра Папова. Заняўшы частку гораду каля пакроўскіх казармаў, матросы акапаліся, пабудавалі барыкады, спадзеючыся на дапамогу чырвонаармейцаў, якія знаходзіліся ў казармах. Аднак гэтыя чырвонаармейцы выставілі каравулы для аховы казармаў і аб'явілі нэўтралітэт. Сярод іх пайшлі чуткі, што "брацішкі" (так называлі ў часы грамадзянскай вайны матросаў) злавілі Троцкага і ім засталося толькі захапіць Леніна. Прычынай гэтых чутак паслужыў, мабыць, арышт напярэдадні эсэрамі Дзяржынскага. Паўстаньне падавіў латыскі полк Вацэціса й батарэя старой латыскай палявой артылерыі — менавіта яны выратавалі бальшавікоў. Бой цягнуўся больш за пяць гадзінаў. Амаль усе матросы, здолеўшыя выйсьці з акружэньня, разьбегліся, пакінуўшы ў той-жа дзень Маскву.

Варта зазначыць, што на Беларусі гомельскаму паўстаньню папярэднічаў шэраг ваенных хваляваньняў. Так, напачатку сакавіка 1919 г. разьмешчаны ў Рагачове 20-ты паг-ранічны полк забіў свайго камісара Цымермана. Гэты мяцеж пасьля шасьцігадзіннага супраціўлення быў ліквідаваны Магілёўскімі каманднымі курсамі і батальёнам ЧК. Неўзабаве пасьля гэтага 2-гі Палескі полк, які прыбыў з Бабруйску ў Рагачоў для перафармаваньня, адмовіўся раззбройвацца й пачаў дамагацца пропуску далей па чыгунцы. Камандныя курсы раззброілі й гэты полк.

Некалькі разоў мясцовыя ўлады раззбройвалі дэзарганізаваныя вайсковыя часткі, якія праходзілі і праз станцыю Гомель. Аднак камуністы ўжо ня мелі моцы падавіць "Стра-капытаўскі мяцеж", які выбухнуў зусім не выпадкова менавіта ў Гомлі. Яшчэ ў канцы мінулага стагодзьдзя шумны Гомель апярэдзіў па колькасьці жыхароў свой губэрскі цэнтар — ціхі чыноўніцкі Магілёў. Ягонаму росту спрыяла скрыжаваньне тут Лібава-Роменскай і Палескай чыгуначных магістраляў, праз яго працякае шырокі й глыбокі Сож, у які недалёка ўпадае другая вялікая рака — Іпуць, да таго-ж праз яго праходзіла Пецярбурска-Кіеўская шаша. Таму ня дзіўна, што захоп гэтага чыгуначнага, воднага й шасэйнага вузла меў выключнае стратэгічнае значэньне.

Напачатку вясны 1919 г. гэтаму стратэгічнаму пункту стаў пагражаць недалёкі польска-ўкраінскі фронт. У сувязі з гэтым у Гомель прыбыла 2-я Тульская брыгада 8-й стралковай дывізіі ў складзе 67-га і 68-га палкоў, сфармаваная ў лістападзе 1918 г. Няма зьвестак, хто камандаваў брыгадаю, ведама, што камісарам быў Ільлінскі, камандзірам 67-га палка — Лазіцкі, камісарам таго-ж палка — Сундукоў, камандзірам 68-га палка — Мічыгін, камандзірам артылерыйскага дывізіёну — Куманін, начальнікам гаспадарчай часткі —Стракапытаў. З прычыны недахопу месца ў казармах і адсутнасьці паліва брыгада была разьмешчана на прыватных кватэрах.

Калі раней мясцовыя камуністы вельмі ўрачыста сустрэлі 2-ю брыгаду, падкрэсьліваючы на мітынгах традыцыйную рэвалюцыйнасьць тульскіх пралетараў, то пасьля паўстаньня яны не шкадавалі чорных фарбаў для характарыстыкі байцоў брыгады.

Так, І. Драгунскі ў сваіх успамінах, што захоўвапіся ў архіве Гомельскага бюро

Гістпарта, піша: "Магу сказаць, паколькі мне давялося назіраць паўстанскую масу, што амаль ніякія палітычныя пытаньні яе ня цікавілі, у ей панавала жаданьне нарабаваць і паехаць дахаты. Цёмныя шараговыя паўстанцы нават стаялі за савецкую ўладу, але бяз гэбраяў". Ён-жа працягвае далей: "Галоўнай прычынай, дзякуючы якой палкі брыгады сталі ўдзячнай глебай для контррэвалюцыйнай агітацыі, якая ў рэшце рэшт прывяла да паўстаньня, быў востры харчовы крызіс у Гомлі, у сувязі з чым войска кепска забясьпечвалася правіянтам. Акрамя таго, чырвонаармейцы ў выніку нездавальняючага стану казармаў (вынік гаспадараньня нямецкіх акупантаў у 1918 г.) былі расквatараваныя на прыватных кватэрах. Гэтыя абставіны ўмела выкарысталі ўласьнікі дамоў — чарнасоценцы, якія натраўлівалі чырвонаармейцаў на савецкую ўладу і гэбраяў". У гэтых цытатах двойчы прад'яўляецца абвінавачаньне паўстанцам у антысэмітызме, але гэтаму пярэчыць шэраг дакладна правераных фактаў, пра якія будзе сказана пазьней. Што да сьдверджаньня, быццам прычынай паўстаньня было дрэннае забесьпячэньне чырвонаармейцаў правіянтам, то І.Драгунскага абвяргае другі гомельскі камуніст — адказны за харчаваньне войска павятовы камісар В. Селіванаў, які сьведчыць: "Ваенныя атрады, нягледзячы на ўсе цяжкасьці, усім неабходным, хоць і не найлепшым чынам, былі за-бясьпечаныя". Канчаткова заблытаўшыся ў сваіх беспадстаўных абвінавачаньнях, І. Драгунскі амаль знаходзіць прычыну паўстаньня, калі ўспамінае: "Стварыўся падпольны спачатку Палескі Паўстанчы Камітэт, які меў сувязь з цэнтральнымі белагвардзейскімі арганізацыямі, а таксама меў сваіх агентаў сярод каманднага складу Тульскага атраду".

І. Драгунскі мае рацыю, калі гаворыць пра чаловую ролю Палескага Паўстанчага Камітэту, але ён памыляецца, падкрэсьліваючы сувязь камітэту і паўстанцаў (наагул) з чарнасоценцамі й белагвардзейцамі. Ні адзін чарнасоценец ці белагвардзеец, нават апартуніст, ніколі не падпісаўся-б пад адозвамі Палескага Паўстанчага Камітэту і пад загадамі Стракапытава. Яшчэ бліжэй, чым І. Драгунскі, падыходзіць да ісьціны Г. Лялевіч, пацьвярджаючы, што чырвонаармейцы брыгады ў значнай бальшыні былі актыўнымі ўдзельнікамі тульскага антыбальшавіцкага паўстаньня ў 1918 г. (да таго-ж "іхнія сем'і не заўсёды былі дастаткова забясьпечанымі і мелі безьліч непрыемнасьцяў ад дзеяньняў некаторых галавацяпскіх нізавых прадстаўнікоў улады").

Аднак, даўшы слова бальшавіцкім сьведкам паўстаньня, вернемся да паўстаўшых супраць іх чырвонаармейцаў. На жаль няведама, хто ўваходіў у склад Палескага Паўстанчага Камітэту, але затое з пэўнай мерай верагоднасьці можна меркаваць, што ў ягоны склад уваходзілі сам Стракапытаў і іншыя камандзіры. Наяўнасьць Палескага Паўстанчага Камітэту поўнасьцю выключае магчымасьць абвінаваціць Стракапытава ў імкненьні стаць ваенным дыктатарам. Разам з тым, трэба ўлічыць, што Стракапытаў быў ня толькі выканаўцам волі Камітэту, але і адным зь яго кіраўнікоў.

18 сакавіка 1919 г. Тульская брыгада пасьля ўрачыстага мітынгу была пасьпешліва адпраўлена на Калінкавіцкі ўчастак польскага фронту, заняты пятлюраўцамі. Ужо па дарозе на фронт брыгаду ў дастатковай ступені распрапагандавалі эсэры. І як толькі часткі прыбылі ка передавыя пазыцыі, штаб фронту вырашыў на сьвітаньні 20 сакавіка пачаць сіламі Тульскай брыгады наступленьне на Оўруч.

Прыняўшы такое рашэньне, штаб відавочна пераацаніў свае магчымасьці й недацаніў магчымасьці пятлюраўцаў. Наступнай раніцай 21 сакавіка часткі чырвоных ня вытрымалі шквальнага артылерыйскага агню, пад прыкрыцьцем якога перайшлі ў контрнаступ пяхота і коньніца Пятлюры. Чырвонаармейцы хаатычна пачалі адступаць да станцыі Беражэсьць. 22 сакавіка пятлюраўскі артылерыйскі агонь яшчэ больш узмацніўся. Адначасна на вялікай хуткасьці падышоў іхні браняпоезд і пачаў ва ўпор абстрэльваць чырвоных. Брыгада адступіла да станцыі Славечна, раскіданай уздоўж аднайменнай ракі, але нават гэты прыродны рубеж не змагла выкарыстаць для абароны. І няма нічога дзіўнага ў тым, што 22 сакавіка, пераканаўшыся ў няздарнасьці вышэйшага камандаваньня фронту, сілком мабілізаваныя, распрапагандаваныя эсэрамі байцы сабраліся на стыхійны мітынг. Камісару Ільлінскаму, які спрабаваў затрымаць байцоў на пазыцыях, яны не далі сказаць ні слова. 3 усіх бакоў чуліся пагрозы: "Расстраляць яго! Узяць заложнікам! Выдаць Пятлюры!". Байцы вырашылі неадкладна пакінуць фронт.

Бальшавіцкі сьведка Селіванаў сьцьвярджае, што "на гэтым сходзе былі назначаныя каманданты паяздоў, атрыманыя пад пагрозай расстрэлу ад чыгуначнай адміністрацыі". Магчыма, стракапытаўцам і не спатрэбіліся пагрозы, бо падчас паўстаньня сымпатыі чыгуначнікаў былі выразна на іхнім баку. У той-жа дзень пачалася пагрузка палкоў у вагоны. Калі неставала машыніста ці качагара, іх замянялі машыністы і качагары, што знаходзіліся сярод чырвонаармейцаў — былых тульскіх работнікаў, Паўстанцы перакрэсьлілі графік-расклад руху паяздоў, і эшалон за эшалонам, рызыкуючы сутыкненьнямі і аварыямі, накіраваліся з фронту ў тыл. Калі Ільлінскі яшчэ раз паспрабаваў затрымаць чырвонаармейцаў у Мазыры, то яны памкнуліся скінуць яго з маста ў Прыпяць, але іх адгаварыў камандзір артылерыйскага дывізіёну Куманін.

Ноччу з 23 на 24 сакавіка на Палескі вакзал у Гомлі пачалі прыбываць эшалоны паўстанцаў. Як сьведчыць той-жа Селіванаў: "Паўстанцы не хацелі выгружацца ў Гомлі й дамагаліся тэрміновай адпраўкі іх у Бранск, каб там разысьціся па хатах". Нелагічнасьць гэтага сьцьверджаньня больш чым відавочная. Калі паўстанцы з прымяненьнем сілы, як расказвае Селіванаў, або па-добраму, не ўжываючы сілы, даехалі да Гомлю, то што магло ім перашкодзіць такім-жа чынам даехаць і да Бранску? Незразумела таксама, чаму яны, "накіроўваючыся дахаты", везьлі з сабою гарматы, мінамёты й кулямёты. Няма сумненьня, што Палескі Паўстанчы Камітэт і значная частка каманднага складу брыгады карысталіся сярод паўстанцаў вялікім аўтарытэтам. Паўстанцы таксама былі не настолькі легкадумныя, каб не разумець, што, рассыпаўшыся па адным, яны лёгка будуць вылаўленыя чэкістамі і, як дэзэртыры ды яшчэ ўдабавак паўстанцы, расстраляныя.

Калі Гомельскі павятовы камітэт РКП(б) даведаўся аб прыходзе мяцежных палкоў, ен накіраваў бальшавікоў Білецкага, Камісарава, Селіванава й Валадзько для перамоваў з паўстанцамі. Аднак, даехаўшы да Лібаўскага вакзалу, парламенцёры ўбачылі выстаўленыя кулямёты і, на свае вочы пераканаўшыся, што маюць справу не са стыхійным, а арганізаваным паўстаньнем, павярнулі назад. Пасьля іхняй інфармацыі ў павятовым камітэце быў створаны ваенны штаб, у які ўвайшпі: старшыня рэўкаму С. Камісараў, старшыня ЧК І. Ланге, рэдактар " Известий Гомельского Ревкома" Н. Білецкі, чэкісты Гул і Я. Фрыд. Высьветлілася, што ў горадзе для барацьбы з паўстанцамі рэгулярнага войска няма, за выключэньнем

мясцовага вартаўнічага батальёну, "на які ні ў якім выпадку нельга было абаперціся". Сапраўды, празь нейкі час ён аб'явіў сябе нэўтральным і пастанавіў не выступаць ні на баку савецкай улады, ні на баку паўстанцаў. У распараджэньні створанага штаба аказалася 300 камуністаў, міліцыя і інтэрнацыянальны атрад ЧК.

Штаб і яго асноўныя ўзброеныя сілы разьмясьціліся ў гатэлі "Савой", выставіўшы ў горадзе каравулы. Адсюль ён разаслаў тэлеграму "Усім, усім, усм..." пра катастрафічнае становішча бальшавікоў у Гомлі і просьбу дапамогі. У гэты-ж час немец з інтэрнаідыянальнага атраду камуніст Краўзэ арганізаваў у "Савоі" кулямётную каманду, і яму-ж бальшавіцкі штаб даручыў агульнае кіраўніцтва ваеннымі дзеяньнямі.

Вечарам 24 сакавіка паўстанцы рушылі ад Палескага вакзалу да Лібаўскага й занялі яго. Каля вакзалу яны акружылі клюб чыгуначнікаў і арыштавалі там некалькі камуністаў. Пасьля яны пачалі пасьлядоўна займаць горад — пошту, тэлеграф, установы, палац князя Паскевіча, раззброіўшы пры гэтым міліцыю, якая і не аказала асаблівага супраціву.

Каля 10 гадзін вечара паўстанцы захапілі турму й вызвалілі палітычных вязьняў або, як пазьней гаварылі бальшавікі, "розны контррэвалюцыйны зброд". Галоўныя ж часткі паўстанцаў ноччу з 24 на 25 сакавіка акружылі гатэль "Савой .

У будынку тым часам было каля 150 бальшавікоў. Пачаўся з двух бакоў упарты бой.

Трэба аддаць належнае гераізму бальшавікоў, што заставаліся ў гатэлі і ўвайшлі ў гісторыю як "гомельскія камуністы". Праўда, яны абаранялі сваё жыцьцё, але магчыма, што яны і не баяліся сьмерці ў барацьбе за панаваньне сваёй ідэялёгіі над народам. Пасьля некалькіх гадзін абстрэлу гатэлю з кулямётаў і вінтовак, ня ведаючы нават, колькі чалавек яго бароніць, паўстанцы распачалі мінамётны і артылерыйскі агонь. Яны паставілі ў парку князя Паскевіча батарэю лёгкай артылерыі зь дзьвюх гарматаў і пачалі абстрэл "Савою", які працягваўся чатыры гадзіны. Адначасна дзейнічаў і мінамёт, устаноўлены на рагу Троіцкай вуліцы. Выпусьціўшы некалькі дзясяткаў мінаў і снарадаў прамой наводкай па будынку, артылерысты і мінамётчыкі прабілі дах і столь трэцяга паверху — разбурылі ў бальшыні сьцены, паставіўшы ўвесь будынак пад пагрозу абвалу,

Бальшавікі здаліся. Раніцай 25 сакавіка "Савой" быў узяты паўстанцамі. Калі бальшавікоў, што засталіся ў жывых, вывелі з гатэлю, іх пачалі зьбіваць гамяльчане. Найбольш дасталося ненавіснаму для жыхароў гораду старшыні ЧК Івану Ланге. Зь вялікай цяжкасьцю абараніўшы тых, што здаліся, ад самасуду, паўстанцы давялі іх да турмы й кінулі ў камэры. Сюды-ж адпраўлялі ўсіх арыштаваных у горадзе камуністаў і падазроных.

Паўстанцы занялі горад. Яшчэ да капітуляцыі "Савою", лёс якога лёгка было прадбачыць, яны 24 сакавіка ў 23 гадзіны 10 мінут адправілі тэлеграму пад № 1078 з такім зьместам:

"Усім чыгуначнікам па ўсёй сетцы чыгуначных дарог.

Ваенная ўлада бальшавікоў у горадзе скінутая. Рухам кіруе Палескі Паўстанчы Камітэт. Арыштоўвайце членаў надзвычайных камісіяў, камісараў і ўсіх ворагаў народу. Не прапускайце бальшавіцкія эшалоны. Пры неабходнасьці разбурайце чыгункі.

Давядзіце гэты зварот да ведама насельніцтва і дзейнічайце сьмела і энэргічна.

Наладжвайце сувязь у дзеяньнях. Паведамляйце на станцыю Гомель.

Палескі Паўстанчы Камітэт".

У гэты-ж дзень Стракапытаў выдаў загад № 1, у якім гаварылася:

"Сёньня, 24 сакавіка, я, па даручэньню Палескага Паўстанчага Камітэту, прыняў на сябе абавязкі камандуючага войскамі Гомельскай акругі, якія паўсталі супраць ураду Троцкага і Леніна.

Камандуючы войскамі Гомельскай акругі Стракапытаў".

Камандантам Гомлю быў прызначаны былы палкоўнік царскай арміі і адзін з камандзіраў Тульскай брыгады Сьцёпін.

Праграма паўстанцаў знайшла адлюстраваньне ў адозвах Палескага Паўстанчага Камітэту і ў загадах Стракапытава. Як ужо адзначалася, гэтыя адозвы й загады настолькі характэрныя для паўстаньня, што заслугоўваюць пільнай увагі і аналізу. Да нас дайшло толькі некалькі дакумэнтаў, і яны павінны быць захаванымі для гісторыі. Першы зь іх, зьвернуты да ўсіх пластоў грамадзтва, наступны:

"Грамадзяне!

Савецкая ўлада памірае. Петраград напярэдадні падзеньня. У Маскве толькі чакаюць сыгналу, каб скінуць насільле катаржнікаў і нягоднікаў. У Туле неспакойна. Менск акружаны. Прымусова мабілізаваныя ўсюды адмаўляюцца ваяваць. Весткі пра рэвалюцыйны рух у краінах садружнасьці раздутыя й падтасаваныя бальшавікамі. Цяпер ня лета 1918 году, і Гомель — не Яраслаўль.

Мы — сяляне й работнікі ў салдацкіх шынялёх, нашыя ворагі — адкіды ўсіх слаёў насельніцтва, аб'яднаныя прагай улады, той улады, якая дае ім лёгкае і прывольнае жыцьцё. Гэтыя злачынцы часам разумныя, часам хітрыя, але ўсё-ж злачынцы — ворагі чалавечага роду. У полымі рэвалюцыі гэты сацыяльны бруд заўсёды ўсплывае наверх. Цяпер прыйшоў яму час зноў асесьці на дно.

Грамадзяне! Адкіньце гіпноз. Агляніцеся, раздумайцеся, зразумейце — сьвітае. Набліжаецца прамяністы дзень. Бальшавікі здаюцца вам моцнымі, бо вы стаіце на каленях. Устаньце з каленяў!

Нашыя лёзунгі:

1. Уся ўлада Ўстаноўчаму Сходу.

2. Лучнасьць прыватнай і дзяржаўнай ініцыятывы ў галіне гандлю і прамысловасьці, у залежнасьці ад рэальных патрабаваньняў гаспадарчага жыцьця краіны.

3.Жалезныя законы аховы працы.

4. Ажыцьцяўленыне грамадзянскіх свабодаў.

5. Зямля — народу.

6.Далучэньне Расейскай Рэспублікі да Лігі Нацыяў.

Палескі Паўстайчы Камітэт".

Спэцыяльная адозва быпа адрасаваная сялянам:

"Сяляне!

Вашыя браты й дзеці, мабілізаваныя Троцкім і іншымі злачынцамі, што сядзяць на нашым карку, паўсталі супраць савецкай улады і прагналі яе служак з гораду й

павету. Бальшавікі разьбітыя і ўцякаюць. Расея аб'яўлена Народнай Рэспублікай.

Ствараецца новая, народная ўлада.

Ніхто не пасьмее ад гэтага часу адбіраць у вас хлеб, ніхто не пасьмее больш абкладаць вас празьмернымі падаткамі.

Мы закончылі вайну й заключылі мір.

Ніхто не пагоніць больш вашых братоў і дзяцей на бойню.

Сяляне! Біце ў званы, ганіце савецкае паскудзтва з вашых паселішчаў, затрымлівайце падазроных, арганізуйце паўстанчыя камітэты ў сёлах, вёсках, мястэчках і перадавайце ім часова ўсю ўладу.

Камандуючы 1-й арміяй Народнай Рэспублікі Стракапытаў".

З улікам таго, што Гомель — горад прамысловы, з высокім працэнтам работнікаў, у другой адозве, зьвернутай менавіта да іх, дастаткова ясна высьвятляліся адносіны паўстанцаў да праблемаў рабочае клясы.

"Да ўсіх прафэсійных саюзаў.

Мы змагаемся за права свабоднай працы, за права свабоднага карыстаньня плёнам працы сваіх рук.

Мы ўпэўнены, што толькі арганізаванасьцю работнікі ўсіх прафэсій змогуць дабіцца вызваленьня ад тых, хто маною прысвоіў сабе права гаварыць ад імя рабочае клясы.

Таму мы вітаем прафэсійныя саюзы і заклікаем вас, таварышы,— ідзіце да нас і памажыце нам вашымі ведамі і практыкай.

Паўстанчы Камітэт Палесься".

І нарэшце, з палітычнага пункту гледжаньня заслугоўвае ня меншай увагі

"Зварот да партыяў.

Калі вам дарагая Расея, калі вы змагаецеся за свабоду, закон і мір, калі вы імкняцеся палепшыць і палегчыць жыцьцё работніцкае клясы, калі вы хочаце даць зямлю з усім тым, што на ёй расьце, работнікам зямлі, калі вашая мэта — прагрэс і росквіт творчых сілаў краіны,— дык знайце: мы з вамі.

Мы ўсімі сіламі паможам вам і, у сваю чаргу, зьвяртаемся да вас за дапамогай у пашырэньні нашых ідэяў сярод народных масаў. Знаёмце народ з намі, разьдзяліце нашую цяжкую ношу барацьбы супраць ярых драпежнікаў — і вызваленьне краіны будзе забясьпечанае.

Гомель, 1919 год. 1-я армія Расейскай Рэслублікі".

Як відаць, адозвы і загады прасякнуты ідэямі эсэраў, у іх адлюстравалася праграма партыі эсэраў. Гэтыя дакумэнты даюць падставу зрабіць вывад, што менавіта эсэры кіравалі гомельскім паўстаньнем, і можна пераканацца, наколькі неабгрунтаваныя бальшавіцкія абвінавачаньні стракапытаўцаў у сувязі з чарнасоценцамі. Ні адзін зь белагвардзейцаў і чарнасоценцаў, што імкнуліся ў той час да рэстаўрацыі дарэвалюцыйнага стану рэчаў, не падпісаўся-б пад гэтымі адозвамі.

У Гомлі тым часам было адносна спакойна. Спробы часткі гараджанаў і, галоўным чынам, прыгарадных сялянаў арганізаваць гэбрайскі пагром камандатура

перасекла на самым пачатку. Характэрная ў гэтых адносінах адозва:

"Да насельніцтва гораду Гомлю.

У час перавароту ў горадзе былі выпадкі грабяжу мірных жыхароў. Супраць парушальнікаў парадку прынятыя самыя строгія меры. Будзьце ўпэўненыя, што новая ўлада здолее абараніць жыцьцё і набытак грамадзянаў.

Камандант гораду Гомлю палкоўнік Сьцёпін".

І сапраўды, камандатура расстраляла некалькі паўстанцаў, вінаватых у грабяжох і насільлях сярод насельніцтва.

Як сьцьвярджае бальшавіцкі сьведка Г. Лялевіч, "паўстанцы займаліся разгромам савецкіх установаў, ірвалі і палілі дакумэнты, разьбілі незгаральныя шафы ў харчкаме і саўнаргасе, нагружалі вазы правізіям са складаў харчкаму і райсаюзу і адпраўлялі іх на Палескі вакзал".

Трэба зазначыць, што ліквідацыя стракапытаўцамі савецкіх установаў была нармалёвай і лагічнай. Аднак той жа Лялевіч, насуперак тэндэнцыйным абвінавачаньням некаторых пазьнейшых савецкіх гісторыкаў, вымушаны прызнаць, што "на шчасьце, стракапытаўцы не пасьпелі ў поўнай меры праявіць скрыты ў іх талент грамілаў". Яшчэ больш характэрная фраза, што перадавалася ў той час з вуснаў у вусны, мясцовага багацея-домаўладальніка, якому належаў і гатэль "Савой", Б.Ш. Гурэвіча: "Праўда, яны вярнулі мне мае дамы з разьбітымі вокнамі, але ўсё ж вярнулі".

У сваім загадзе № 2 палкоўнік Сьцёпін аб'явіў, "што з гэтага дня ў горадзе дазваляецца свабодны гандаль усялякімі таварамі", і гэта адразу-ж выкарысталі гараджане.

Усё-ж трэба сказаць, што пераважная бальшыня гамяльчан паставілася да стракапытаўскага перавароту больш або менш абыякава. Найбольшымі сымпатыямі паўстанцы карысталіся ў значнай часткі чыгуначнікаў, служачых пошты і павятовага харчовага камісарыяту, дзе працавалі афіцэры былой царскай арміі Міхайлаў, Іваноў, Міхееў і іншыя. Здавалася, у горадзе ўсё заціхла, але тым часам над ім зьбіралася грымнуць новая бура.

Калі вестка пра паўстаньне дайшла да губэрскага цэнтру — Магілёва, губкам РКП(б) і губвыканкам аб'явілі стракапытаўцам вайну і арганізавалі губэрскую тройку па барацьбе са стракапытаўшчынай, у якую ўвайшлі: старшыня губвыканкаму Сурта, губэрскі ваенны камісар Капман, камісар камандных курсаў (прозьвішча няведамае). Перш за ўсё яны зьвярнуліся з адозвай да рабочых і сялян Гомельшчыны і асобна — да чырвонаармейцаў паўстаўшых 67-га і 68-га палкоў. Неабходна адзначыць, што нават у савецкіх гістарычных крыніцах няма ўпамінку пра энтузіязм, зь якім рабочыя, сяляне і чырвонаармейцы сустрэлі гэтыя адозвы. Таму, адначасна з адозвамі, з Магілёву накіравалі супраць паўстанцаў кавалерыйскі эскадрон і камандныя курсы разам з артылерыяй. У раён Мазыра прыбыў аддзел са Смаленску, узначалены губэрскім ваенным камісарам А. Адамовічам, які павінен быў не дапусьціць аб'яднаньня стракапытаўцаў зь пятлюраўцамі. Супраць паўстанцаў выйшлі таксама з Бабруйску, Почапу і іншых гарадоў партыйныя атрады. І нарэшце, з Бранску накіравалася на Гомель дывізія з артылерыяй.

Паўстанцы, маючы намер пашырыць сваю тэрыторыю, паспрабавалі ісьці на

Магілёў, пакінуўшы асноўныя сілы ў Гомлі. Яны зьнішчылі спачатку па дарозе нешматлікія бальшавіцкія заслоны, але потым, аднак, сутыкнуліся з моцным супрацівам каля станцыі Уза. Тады, нечакана зьмяніўшы пачатковы маршрут, 26 сакавіка яны занялі горад Рэчыцу, дзе на іхні бок перайшоў мясцовы каравульны батальён. Захавалася некалькі дакумэнтаў аб знаходжаньні стракапытаўцаў у Рэчыцы, што поўнасьцю выяўляюць іхнія адносіны да народу. Характэрны ў гэтым пляне

"Загад № 1.

Даводзіцца да ведама грамадзянаў гораду Рэчыца, што ў выніку адыходу партыі камуністаў цывільная ўлада ў гор. Рэчыца й павеце перайшла да Гарадской Думы й Земскае Ўправы, а да іх сфармаваньня цывільная й ваенная ўлада належыць начальніку гарнізону.

3 гэтага дня выхад на вуліцу пасьля 9 гадзін вечара, па старым часе, строга забараняецца,

Служачым усіх установаў заставацца на сваіх рабочых мясцох.

Мірным грамадзянам гарантуецца недатыкальнасьць асобы й маёмасьці.

Штаб гарнізону разьмяшчаецца на Ўсьпенскай вуліцы ў памяшканьні былога рэўкаму (Усьпенская, 109).

Начальнік гарнізону (подпіс неразборлівы)

Начальнік шгаба Мяцельскі

Ад'ютант (подпіс неразборлівы)

26 сакавіка, 1919 г".

Характэрная сустрэтая насельніцтвам з энтузіязмам

"Аб'ява.

Часовы камітэт па кіраваньню горадам Рэчыца і паветам на паседжаньні сваім ад 27 сакавіка гэтага году, беручы пад увагу амаль поўную адсутнасьць прадметаў першай неабходнасьці і, галоўным чынам, прадуктаў, пастанавіў: дазволіць свабодны ўвоз прадуктаў у горад, у тым ліку і нармаваных, запэўніўшы, што ніякім рэквізыцыям яны не падпягаюць. Перакупка са спэкулятыўнымі мэтамі будзе строга карацца.

Часовы камітэт па кіраваньню горадам Рэчыца і паветам".

Пра тое, што ўсяпякія рэквізыцыі сапраўды адсутнічалі, сьведчыць

"Адозва.

Грамадзяне, ахова гораду ўскладзена на мясцовую каравульную роту, дзякуючы якой пала ўлада камуністаў. Рота знаходзіцца ў бядотным становішчы: няма абутку, бялізны і іншага. Хто спачувае цяперашняму перавароту, адгукніцеся і прынясіце неабходнае для абаронцы-салдата.

Ахвяраваньні будуць прымацца з удзячнасьцю ў гаспадарчай частцы штаба, разьмешчанага на Ўсьпенскай вуліцы,

дом № 109.

Штаб Рэчыцкага атраду".

І, нарэшце, палітычны твар рэчыцкіх стракапытаўцаў вызначае наступны дакумэнт:

"У тыпаграфію Бэра.

Тэрмінова вырабіць пячатку круглую з двухгаловым арлом без кароны з тэкстам: Рэчыцкі атрад Расейскай Рэспублікі.

Начальнік штаба Мяцельскі

Ад'ютант (подпіс неразборлівы)".

Тым часам адборныя бальшавіцкія ваенныя часткі пачалі паступовае акружэньне Гомлю. Аднак і сярод гэтых адборных ня было аднадушнай сымпатыі да бальшавікоў. Так, напрыклад, магілёўская артылерыя атрымала загад: не даходзячы трох вёрстаў да Гомлю, заняць пазыцыю і пачаць абстрэл Палескага вакзалу, каб перашкодзіць паўстанцам наладзіць эвакуацыю. Гэты загад ня быў выкананы ў выніку, як сьцьвярджае Г. Лялевіч, "контррэвалюцыйнасьці некаторых асобаў каманднага складу артылерыі". Дзьве роты 71-га пя-хотнага палка, далучаныя да магілёўскіх курсантаў, таксама адмовіліся наступаць, больш таго, як сьведчыць той жа Лялевіч, "сталі пагаворваць пра пераход на бок бандытау".

З другога боку, і самі стракапытаўцы аказалі самае рашучае супраціўпеньне. Яны адбівалі ўсе няспынныя атакі партыйцаў і курсантаў на Палескі вакзал, наносячы ім прытым значныя страты ў людзях. 28 сакавіка раніцай дывізія з Бранску заняла гомельскае прадмесьце Нава-Беліцу і пачала артылерыйскі абстрэл гораду. Бой цягнуўся цэлы дзень. У 4-5 гадзін вечара стракапытаўцы прыступілі да эвакуацыі, працягваючы весьці бой. Калі яны пакідалі Гомель, палац князя ПаскевІча — упрыгожаньне гораду й помнік мастацтва поўнасьцю быў ахоплены полымем. Бальшавікі вінавацяць у падпале яго паўстанцаў, але цяжка паверыць у гэта. Хутчэй яны падпалілі б вакзалы, якія мелі важнае ваеннае значэньне, чым палац. І, верагодней за ўсё, што палац загарэўся ад артылерыйскага бальшавіцкага абстрэлу, які вёўся цэлы дзень. Ва ўсякім выпадку, абслуга замку сьцьвярджала, што прычына пажару не вандалізм стракапытаўцаў, а снарад бранскай артылерыі, які трапіў у закрыты верхні паверх будынку.

29 сакавіка Чырвоная армія ўвайшла ў горад. Яна вызваліла зь перапоўненай турмы мясцовых камуністаў, зь іх ніхто ня быў расстраляны стракапытаўцамі пры адступленьні. Выключэньнем сталася група з 24-х адказных работнікаў, якіх паўстанцы яшчэ вечарам 26 сакавіка вывелі з турмы і ўзялі пад варту ў вагоне каля Палескага вакзалу. У ноч адступленьня іх вывелі з вагона, назьдзекваліся й забілі. Вось імёны забітых: Н. Білецкі, С. Камісараў, І. Ланге, Б. Аўэрбах (Падгорны), Л. Файншміт, Я. Фішбейн, П. Качанская, З. Песін (Зоя), Я. Фрыд, Грозны, Ф. Сундукоў, С. Бочкін, Гертнер, Капільніцкі, Каменка і 9 неапазнаных. Іх пахавалі ў агульнай магіле на адным з гомельскіх бульвараў. На помніку, пастаўленым пазьней на іхняй магіле,— прачулы надпіс, замест якога больш адпаведны быў бы такі: "Тут ляжаць тыя, што пажалі пасеянае".

Дастойную характарыстыку старшыні ЧК Івану Ланге дае Г. Лялевіч, прызнаючы, што "ўсе контррэвалюцыйныя элементы гораду яго ненавідзелі, вінавацячы ў жорсткасьці". Чэкістамі былі таксама Файншміт, Фішбейн, Фрыд і

іншыя. Што да С. Камісарава і Н. Білецкага-Язерскага, то ім больш падышла б эпітафія: "Тут ляжаць бальшавіцкія героі, якія своечасова пазьбеглі яжовых рукавіцаў". Камісараў, перш чым перайсьці на бок бальшавікоу, быў актыўным меншавіком, Білецкі-Язерскі нарадзіўся ў сям'і генэрал-лейтэнанта, удзельніка турэцкай і японскай войнаў.

Стракапытаўцы былі непараўнальна больш літасьцівыя ў адносінах да сваіх ворагаў, чым пазьней гэтыя ворагі ў адносінах да іх. Гомельская й Магілёўская турмы былі перапоўненыя паўстанцамі. Яшчэ 1 красавіка ў Калінкавічах выязная сэсія Рэўваентрыбуналу Заходняга фронту разглядала справу васьмі паўстанцаў, прысуджаных да расстрэлу. У ліку гэтых васьмі быў камандзір 68-га палка Мічыгін, які сьмела заявіў, што зьяўляецца адным з арганізатараў паўстаньня.

У Магілёве Рэўваентрыбунал вынес сьмяротны прысуд 62 удзельнікам паўстаньня, галоўным чынам, з каманднага складу. На працягу трох месяцаў, аж да ліпеня 1919 году, у Гомлі засядала губэрская тройка ЧК, прысуджаючы амаль штодзённа да расстрэлу ўдзельнікаў і саўдзельнікаў паўстаньня. Сярод асуджаных на сьмерць былі і раней названыя служачыя харчкаму Міхайлаў, Міхееў і Іваноў, але потым расстрэл быў ім заменены на дзесяць гадоў высылкі. "Аднак,— як са шкадаваньнем зазначае Г. Лялевіч,— Стракапытаў, Сьцёпін, зьвер і палач Крыдэнэр і бальшыня важакоў мяцяжу са значнай часткай паўстанцаў выратаваліся ад карнай рукі пралетарскага правасудзьдзя".

Пераважная бальшыня стракапытаўцаў пазьбегла бальшавіцкай помсты, прарваўшы чырвоны заслон, які апаясаў Гомель, яны аб'ядналіся са сваёй жа часткай, якая раней заняла Рэчыцу. Потым Тульская брыгада накіравалася да фронту, разграміўшы пры гэтым смаленскі атрад Адамовіча, нягледзячы на тое, што яго падтрымліваў сваім агнём спэцыяльна прысланы з Мазыра бронецягнік. Пасьля стракапытаўцы ўдарылі з тылу на атрад свайго былога ваеннага камісара Ільлінскага, зламалі такім чынам савецкі фронт й перайшлі ў раёне мястэчка Хойнікі на бок пятлюраўцаў, якія перадалі іх польскай палявой жандармэрыі.

Сьпярша палякі іх раззброілі і ізалявалі ў лягеры пры мястэчку Шолкава. Летам 1920 г. газэта Б. Савінкава "Варшавское Слово" зьмясьціла вялікі артыкул "Русско-Тульскмй отряд" у сувязі з прыездам у Варшаву палкоўніка Сьцёпіна. Яшчэ раней бальшыня паўстанцаў разам са Стракапытавым пасьля скорага вызваленьня зь лягеру пераехала з Польшчы ў Эстонію і ўвайшла часткова ў склад арміі Юдзеніча, а часткова ў Асобны Дабравольны Народны атрад Беларускай Народнай Рэспублікі Булака-Балаховіча. Пасьля заканчэньня ваенных дзеяньняў яны працавалі ў Эстоніі на лесараспрацоўках. "Пазьней,— успамінае Г. Лялевіч,— мне прыйшлося прачытаць у адной з дробных варшаўскіх газэт за красавік 1922 году, што стракапытаўцы адыгралі немалую ролю ў наступных бандыцкіх налётах на тэрыторыю БССР, арганізаваных Савінкавым".

Чым растлумачыць, што добра ўзброеная, з дастатковай ваеннай падрыхтоўкай Тульская брыгада, роўная па колькасьці байцоў дывізіі, толькі пяць дзён утрымлівала ў сваіх руках Гомель? (У той час, як кепска ўзброеная і без баявой практыкі Слуцкая дывізія БНР на працягу месяца стрымлівала бальшавіцкі фронт). Чым растлумачыць, што выдатныя адозвы Палескага Паўстанчага Камітэту засталіся "гласом вопіющего в пустыне", не дайшоўшы да антыбальшавіцка-настроеных сялян, а праз год 15 тысяч іх прымкнула да Дабравольнай арміі Булака-

Балаховіча?

На гэтыя два пытаньні можа быць толькі адзін адказ. У праграме стракапытаўцаў, што адлюстравалася і ў іхніх адозвах, адсутнічаў такі характэрны для эсэраў істотны мамэнт — нацыянальны. Стракапытаўцы ня ведалі або не хацелі ведаць, што яшчэ ў сьнежані 1917 г. Гомельшчына прыняла самы актыўны ўдзел у Першым Усебеларускім Кангрэсе ў Менску й мела на ім шырокае прадстаўніцтва. Стракапытаўцы не прадбачылі, што праз сем гадоў пасьля настойлівых просьбаў мясцовых жыхароў бальшавікі вымушаны будуць далучыць Гомельшчыну да БССР. Гэтую фатальную памылку Стракапытава ў пэўнай ступені ўлічыць і не паўторыць Савінкаў, калі разам з Дабравольнай арміяй Булака-Балаховіча накіруецца ў лістападзе 1920 г. у глыбокі савецкі тыл, а таму, менавіта таму, Булак-Балаховіч выглядаў для бальшавікоў непараўнальна большай небясьпекай, чым Стракапытаў.

Юрка Віцьбіч. Антыбальшавіцкія паўстанні і бальшавіцкая барацьба на Беларусі. — Нью-Ёрк, 1996. — С. 51-68.

Віцьбіч Ю. Гомельскае паўстаньне // Спадчына.- 1997. — № 3. — С. 143-159.

А. Рогалев

Страницы истории

Что же произошло в Гомеле в конце марта 1919 года?

(Еще один взгляд на стрекопытовский мятеж 75 лет спустя)

Сразу скажу: сенсаций в этом материале нет. Есть лишь мало известные или вовсе неизвестные широкой общественности факты, почерпнутые исключительно из бесед со старожилами, очевидцами драматических событий, разыгравшихся в Гомеле 24 —29 марта 1919 года, да еще желание разобраться в сути произошедшего.

Мятеж есть мятеж, и под каким бы знаменем он ни возникал, его в любом случае следует считать вооруженным выступлением против существующей власти. Безобидного или героического а таком событии искать не приходится. В нашем же случае — это одна из трагических страниц истории Гомеля советского времени.

Воссоздание общей канвы событий нужно начинать отнюдь не с марта и даже не с 14 января 1919 года, когда в Гомель вошли части Красной Армии, а с последних месяцев 1918 года, поскольку именно к этому времени, на наш взгляд, восходит предыстория Стрекопытовского мятежа.

...Поражения германских войск в первой мировой войне, ноябрьская революция 1918 года в Германии дали возможность советскому правительству аннулировать позорный, но вынужденный Брестский договор.

Оккупационные войска начали отход с территории Беларуси. В соответствии с достигнутым соглашением немцы должны были оставить Гомель к 20 декабря 1918 года. Однако в городе имелись силы, стремившиеся не допустить восстановления здесь советской власти.

17 декабря представители меньшевиков, эсеров, гомельского социал-демократического комитета Бунда и других организаций, ориентировавшихся на местную мелкую буржуазию и поддерживавшихся германскими оккупационными властями, создали так называемую Гомельскую Директорию по образцу Украинской Директории — буржуазно-националистического органа власти. В Гомель для укрепления новой власти вошли два полка петлюровцев.

После 14 января 1919 года Гомельская директория была ликвидирована, а 13 марта в городе начал работу 1-й съезд советов Гомельского уезда, избиравший исполком. Большинство мандатов в Гомельском совете в результате проведенных выборов принадлежало большевикам. Но их политические противники не отказались от борьбы за власть. Орудием для достижения своих цепей они избрали расквартированных в Гомеле с середины января по частным домам солдат 67-го и 68-го полов 2-й (Тульской) бригады 8-й стрелковой дивизии.

Члены Полесского комитета КП(6) и исполкома Гомельского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов не придали должного значения агитационной работе своих идеологических и политических противников в войсках или, скорее, не могли ей помешать. Желая избавиться от новоиспеченных солдат, не просто недовольных своим военным положением (тульские крестьяне, успевшие испытать “прелести” политики военного коммунизма, были насильно

мобилизованы большевиками), но и способных в любую минуту превратиться из более-менее организованного “объекта” для манипуляций в совершенно неуправляемую и все сметающую на своем пути вооруженную “орду”, гомельские власти, как можно полагать, в лице председателя Гомельского уездно-городского комитета РКП(б) М. М. Хатаевича добились в Москве решения отправить неблагонадежные полки на фронт.

В подобных случаях воинские единицы просто отправляют в тыл и там расформировывают. Но в общей неразберихе, царившей в марте 1919 года, поступили вопреки логике, что неизбежно подлило масла в уже разгоравшийся огонь и вызвало в конечном итоге пожар. Впрочем, не исключено, что "нарушение”, логики в данном случае было не случайным...

68-й полк успел добраться до фронта, в район Овруч-Калинковичи (приказ о выступлении был дан 19 марта). Солдаты-крестьяне отнюдь не желали погибать, поэтому повернули назад, решив двигаться домой, в Тульскую губернию. Вот здесь-то и вышли, как говорится, на авансцену меньшевики, эсеры и прочие члены разогнанной Гомельской Директории, давшие понять солдатам, что большевики им дезертирства не простят. В Калинковичах 68-й полк встретился с 67-м, направляющимся в район боевых действий. Дальнейшие события показывают, что солдат сумели убедить в том, что без свержения существующей власти им никогда не увидеть тульской земли. Если бы солдаты продолжали стихийно двигаться домой, то они не убивали бы своих нескольких командиров-коммунистов и не избирали бы нового “главнокомандующего” — некоего М. А. Стрекопытова, эсера и якобы бывшего царского офицера.

Таким образом, стрекопытовский мятеж был спланированным вооруженным выступлением против советской власти и отнюдь не "экспромтом” взбунтовавшейся солдатской массы. Сам факт мятежа свидетельствует о чрезвычайно непрочном положении советского правительства и его представителей на местах в рассматриваемый период и о возможном ином развитии событий не только в Полесском регионе, но и во всей стране в целом в случае успеха Стрекопытова.

“Главнокомандующий”, кстати, не без диктовки своих “патронов” выдвинул ряд исключительно политических требований — ликвидация советов, созыв Учредительного собрания, провозглашение Российской республики и др. Но это произошло не в момент встречи в Калинковичах 68-го и 67-го полков, а несколько позже, 24-26 марта, когда мятежники заняли Гомель и Речицу. А еще 23 марта, когда эшелоны стрекопытовцев готовились двигаться к Гомелю, даже гомельские большевики, кажется, не представляли всей грозившей им опасности.

Вечером 23 марта или в ночь на 24 марта мятежники остановились на станции Уза и предложили Гомельскому совету самораспуститься. На экстренном заседании Полесского комитета РКП(б) и исполкома Гомельского совета был образован военно-революционный комитет. Председатель ВРК С. С. Комиссаров, председатель уездной ЧК И. И. Ланге и редактор газеты “Известия Революционного комитета г. Гомеля и уезда” Н. С. Билецкий отправились на переговоры, не увенчавшиеся успехом. Этот факт убедительно свидетельствует об истинных намерениях организаторов мятежа.

В Гомеле, между тем, спешно формировались силы для сопротивления. Указывается цифра — около 300 человек, готовых к вооруженному отпору мятежникам. В отряд вступили не только сотрудники ВЧК и милиции, как обычно утверждается, но и гомельские рабочие, а также... китайцы, которых в то время было немало в городе (китайцы занимались, в частности, мелочной торговлей; гомельчане относились к ним очень доброжелательно, называя их: ласково “ходя”). Китайцы были вооружены главным образом копьями и косами. Именно китайцы с косами у входа в гостиницу “Савой”, ставшую штабом и опорным пунктом представителей Советской власти (гостиница располагалась на месте Дома торговли по нынешней улице Коммунаров, бывшей Мясницкой), запечатлелись в памяти старожилов — свидетелей мартовских событий 1919 года.

Еще один факт: на углу Румянцевской и Ирининской улиц (ныне Советская и Первомайская) стрекопытовцы повесили одного из китайцев, попавших им в руки. Были и другие казненные, что опровергает утверждения о якобы весьма благородном поведении мятежников в Гомеле. Кстати, из 26 коммунаров, похороненных в братской могиле на Гоголевском бульваре (сквер им. Ф.Э. Дзержинского), пятеро были китайцы. Их имена почему-то не названы, и до сих пор на мемориальной доске пять раз написано “Неизвестный”.

Возвратимся, однако, к последовательному изложению событий. К утру 24 марта эшелоны стрекопытовцев прибыли на гомельскую станцию Полесской железной дороги. Узнав, что большевики сдаваться не собираются и, более того, выставили заградительный отряд, руководители мятежа приняли решение подвергнуть город артиллерийскому обстрелу и тем самым внести панику в ряды сопротивляющихся, настроить против них жителей города. Снаряды орудий, установленных на бронепоездах, заставили гомельчан прятаться в погреба и действительно посеяли панику в городе.

Члены гомельского ревкома и их ближайшее окружение в количестве 65 человек забаррикадировались в гостинице “Савой”, надеясь на скорую помощь со стороны Смоленска, Могилева, Брянска и других городов, куда были направлены срочные телеграммы. Остальные коммунисты, актив советской власти, рабочие — члены отряда сопротивления рассеялись по городским окраинам, скрываясь от сыска. В Монастырьке (глухая гомельская окраина) нашла прибежище большая группа передовых рабочих-красногвардейцев Главных гомельских механических мастерских (ныне — вагоноремонтный завод).

Стрекопытовцы же, захватившие 24 марта все важнейшие городские учреждения, искали малейшего повода, чтобы расправиться со всеми неугодными. Не пожалели даже священника Троицкой церкви Андрея Трусевича, обвиненного в симпатиях к большевикам. Его показательный расстрел готовился в Любенском лесу (близ деревни Любны, вошедшей в 1934 году в черту Гомеля). Перед смертью священник обратился к Богу со словами: “Боже, если виноват, покарай, если не виновен — спаси!”. В этот миг показался верховой с пакетом, в котором Андрею Трусевичу милостиво даровалась жизнь.

А 25 марта состоялся штурм гостиницы “Савой” с применением артиллерии (пушки были установлены на Троицкой горе — на возвышенности по Троицкой улице, ныне — улица Крестьянская, близ Троицкой церкви). Видя бессмысленность сопротивления, 65 защитников гостиницы сдались.

...5 дней в Гомеле исполнялись приказы коменданта города полковника Стёпина. А сам М. А. Стрекопытов, объявивший себя командующим 1-й армией Российской республики, 26 марта занял Речицу. 28 марта — 1 апреля красноармейские части вели бои с мятежниками. Гомель был освобожден в ночь на 29 марта, а Речица — 1 апреля.

Организаторы мятежа с частью сторонников, однако, бежали в Польшу, а затем оказались в составе армии Юденича, наступавшего на Петроград. А весь Гомель, не принявший мятежников и их призывы, 31 марта провожал в последний путь 26 человек, замученных стрекопытовцами. 6 мая 1919 года на карте города появились улицы в честь С.С. Комиссарова, И.И. Ланге, Н.С.Билецкого, З.Б. Песина, С.М, Бочкина, Б.Я. Ауэрбаха. Память об остальных погибших увековечена в названии улицы Коммунаров.

Рогалев А. Что же произошло в Гомеле в конце марта 1919 года?
(Еще один взгляд на стрекопытовский мятеж)
// Гомельская правда.- 1994.- 22 сак.

Валянціна ЛЕБЕДЗЕВА

Стракапытаўскае паўстанне ў Гомелі.

…14 студзеня Гомель пакінулі апошнія нямецкія часці, а ў 5 гадзін вечара таго ж дня ў яго ўвайшлі атрады Чырвонай Арміі.

Галоўны змест палітычнага жыцця Гомеля пасля ліквідацыі нямецкай акупацыі склала барацьба бальшавікоў за аднаўленне сваёй непадзельнай улады і палітыкі "ваеннага камунізма".

Пры выхадзе з падполля гомельская арганізацыя РКП(б) налічвала 180 чалавек. Для пашырэння свайго ўплыву і кантралявання ўсіх сфер гарадскога жыцця была праведзена рэарганізацыя партыйных структур. Ужо 13 студзеня першы легальны сход бальшавікоў горада абраў гарадскі камітэт на чале з М. Хатаевічам, у складзе Антонава, Л. Гуло, Ярмака, І. Якубава, У. Цырліна, С. Камісарава. Гаркаму былі падначалены створаныя раенныя арганізацыі: гарадская (цэнтральная), вакзальная (чыгуначная), навабеліцкая. Пры гарадскіх і раённых парткамах ствараліся сялянскія, чырвонаармейскія ды інш. На ўсіх прадпрыемствах і установах, дзе было звыш 5 камуністаў, ствараліся партыйныя ячэйкі, якія бралі на сябе кіраўніцтва прафсаюзамі, фабзаўкамамі, камсамольскімі ды іншымі арганізацыямі. Для наладжвання партыйнай работы на Гомельшчыне па просьбе Палескага камітэта быў прысланы спецыяльны прадстаўнік ЦК РКП(б).

"Шыльда" дыктатуры пралетарыяту і бяднейшага сялянства стала ідэалагічным прыкрыццём барацьбы бальшавікоў за манапольную ўладу. Ужо на пасяджэнні 18 лютага было прынята, рашэнне не ўваходзіць ні ў якія пагадненні з іншымі партыямі, у тым ліку і сацыялістычнымі. Для здзяйснення гэтай мэты была выкарыстана кампанія выбараў у павятовыя, гарадскія і сельскія саветы, што прайшлі ў студзені-лютым 1919 г. Падчас яе была разгорнута моцная прапаганда бальшавікоў і выкрыванне "антынароднай сутнасці" меншавікоў, эсераў, бундаўцаў і іншых "мелкабуржуазных" партый. У перадвыбарчай адозве гомельскага камітэта РКП(6) даводзілася: "толькі бальшавікі дамагліся ўлады Саветаў і абаранілі яе сваёй крывёю, таму, калі гомельскія рабочыя хочуць, каб Савецкая ўлада прывяла іх у царства свабоднай працы — яны абяруць у свой савет толькі камуністаў".

Але адной прапаганды аказалася недастаткова. У насельніцтва Гомеля і павету знаходзіла падтрымку крытыка апанентамі бальшавіцкіх дыктатарскіх памкненняў, якія пагражалі распальваннем грамадзянскай вайны, і іх аграрнай палітыкі. Таму ўжо ў лютым партыйны бальшавіцкі сход канстатаваў, што "мелкабуржуазныя партыі... вядуць супраць нас барацьбу, а таму мы вымушаны адносна іх выкарыстаць рэпрэсіўныя меры". 14 лютага быў апублікаваны загад рэўкама з заклікам да пралетарскіх элементаў "разгарнуць бязлітасную барацьбу супраць антысавецкіх і нацыяналістычных элементаў", а ў канцы месяца былі закрыты бундаўскія выданні "Гомельская жизнь" і “Голос рабочего”, а таксама меншавіцкая газета "Полесье".

Рашучыя захады прымаліся ў эканамічнай сферы. Па-першае, была адноўлена нацыяналізацыя прамысловасці і ўстаноў. У студзені-лютым былі нацыяналізаваныя запалкавая фабрыка "Везувій", хімзавод "Іегель", цагляны завод. Да красавіка ў

падпарадкаванне саўнаргасу былі перададзены амаль усе прыватныя прадпрыемствы, у тым ліку і дробныя: маслабойкі, крупарушкі, млыны, пякарні ды інш. У прыватнай уласнасці заставалася толькі некалькі дробных прадпрыемстваў і майстэрні, але і на іх быў распаўсюджаны кантроль савецкіх гаспадарчых органаў. Па-другое, на класава-варожы элемент Гомеля, у адпаведнасці з дэкрэтам савецкага ўраду, была распаўсюджана працоўная павіннасць па нарыхтоўцы паліва, рамонту дарог і г.д., а таксама надзвычайны грашовы падатак у 10 млн. рублёў.

Па-трэцяе, адразу пасля вызвалення ад нямецкай акупацыі і вяртання савецкай улады на горад і павет была распаўсюджана "харчовая дыктатура". На імя старшыні Гомельскага рэўкама прыйшла тэлеграма за подпісам У. Леніна аб накіраванні ў горад надзвычайнай харчовай камісіі, якая падпарадкоўваецца выключна і непасрэдна Наркампроду РСФСР. У тэлеграме падкрэслівалася: “Усялякі тормаз у рабоце камісіі, якая нарыхтоўвае харч для забеспячэння Чырвонай Арміі і галадаючых цэнтраў, будзе разглядацца як супрацьдзеянне ў барацьбе Савецкай улады за хлеб для арміі і для працоўных мас, будзе карацца па ўсёй строгасці рэвалюцыйных законаў”.

Нягледзячы на ваенныя разбурэнні і рэквізіцыі акупацыйных улад, прадуктовая сітуацыя ў Гомелі і павеце заставалася больш стабільнай, чым у цэнтральных раёнах Савецкай Расіі. Таму следам за наркаматаўскай у горадзе з'явіліся яшчэ з тузін розных надзвычайных і закупачных камісій. Цэны на тавары імкліва выраслі ў дзесятак разоў. З гарадскога фонду дзве трэціх запасаў ішло, абмінаючы крамы і дзіцячыя прытулкі, на ўтрыманне часцей Чырвонай Арміі, але і пры гэтым недахоп харчу і вопраткі для салдатаў быў прызнаны ўкомам РКП(б) катастрафічным. Самачынныя рэквізіцыі вайскоўцаў станавіліся звычайнай з'явай. Незадаволенасць як арміі, так і насельніцтва, якое пачынала галадаць, нарастала.

Апазіцыйных настрояў дадаў загад Гомеліскага рэўкама ад 18 лютага аб абавязковым навучанні ўсяго працоўнага насельніцтва ад 18 да 40 год ваеннай справе, з тым, "каб па першаму загаду Рабоча-сялянскага ўрада стаць пад ружжо і папоўніць шэрагі Чырвонай Арміі". З адкрыццём польскага фронту ў горадзе і павеце была распачата мабілізацыя, але адказам на яе стала масавае ўхіленне і дэзерцірства, якое праз колькі месяцаў пераўтварыла навакольныя паветы ў суцэльныя паўстанцкія зоны.

У гэтай, блізкай да выбуховай, сітуацыі апынуліся ў Гомелі 67 і 68 палкі Тульскай брыгады. Лаяльнасць вайскоўцаў да бальшавікоў была вельмі хісткай, бо змабілізаваны яны былі восенню 1918 г. з тульскага сялянства, сярод якога якраз пачыналіся хваляванні. Да пачатку 1919 г. палкі знаходзіліся ў Бабруйску — меркавалася задзейнічаць іх на Заходнім фронце, але ў сувязі з выступленнем Пятлюры яны былі тэрмінова перакінуты ў Гомель. Апазіцыйныя настроі ў палках узмацніліся, тым больш, што размешчаныя яны былі на прыватных кватэрах, што паслабіла іх пастаянны кантроль і бальшавіцкую прапагандысцкую апрацоўку і сутыкнула з настроямі мясцовага насельніцтва. Ад пачатку лютага ў палках адчувалася хваляванне, пашыраліся чуткі аб магчымым выступленні ў гадавіну Чырвонай Арміі 23 лютага. Рэўкам стаў настойваць на выдаленні ненадзейных палкоў з Гомеля. Нарэшце 18 сакавіка 68 полк быў адпраўлены на фронт у раен Мазыра-Оўруча, а праз колькі дзён туды ж накіраваўся і 67.

Паўстанне пачалося ў ноч з 22 на 23 сакавіка на станцыі Славечна, дзе адзін з батальёнаў 67 палка сустрэў значна пашматаны батальён 68, які вяртаўся з фронту. Пасля звестак пра перавагу праціўніка і першых страт выбухнуў стыхійны мітынг пад лозунгам "Кідай фронт, далоў вайну!" Мітынгоўшчыкі даводзілі, што мясцовае сялянства савецкай улады не хоча і абараняць яе сіламі расійскіх сялян, ды яшчэ голымі рукамі, сэнсу не мае. Для большага ўздзеяння былі паказаны трупы забітых у першых баях чырвонаармейцаў. Спроба камуністаў і камісара палка навесці парадак толькі абвастрыла сітуацыю — камуністы былі арыштаваны, а камісар Ф. Сундукоў застрэлены. Мітынг прыняў рэзалюцыю пазіцый не займаць і вярнуцца дадому.

Адчуўшы падтрымку з боку вайскоўцаў і насельніцтва Мазыра, Калінкавіч, Рэчыцы, мяцежныя вайскоўцы рушылі на Гомель і ў ноч з 23 на 24 сакавіка на станцыю Гомель-гаспадарчы прыбыло 11 эшалонаў, якія запатрабавалі ў чыгуначнікаў адпраўкі іх на Бранск. Пасля адмовы чыгуначнага бальшавіцкага камітэта апошні быў арыштаваны, а станцыя ўзята пад кантроль паўстанцаў. Да вечара 24 у іх руках апынуліся артылерыйскія склады, тэлеграф, тзлефон, друкарня, будынак надзвычайнай камісіі і турма, адкуль выпусцілі вязняў.

Гомельскі ўком РКП(б) не быў падрыхтаваны да такіх падзей. У яго падпарадкаванні знаходзіліся інтэрнацыянальная рота і атрад асобнага прызначэння — каля 300 байцоў з 1 кулямётам і 150 вінтоўкамі. У ноч, калі паўстанцы займалі горад, на сумесным пасяджэнні ўкома і выканкама савета было вырашана не прапускаць мяцежнікаў на ўсход, а для абароны горада ўтвораны ваенрэўкам з 5 чалавек: С. Камісараў, Н. Білецкі, І. Ланге, Д. Гуло, і В. Селіванаў — старшыня. Спробы ВРК наладзіць перамовы з салдатамі і пераканаць іх вярнуцца на фронт поспеху не мелі. ВРК накіраваў тэлеграмы з просьбай аб дапамозе ў Маскву, Мінск, Магілёў і Бранск і заблакіраваўся ў гатэлі "Савой", разлічваючы пратрымацца да прыходу дапамогі.

У гэты момант на чале паўстанцаў з'яўляецца арганізацыя, якая абвяшчае сябе "Палескім паўстанцкім камітэтам". Паходжанне і партыйны склад камітэта дакладна вызначыць немагчыма. Галоўную ролю выконвалі ў ім афіцэры, прымусова змабілізаваныя ў Чырвоную Армію. Камітэт займаў паслядоўна антыбальшавіцкія пазіцыі і, верагодна, меў сувязі з іншымі гарадамі краіны. Узначаліў яго палкоўнік былой царскай арміі, загадчык гаспадарчай часткі аднаго з тульскіх палкоў У. Стракапытаў.

Дакументы камітэта сведчаць, што мэты яго мелі зусім не лакальны характар: паўстанне ў Гомелі павінна было пераўтварыцца ў агульнарасійскі фронт за звяржэнне бальшавіцкай улады. Ужо ў першым звароце да грамадзян даводзілася: "Савецкая ўлада памірае. Петраград напярэдадні падзення. У Маскве толькі чакаюць сігналу, каб скінуць іга катаржнікаў і нягоднікаў. У Туле хваляванні. Мінск акружаны. Мабілізаваныя адмаўляюцца ваяваць... Зараз не лета 1918 і Гомель не Яраслаўль[80]. Мы — мужыкі, рабочыя ў салдацкіх шынялях, нашы ворагі — смецце ўсіх слаёў насельніцтва, аб'яднаныя прагай улады... Гэта злачынцы — часам разумныя, часцей хітрыя — але ж злачынцы, ворагі чалавечага роду. У разгар рэвалюцыі гэты сацыяльны бруд заўседы ўсплывае напаверх. Цяпер наступіў час

[80] Мелася на ўвазе антыбальшавіцкае паўстанне у Яраслаўлі.

яму асесці зноў на дно... Нашы лозунгі: 1) Уся ўлада Устаноўчаму сходу; 2) Спалучэнне прыватнай і дзяржаўнай ініцыятывы ў вобласці гандлю і прамысловасці ў залежнасці ад рэальных патрабаванняў гаспадарчага жыцця краіны. 3) Жалезныя законы аб ахове працы.4) Правядзенне ў жыццё грамадзянскіх свабод. 5) Зямля — народу. 6) Уступленне Расійскай рэспублікі ў Лігу народаў."

24 сакавіка ў адозвах да "Усіх вайсковых часцей Гомельскай групы" і "Да таварышаў салдат, рабочых і грамадзян" заяўлялася аб тым, што ўрад Леніна і Троцкага зрынуты і абвяшчалася Руская Народная Рэспубліка, часовым органам якой станавіўся Палескі Паўстанцкі камітэт.

Галоўнай сілай у дасягненні вызначанай мэты мусіла стаць армія, таму камітэт прыкладаў намаганні да надання салдацкаму паўстанню арганізаванага характару, пашырэння яго на Заходні фронт і пераўтварэння бунтаўнікоў у антыбальшавіцкія фарміраванні. Тульскія палкі і гомельскі кавалерыйскі батальён, які падтрымаў іх, былі абвешчаны Першай Арміяй Рускай Народнай рэспублікі. Агульнае камандаванне ўзяў на сябе Стракапытаў, штаб узначаліў камандзір кавалерыйскага эскадрону Іваноў. У загадзе № 1 камандзіра ўсім часцям гомельскай групы пад пагрозай найсуровай адказнасці забараняліся якія-небудзь самачынныя дзеянні накшталт рабаўніцтва і пагромаў, належыла заставацца на месцах і без пярэчанняў выконваць загады галоўнакамандуючага.

Другім накірункам захадаў Палескага камітэта з'яўлялася спроба замацавацца ў Гомелі і разгортвання яго ў эпіцэнтр агульнарасійскага паўстання. Разлік пры гэтым рабіўся на месцазнаходжанне горада і яго магчымасці буйнога чыгуначнага вузла. Ва ўмовах разгарання грамадзянскай вайны на Украіне і з'яўлення польскага фронта Гомель мог пераўтварыцца з "варотаў жытніцы" ў вароты генеральнага антыбальшавіцкага наступлення.

24 сакавіка пачаўся штурм гатэля "Савой", а на наступны дзень яго артылерыйскі абстрэл. Трэці паверх быў зруйнаваны, будынак пагражаў абвалам і абаронцы здаліся. У звароце да гараджан Стракапытаў абвясціў аб вызваленні Гомеля ад бальшавікоў, запэўніваў у гарантыях перамогі ва ўсерасійскім маштабе, заклікаў захаваць парадак і наладзіць грамадзянскае жыццё. Прапаноўвалася неадкладна распачаць арганізацыю гарадскога самакіравання па тыпу існаваўшага да кастрычніка 1917 г. 24 сакавіка быў прызначаны камендант горада — афіцэр кавалерыйскага батальёна Сцёпін. Яго загадамі ўводзілася асаднае становішча і каменданцкі час, забараняўся продаж спіртных напояў, сходы і мітынгі без згоды каменданта. Усе жыхара абавязваліся ў двухдзённы тэрмін здаць зброю і паведаміць аб месцазнаходжанні камуністаў і камісараў, а таксама заклікалі да парадку і спакою, выканання сваіх службовых абавязкаў. Усе крамы, прадпрыемствы і электрастанцыі мусілі працягваць працу, дазваляўся свабодны гандаль таварамі. У асобым звароце да супрацоўнікаў дзяржаўных і грамадскіх устаноў іх заклікалі да працягу работы, абрання адказных кіраўнікоў і дэлегатаў для ўсталявання сувязі з паўстанцкім камітэтам. На гэты заклік у некаторых установах горада былі праведзены сходы і абрана новае кіраўніцтва. Напрыклад, работнікі аддзела гарадской гаспадаркі на сходзе 26 сакавіка выказалі недавер калегіі, прызначанай бальшавікамі, і абралі Часовы камітэт па кіраўнІцтву справамі гарадской гаспадаркі ў складзе 5 чалавек, вылучыўшы ў яго найбольш дасведчаных спецыялістаў, незалежна ад партыйных арыентацый. Паўнамоцтвы камітэта, які паставіў задачай

захаваць маёмасць горада ва ўмовах ваенных дзеянняў і распачатага рабаўніцтва, Стракапытаў зацвердзіў спецыяльным пасведчаннем. На патрэбы гарадской гаспадаркі і выплату заробку яе працаўнікам ім было выдадзена 300 тысяч рублёў. Новы камітэт служачых, у большасці са старых спецыялістаў, быў абраны і ў упрадкоме. Яго дэлегацыя прасіла Стракапытава прыняць меры супраць рабаўніцтва харчовых складаў і забяспечыць іх ахову. Просьба была задаволена. На супрацоўніцтва з Паўстанцкім камітэтам пайшлі таксама гомельскія чыгуначнікі.

Але ні ўвядзенне камендандцкага часу і коннага патрулявання вуліц і раёнаў, ні забароны самачынных дзеянняў не маглі ўтаймаваць паўстанцкай стыхіі, якая дзейнічала па ўласных законах. Ва ўмовах артылерыйскіх абстрэлаў і пажараў у горадзе мяцежныя вайскоўцы пры ўдзеле жыхароў пачалі рабаўніцтва друкарні, харчовых складаў, найбольш заможных дамоў.

Разам з усталяваннем кантролю над горадам Паўстанцкі камітэт асобыя намаганні прыкладаў для пашырэння паўстання. Галоўныя спадзяванні ўскладаліся на армію. Некалькі адозваў былі накіраваны на франты. У звароце "Войскам Леніна і Троцкага" даводзілася: "Ужо пяць год рускі народ лье сваю кроў. Ужо пяць год знішчаецца маладое пакаленне... Годзе. Вас гналі як статак на ўбой. Скажыце і вы свае слова. Годзе крыві... Далой вайну... Ідзіце ж да нас, дапамажыце даць Расіі замест кулі камісараў свабоду, замест спекуляцыі гандаль, замест камісарадзяржаўя — народапраўства. Дапамажыце нам даць сялянам не толькі зямлю, але і хлеб з гэтай зямлі. Ідзіце да нас, а мы, людзі працы, вызвалім Расію ад гнёту бальшавізму, і радасна ўздыхне народ, маючы магчымасць заняцца з вясны любімай працай, а не братазабойствам".

Паўстанцы апелявалі і да сялянства, усведамляючы яго ролю ў змаганні за лёс краіны. Загадам Стракапытава ўсе вайсковыя аддзелы, размешчаныя па-за горадам, павінны былі тлумачыць навакольнаму сялянству сутнасць падзей у Гомелі і рыхтаваць яго да дапамогі паўстанцам. Спецыяльная ўлётка "Сялянам" паведамляла аб змене ўлады і яе планах: "Ніхто не адважыцца з гэтага часу адбіраць у вас хлеб, ніхто больш не адважыцца абкладаць вас надзвычайнымі падаткамі... ніхто не возьме больш вашых братоў і дзяцей на забойства. Сяляне, біце ў набат, ганіце савецкую збродню з вашых селішчаў... выбірайце паўстанцкія камітэты... даручайце ім часова ўсю ўладу".

З заклікам падтрымаць распачатую Палескім камітэтам барацьбу, распаўсюдзіць усю праграму, падняць на змаганне народ стракапытаўцы звярнуліся да партый і прафсаюзаў, якія "змагаюцца за свабоду, закон і мір, імкнуцца палепшыць і палегчыць жыццё рабочага класу, хочуць даць зямлю працаўнікам зямлі, чыя мэта — прагрэс і росквіт творчых сіл краіны".

Але разлік Паўстанцкага камітэта не спраўдзіўся, ацэнка палітычнай сітуацыі аказалася памылковай. Бальшавіцкая дыктатура паспела дастаткова ўмацавацца, абапершыся на ваенную сілу. Апазіцыйныя палітычныя сілы не былі здольныя супрацьпаставіць арганізаваны масавы адпор. Насельніцтва Гомеля і павета, затэрарызаванае барацьбой і гаспадараннем розных уладаў, аднеслася да прэтэндэнта на ролю новага вызваліцеля насцярожана, тым больш, што для горада паўстанне абярнулася гвалтам грамадзянскай вайны. Нідзе, акрамя Рэчыцы, арганізаванай падтрымкі мяцежу не адбылося. Затое мабілізацыя сілаў, а яго падаўленне праводзілася імкліва. Звесткі аб паўстанні ў Гомелі былі абвешчаны на

VIII з'ездзе РКП(б), па ўказанню Леніна супраць яго былі накіраваны бронецягнік і часткі бранскага і смаленскага гарнізонаў. Мясцовыя партыйныя камітэты адправілі слухачоў магілёўскіх курсаў чырвоных камандзіраў і мінскай партыйнай школы, а таксама тэрмінова сфарміраваныя камуністычныя атрады з Бабруйска, Клінцоў, Навазыбкава, Почапа, Прапойска, Віцебска, Унечы, Веткі. Некаторыя з іх, як Віцебскі, прыйшлося вярнуць з-за ненадзейнасці, частка чырвонаармейцаў (каля 100 чалавек) перайшла да стракапытаўцаў у раёне Узы. Але асноўныя сілы падышлі да Гомеля 28 сакавіка, пачалі яго блакіраванне і артылерыйскі абстрэл. У горадзе пачаліся пажары, у тым ліку і палаца Паскевіча. Мяцежныя часткі ў ноч з 28 на 29 распачалі паспешлівую эвакуацыю ў напрамку Рэчыцы, якая суправаджалася панікай, рабаўніцтвам і яўрэйскімі пагромамі. На станцыі Гомель-Гаспадарчы былі знойдзены 21 забіты, сярод якіх і члены рэўкама І. Ланге, Н. Білецкі, С. Камісараў, Б. Аўэрбах, Л. Файншмідт, С. Бочкін. Усяго загінула падчас паўстання каля 100 чалавек…

31 сакавіка ў 17 гадзін на Гогалеўскім бульвары адбылося пахаванне ахвяр мяцяжу. Не працавалі фабрыкі і заводы, майстэрні, крамы і г.д. У жалобнай працэсіі прынялі ўдзел вайсковыя часткі, фабрычна-заводскія калектывы, прадстаўнікі прафесіянальных арганізацый Гомеля.

2 красавіка адбылося экстраннае пасяджэнне Гомельскага Савета рабочых, сялянскіх і салдацкіх дэпутатаў. У прынятай рэзалюцыі стракапытаўскі мяцеж быў кваліфікаваны як адна са шматлікіх спроб контррэвалюцыі звергнуць савецкую ўладу…

Лебедзева В. Стракапытаўскі мяцеж
// Беларуская мінуўшчына. – 1995. -- № 4. – С. 28-33;
В.М. Лебедзева, П.П. Рабянок. У віхуры грамадзянскай вайны
// "Памяць": гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля.
Кн. 1-я. – Мн.: БЕЛТА, 1998. – С. 282-286
Лебедзева В.М. Трывожныя дваццатыя
// Палессе. –1997. – № 1. – С. 104-118.

По страницам архивных документов

о Стрекопытовский мятеж

О стрекопытовском мятеже "Гомельская праўда" писала не один раз. Но всплывают новые факты, документы, которые ранее не публиковались. Например, приказы Стрекопытова, которые приводит автор этого материала, обращения Могилевского губисполкома... Да и молодым будет интересно ознакомиться с объективным изложением фактов. Вот почему мы еще раз вернулись к этой теме.

В январе 1919 года в Гомель прибыли 67-й и 68-й полки второй Тульской бригады. В числе красноармейцев было немало участников крестьянского восстания против Советской власти, которое незадолго перед этим охватило Тульскую губернию. Прибыв в Гомель с нелучшими настроениями, имея в личном составе крайне малый процент рабочих и встретившись с трудностями при размещении, части были явно недружелюбно настроены к Советской власти.

На настроение влияли не только тяжелые жилищные условия, но и продовольственный кризис, обывательская среда, в которой находились солдаты, тревожные веста из дома. Настойчивые требования Гомельского ревкома перед командованием фронта, Реввоенсоветом о замене командного состава бригады, так как командиры были в основном бывшие офицеры, выводе ее из Гомеля не были в свое время удовлетворены. Только 18 марта бригада получает приказ отправиться на фронт. На следующий день оба батальона 68-го полка двумя эшелонами направились на позиции.

Штаб действующих под Овручем красных частей решил предпринять наступление на Овруч. Красноармейцы заняли указанные им позиции. Однако утром 21 марта, не выдержав сильного артиллерийского огня, красные начинают отступать по направлению станции Бережась. 22 марта бронепоезд петлюровцев в упор начал расстреливать эшелоны с бойцами и одновременно был открыт артиллерийский огонь по месту расположения других частей Красной Армии. Вечером красноармейцы отошли на станцию Словечно.

Неудачи сказались на настроении остальных частей бригады. В ночь на 23-е марта на станцию Словечно из Гомеля прибывает первый батальон 67 полка. Сразу же после прибытия был устроен митинг. Требование — бросить фронт и уехать в Тулу. Попытка комиссара бригады Ильинского уговорить митингующих встретила отпор. Солдаты 67 и 68 полков через станцию Калинковичи направились в Гомель. Бесчинствуя по дороге, пытаясь учинить еврейские погромы, в ночь с 23 на 24 марта мятежники прибывают на станцию Гомель-Полесский, арестовывают коммунистов и требуют немедленной отправки всех эшелонов через Брянск в Тулу.

Ревком не имел точных сведений о восстании. Были предположения, что придется иметь дело "со стихийной вспышкой несознательной красноармейской массы", и потому надеялись вернуть их обратно на фронт. Ошибочность этого

мнения выявилась после переговоров с мятежниками парламентеров. Председатель ревкома Комиссаров, редактор "Известий ревкома" Билецкий, упродкомиссар Селиванов, секретарь железнодорожной парторганизации Володько принимали участие в переговорах. Им стало ясно, что это — мятеж, которым руководит опытная рука и который может нанести большой ущерб Советской власти.

На заседании Укома было решено дать вооруженный отпор мятежникам. Создали военно-революционный штаб, в который входят Комиссаров, Ланге. Билецкий, Фрид и Гулло. Было послано телеграфное сообщение в Брянск и Могилев с просьбой о помощи. В гостинице "Савой" расположились штаб, милиция и отряд коммунистов. Отряд ЧК остался в своем здании. Группы коммунистов заняли почту, телеграф и казначейство. Отряд милиционеров рассеялся отдельными десятками по привокзальному району. В распоряжении бойцов, засевших в "Савое" были пулемет, около 300 малопригодных винтовок. Численность бойцов не превышала 350-400 человек.

К вечеру мятежники начали разоружать коммунистические и милицейские посты и совершили первый налет на гостиницу "Савой". К ночи в распоряжении военно-революционного штаба остался район Мясницкой улицы (ныне ул. Коммунаров) до реки Сож. В этом районе находилась гостиница "Савой", телефонная станция, здание ЧК. К 11 часам вечера 24 марта повстанцы захватили тюрьму, а к трем часам утра был открыт артиллерийский и пулеметный огонь по гостинице "Савой".

Защитники оказывали упорное сопротивление. Однако они были слабо вооружены и трудно было устоять против двух тысяч повстанцев. К тому же в результате обстрела часть верхнего этажа гостиницы рухнула и находившиеся в гостинице были вынуждены сдаться. Город оказался в руках мятежников. Начались грабежи, погромы, короткий суд и расправа над населением.

Полковник Стрекопытов издает свои приказы, в которых приказывает всем красноармейским частям немедленно восстать против Советской власти, уничтожить всех своих комиссаров и не двигаться **с** тех мест, где они находятся, до получения его дальнейших приказаний.

В одной из листовок "командующий Армией Русской Республики Стрекопытов" взывал: "Крестьяне! Ваши братья и дети, мобилизованные Троцким и другими преступниками, севшими на шею народа, восстали против Советской власти и выгнали ее прислужников из города и уезда. Большевики были разбиты и бежали. Россия объявлена народной Республикой...

Крестьяне, бейте в набат, гоните советскую сволочь из ваших селений, задерживайте подозрительных, выбирайте повстанческие комитеты в селах, деревнях, местечках и вручайте им временно всю власть".

Стрекопытов обещал закончить войну и заключить мир, под страхом чрезвычайной ответственности запретил всяческие самочинные выступления, грабежи, погромы и т. д.

Но грабежи шли, а Российская республика, провозглашенная им, ограничивалась захваченным Гомелем и уездом. К городу подтягивались красные части.

Могилевский губернский комитет Советов рабочих и красноармейских депутатов выпустил свое воззвание к рабочим, крестьянам и красноармейцам

Гомеля. В нем, в частности, говорилось: *"Преступной, черносотенной рукой в Гомеле поднят дикий мятеж. Обманутые солдаты, бросив фронт, бесстыдно бежали. Свое оружие они направили против Великой Октябрьской Революции, оружейными и пулеметными залпами эти разбойники пытаются смести рабочую и крестьянскую Советскую власть...*

Если гомельские черносотенцы против гражданской войны, тогда спросите у них, по какой программе они стреляют из пушек по городу. Если плоха Советская власть, то спросите у мятежных лакеев буржуазии, какие они издадут законы. Разве сумасшедшие пьяные толпы вооруженных дезертиров накормят голодных. Разве гранатами и бессмысленным зверским убийством самоотверженных революционеров уменьшится народное горе".

Губернский комитет обратился и к бойцам 67 и 68 полков: *"Вы подняли восстание против рабочих и крестьянских Советов. Угнетенные массы России вам доверили оружие для борьбы с белогвардейцами и черной контрреволюцией, но вы свои штыки и пушки направили против рабоче-крестьянской Республики. Вам шепчут на ухо бить коммунистов, вас призывают к погрому. Вас убеждают, что если вы зарежете несколько десятков евреев и расстреляете несколько коммунистов, то будто тогда настанет царство на земле, не будет нужды.*

Мы говорим вам другое: только тогда будут счастливые люди, когда будут раздавлены помещики, белогвардейцы, капиталисты, сознательные и бессознательные провокаторы, которые сбили вас с толку..."

Мятеж продолжался всего четыре дня. Он был подавлен подоспевшими красными частями из Могилева и других близлежащих городов. "Красные войска уже окружили погромщиков, захвативших Гомель, и их ждет суровая кара",— так говорилось в воззвании Могилевского губисполкома. А через день над Гомелем уже развевался красный флаг, и партийная организация подсчитывала свои раны, из которых самой больной и тяжелой была потеря четырнадцати преданнейших и закаленных работников партии, зверски растерзанных мятежниками. Вот строки некоторых из них, которые имеются в документах.

И. И. Ланге

Февральская революция застала Ланге шофером 2-й тыловой автомобильной мастерской в Ново-Белице. После октябрьской революции являлся комендантом г. Гомеля, затем возглавил Гомельскую ЧК.

Песин

Подпольная кличка "Зоя". Рабочий, выходец из бедной рабочей семьи. В начале февральской революции вступает в ряды Гомельской организации РСДРП (большевиков). В период немецкой оккупации Гомеля принимает участие в организации подпольного комитета, в состав которого входит и сам. После освобождения Гомеля Песин назначается начальником отряда по борьбе со спекуляцией и начальником заградительного отряда. Вместе с другими участвовал в обороне гостиницы "Савой".

Н. С. Билецкий
(настоящая фамилия П. С. Езерский)

Билецкий - выходец из аристократической семьи. В ранние годы принимает участие в революционном движении. Когда на съезде Советов Гомельского уезда кандидаты в президиум исполкома излагали свои биографии, Билецкий сказал: "... По образованию я юрист. Буржуазные правительства Николая II и Керенского неоднократно предупредительно захлопывали за мной ворота тюрьмы".

Приняв деятельное участие в революционных событиях 1917 года как член полкового комитета одного из полков 3-й особой дивизии, Билецкий весной 1918 года записывается добровольцем в формировавшуюся тогда в Москве 27-ю стрелковую дивизию и в июле отправляется на подавление чехословацкого мятежа. Отравление на фронте удушливым газом заставляет его покинуть дивизию, и он приезжает в Гомель. Билецкий Н. С. — организатор первой в Гомеле советской газеты "Известия Ревкома".

Сундуков

Сундуков — комиссар мятежного 67-го полка. “Только его неустанной работой держался полк”, — писал про него в своем докладе военкомбриг Ильинский. Еще 23 марта, когда восстание только намечалось, Сундуков приехал на дрезине в Мозырь и вместе с Ильинским пытался на станции Калинковичи образумить хотя бы часть взбунтовавшихся красноармейцев. В течение пути из Калинкович в Гомель пробовал уговорить не поднимать восстание. Его поддержали 60 человек. Это вызвало тревогу у мятежников и Сундуков был убит.

Б. Я. **Ауэрбах** —Подгорный

Был председателем коллегии отдела юстиции, коммунист. Имеются некоторые сведения о последних часах Ауэрбаха. Один из товарищей, находившийся в одном вагоне с арестованными, передал: "Весь день до расстрела обреченные товарищи пели революционные песни..., душа арестованных т. Ауэрбах-Подгорный своей живостью, ораторским талантом, замечательной музыкальной памятью отвлекал товарищей от печальных дум. Вечером до арестованных долетели отдаленные звуки канонады. Караул у вагона был увеличен. Атмосфера сгущалась. Через некоторое время в вагон, где сидели товарищи, вошел караул. Ауэрбах вместе с другими был уведен на казнь.

С. Комиссаров

Будучи плехановцем с 1913 года С. Комиссаров работает вместе с большевиками в нелегальной Гомельской организации РСДРП. После оккупации Гомеля немцами выезжает в Москву, где избирается председателем Лефортовского райкома РКП, затем отправляется рядовым красноармейцем на подавление чехословацкого мятежа. Проходит путь от рядового бойца до командира бригады. После освобождения Гомеля от немецкой оккупации работает в городе председателем военно-революционного комитета. На этом посту и погиб.

П. Каганская

Работала секретарем Гомельского революционного комитета. Вместе с другими приняла участие в обороне гостиницы "Савой", после сдачи гостиницы была вместе с другими защитниками отвезена в вагон на Полесской станции и здесь зверски убита.

В. БОБОВИЧ, заведующая отделом информации,
публикации и научного использования документов
Государственного архива общественных объединений Гомельской области.

Публикация подготовлена на основе архивных документов

// Гомельская праўда . 1997 .- 11 лютага.

МЯТЕЖ

Виталий ДЕМЧИХИН

ИЗ ИСТОРИИ НЕ ВЫЧЕРКНУТЬ

В феврале 1919 года в Гомеле и его окрестностях орудуют разбойничьи банды. Днем и ночью, не покладая рук, работают антибольшевистские организации. А на Западе не затихает сражение с польскими войсками и Петлюрой.

Все эти факторы, сопряженные с сильнейшим политическим брожением в городской среде, не тревожить гомельских представителей Советской власти не могли. Еще больше их удручало то, что на гомельский гарнизон. 2-я Тульская бригада 8-й стрелковой дивизии Красной Армии (в составе 67 и 68 полков), полагаться было нельзя. Информация, стекавшаяся к председателю гомельского ЧК Ивану Ланге, гласила однозначно: красноармейцы активно поддерживают агитаторов из подпольного "Полесского повстанческого комитета"....

Взрыв назревал давно. Началось все с солдат Бобруйского гарнизона. Что греха таить, крестьян, одетых в форму красноармейцев, политика и острая нужда Советской власти в продовольствии интересовали мало. А обстановка красного террора в Беларуси и вести из дома, где продотряды изымали последний хлеб, подталкивали к решительным действиям. Поэтому упавшие на благодатную почву солдатских настроений семена пропаганды бобруйского отделения "Союза спасения России" вызрели незамедлительно. По разработанному в Бобруйске плану восстание против Советов предполагалось начать уже в начале марта в районе Лунинца и Пинска. Но чекисты оказались на высоте — организаторы были арестованы.

В ответ на это солдаты самовольно покинули фронт, небольшому польскому отряду добровольно сдали Пинск. Тогда красное командование разоружило их и спешно отправило в тыл на переформирование. Но зародыш мятежа не был задавлен — роль по его подготовке взяли на себя красноармейцы гомельского гарнизона.

С самого начала своего формирования части в Гомеле и Бобруйске считались ненадежными. Это неудивительно: командиры здесь были в большинстве своем из мобилизованных в РККА царских офицеров. Солдаты — только вчера от сохи — жили "крестьянским вопросом". Их волновали приближение сева, нехватка семян и средств обработки земли. Они рвались в родные деревни, тем более что новая власть обещала им землю и мир...

18 марта 2-я бригада получила приказ отправиться на фронт в район Коростеня и выступить против петлюровских и польских войск. Через два дня полки повели наступление на Овруч, но, не выдержав вражеского артиллерийского огня, отступили. Отсутствие боевого духа, пацифистские настроения, полный отказ 1-го батальона 67 полка и некоторых других подразделений занимать позиции незамедлительно привели к тому, что красноармейцы вообще отказались воевать и стали требовать возвращения домой. Прямо на боевых позициях возник стихийный митинг, один за другим звучали лозунги: "Долой войну!", "Власть Петлюре!", "Местные против Советов!".

Стремительная развязка дальнейших событий была предрешена. Самовольно оставив фронт, 67-й и 68-й полки двинулись на Гомель. По дороге в Мозыре, Калинковичах, Речице к ним присоединялись сочувствующие красноармейцы других войсковых частей. В распоряжении повстанцев оказались два бронепоезда, арсенал, усиленный пушками и пулеметами.

Прибывших в ночь на 24 марта дезертиров на станции Гомель-Полесский встречали непокидавшие город офицеры и представители "Полесского повстанческого комитета". Цель и у тех, и у других была одна — захват власти.

Знали ли гомельские большевики о последних событиях? Да, знали. Но отстранившиеся от политической и вооруженной борьбы горожане заняли выжидательную позицию. Наличествующих же сил и средств катастрофически не хватало. Было ясно изначально, что малочисленные большевики и их сторонники не могли оказать длительного сопротивления взбунтовавшимся солдатам, которыми командовали хорошо организованные, опытные кадровые офицеры. Единственное, что в такой непростой ситуации было по силам большевистским градоначальникам, — сообщить о происходящем в губернский центр и организовывать оборону. Что они и сделали: был образован военно-революционный штаб в составе председателя ревкома Семёна Комиссарова, председателя уездной чрезвычайной комиссии Ивана Ланге, редактора газеты "Известия Революционного комитета" Николая Билецкого, Даниила Гуло и других.

Прямо со станции мятежники пошли наступлением на город, захватили тюрьму и освободили 400 заключенных, по большей части уголовников. Совсем скоро в руках у мятежных солдат оказалась значительная часть Гомеля. Лишь гостиница "Савой", превращенная большевиками в крепость, оказывала серьезное сопротивление, да здание ЧК и телефонная станция "огрызались" выстрелами из оконных проемов.

Утро 24 марта для оборонявшихся в гостинице началось с артиллерийской канонады. Стянутые к "Савою" орудия недвусмысленно дали понять гомельским большевикам: шансов у них почти не осталось. Начались переговоры. За прекращение сопротивления мятежники обещали отпустить по домам все 65 человек, находившихся в гостинице. Итак, у красных был выбор: поверить на слово мятежникам или продолжать оборону и погибнуть. Они решили рискнуть и просчитались: как только коммунисты сложили оружие, их руководителей схватили и отправили в тюрьму. Вся власть в городе перешла к вооруженным мятежникам.

Возглавивший восстание В. Стрекопытов подписал Приказ № 1, в котором объявил себя командующим Гомельской группой войск и назначил выборы военных

руководителей.

Сформулированные затем в многочисленных воззваниях цели и лозунги "стрекопытовцев" новизной не отличались: "Вся власть Учредительному собранию!", "Сочетание частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности!", 'Железные законы об охране труда!", "Проведение в жизнь гражданских свобод!", "Земля — народу!", "Вступление Русской республики в Лигу наций!" и т.д.

Надо отдать должное пропагандистской машине мятежников, которая с ходу заработала на полную мощь. Распространялись листовки, которые сообщали о восстании, они распространялись в красноармейских частях, среди крестьянского населения. Воззвания неуслышанными не остались. Витебский губком РКП(б) даже был вынужден отозвать направленный на подавление восстания красноармейский отряд, сотня бойцов которого перешла на сторону мятежников. В то же время по Рогачевскому, Климовичскому и другим поветам Могилевской губернии прокатились крестьянские волнения.

26 марта Советская впасть была свергнута в Речице. Повстанческий штаб, в состав которого вошли начальник гарнизона, начальник и адъютант штаба, объявил жителям, что власть в городе и повете принадлежит начальнику восставшего гарнизона Солодухе.

В тот же день, после присоединения к "гомельским" повстанцам Речицкого гарнизона, повстанческий комитет в Гомеле провозгласил создание Первой Российской республики, а мятежные части окрестил ни много ни мало "Народной Армией Российской Республики". Стрекопытов издал приказ "приступить немедленно к организации городского самоуправления по образу и подобию существовавшего до октября 1917 года". В городе объявили военное положение, в соответствии с которым запрещалось любое движение с 21 часа до 7 утра. Запрещена была продажа спиртного.

Командира 1-го эскадрона 21-го кавалерийского дивизиона Степина мятежники назначили комендантом Гомеля.

Формально руководство новой власти "поворачивалось лицом" к местному населению, объявив, что к несению службы приступила милиция. Служащим, предлагалось исполнять обязанности, всем гомельчанам – избирать делегатов в повстанческий комитет. Но фактически опьяненные вседозволенностью бойцы стали главным катализатором уличного "беспредела". Участник событий, бывший председатель упродкома В.Селиванов впоследствии рассказывал: "По Замковой и по другим прилегающим к станции улицам начался поголовный грабеж населения. В домах забирали все, что было ценным. На улицах раздевали встречавшихся людей. В советских учреждениях разбивали несгораемые сейфы, забирали денежные знаки, рвали и сжигали дела, забирали продовольствие со складов упродкома и райсоюза, отправляли его на Полесскую станцию. В городе творилась такая вакханалия, которую может себе представить только переживший эту историю человек".

Не прошло и двух дней с начала мятежа, как очевидность переоценки своих сил для руководителей повстанческого комитета стала жестокой реальностью. Их участь была предрешена. Ведь к тому моменту за большевиками уже стояла не только политическая сила, но была мобилизована и военная. Сообщение о восстании в Гомеле было озвучено на VII съезде РКП(б). По указанию Ленина для

подавления мятежа в столицу Полесья двинулись бронепоезда и части Брянского и Смоленского гарнизонов. Местные партийные комитеты направили слушателей Могилевских курсов красных командиров и Минской партшколы, а также коммунистические отряды из Бобруйска, Клинцов, Новозыбкова, Пропойска, Витебска, крестьянский отряд из Почепа.

Основные силы для подавления мятежа подошли к Гомелю уже 21 марта. Последовал мощный артиллерийский обстрел. А начавшиеся повсеместно пожары не пощадили даже Дворец Паскевича.

Видя, что перевес сил не на их стороне, мятежные части начали поспешную эвакуацию в направлении Речицы. В ночь на 29 марта стрекопытовцы вынуждены были покинуть Гомель. Паника и бегство сопровождались мародёрством — грабежами и еврейскими погромами.

А на следующий день весь город облетела весть о страшной находке, обнаруженной курсантами Могилевских курсов во время боя за железнодорожный вокзал. В одном из вагонов на станции красноармейцы обнаружили 14 изуродованных трупов советских руководителей.

31 марта их с почестями захоронили в братской могиле на Гоголевском бульваре (ныне сквер им Ф.Э.Дзержинского). Отступивших же к Речице мятежников Красная Армия вскоре окончательно разгромила. Часть их, вместе с руководителями, (Стрекопытов. Степин и другие) бежала в Польшу, а затем в Эстонию. В Прибалтике повстанцы вступили в армию Юденича, после разгрома которой были интернированы. Многие из участников мятежа предстали перед судом.

Всего за время восстания погибло около 100 человек. Мятеж стал историей города.

Гомельские ведомости. – 2006. – 23 марта.

Подавление и ликвидация последствий стрекопытовского мятежа в Гомеле
(конец марта-начало апреля 1919 г.)

29 марта — в Гомель вступил Бобруйский караульный батальон, другие красноармейские и коммунистические отряды. Из тюрьмы освобождены все, арестованные мятежниками.Красноармейские и коммунистические отряды вступили в бой со стрекопытовцами, отступавшей на Речицу.

30марта — в связи с введением военного положения в Гомеле принят ряд мер по обеспечению порядка в городе, в том числе запрещено хождение по улицам в ночное время (с 21.00 до 7.00). За нарушение дисциплины и порядка в военных отрядах, находившихся в городе, грозило наказание по законам военного времени — вплоть до расстрела.

На чрезвычайном заседании исполкома Гомельского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, проведенном совместно с начальниками военных отрядов, избран временный военно-революционный комитет (ВРК).

Постановлением исполкома Гомельского Совета и ВРК вместо погибших

работников назначены новые, в том числе: председателем исполкома — Гулло, военным комиссаром — Маршин.

31марта — опубликован приказ Гомельского ВРК о возобновлении работы всех учреждений Гомеля и об обязательной *явке* на работу всех служащих.

По приказу ВРК в 16.00. прекратили работу все предприятия и учреждения Гомеля; город прощался с погибшими коммунарами, которые были похоронены в братской могиле на Гоголевском бульваре (ныне сквер им. Ф. Дзержинского). В траурной процессии и митинге приняли участие тысячи гомельчан и бойцов красноармейских отрядов. Из 25 похороненных коммунаров 5 человек не были опознаны, до такой степени были изуродованы их лица.

Жилищно-эемельный отдел опубликовал приказ о предстоящем выселении с незаконно занимаемой площади всех мастных лиц, занявших во время мятежа многие квартиры и другие помещения.

Создана комиссия по оказанию помощи пострадавшим во время мятежа и в первую очередь освобожденным из тюрьмы.

1 апреля — от стрекопытовскмх мятежников освобождена Речица, многие участники мятежа были арестованы. Стрекопытову с частью его штаба удалось бежать. Освобождены находившиеся в плену у мятежников заложники. Объявлен розыск пропавших без вести, в том числе арестованных стрекопытовцами уполномоченных Комиссариата Народного Просвещения, прибывших из Петрограда в Гомель накануне мятежа,

За контрреволюционные выступления и поддержку мятежников уволены все служащие управления Полесской железной дороги.

Газета "Известия Гомельского Совета.." опубликовала соболезнования коллектива редакции и типографии, Ревкома, исполкома Гомельского Совета и других организаций в связи с трагической гибелью гомельских коммунаров.

Следственная комиссия 2-й (Тульской) бригады начала работу по обмену документов прибывающих в Гомель красноармейцев бригады.

Ликвидация последствий стрекопытовского мятежа. Перенесение губернского центра из Могилева в Гомель (апрель 1919 г.)

2 апреля — в память о погибших коммунарах и по вопросу ликвидации последствий стрекопытовского мятежа проведено экстренное совещание Гомельского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Утвержден новый состав ревкома (Д. С. Гулло, Н. Е. Щербетов, М.М. Хатаевич, Д. А. Цырлин и Леонюк);

возобновила работу Гомельская уездная ЧК, председателем которой ревком назначил Леонюка;

для смягчения продовольственного кризиса исполком Гомельского Совета временно разрешил свободную торговлю и снизил цены на многие продукты, а также наметил пути исправления ошибок, допущенных органами Советской власти

по отношению к среднему классу рабочих и крестьян. В принятой резолюции было отмечено, что борьба должна вестись только против крупной буржуазии;

на ликвидацию последствий самого крупного по размаху мятежа на Полесье — стрекопытовского, повлекшего за собой многочисленные человеческие жертвы и разрушения, правительство выделило 15 млн. рублей;

17 апреля — да заседании Могилевского губкома РКП(б) принято решение о немедленном переезде губернского комитета партии из Могилева в Гомель. В связи с тем, что Гомель являлся крупным экономическим и политическим центром, тесно связанным с близлежащими уездами Могилевской, Минской и Черниговской губерний вопрос о превращении Гомеля в губернский центр неоднократно, начиная с февраля 1919 г., рассматривался Полесским и Могилевским губернскими комитетами РКП(б) и выносился на рассмотрение ЦК РКП(б) и Совнаркома;

19апреля — в ЦК РКП(6) ВЦИК и Наркомат внутренних дел| отправлена телеграмма с сообщением о тем, что Могилевский губком РКП(б) и губисполком постановили немедленно приступить к перенесению губернского центра в Гомель;

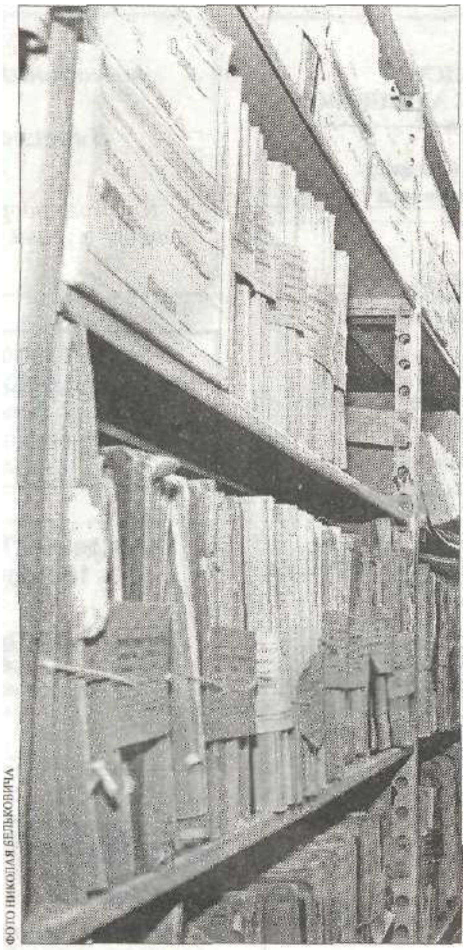
20апреля — создан Гомельский губернский комитет РКП(6); объединенное заседание Гомельского губкома РКП(б) совместно с представителями Могилевского губисполкома, исполкомов Гомельского уезда и северных уездов Черниговской губернии приняло решение об административных границах Гомельской губерния и вхождении в ее состав Гомельского, Могилевского, Оршанского, Рогачевского, Климовичского, Черниговского Чаусского, Быховского, Горецкого уездов Могилевской губернии, Новозыбковского, Суражского, Стародубского, Почепского, Мглинского уездов Чврниговской губернии и Речицкого уезда Минской губернии;

создан Гомельский губисполком и утверждены заведующие отделами. Гомель стал губернским центром. К маю 1919 г. губисполком был сформирован полностью. При нем были созданы отделы управления народного образования, здравоохранения, земледелия, продовольствия, финансовый, губсовнархоз и др.

26 апреля — в связи с переносом губернского центра в Гомель прекратил работу Гомельский ревком.

Сушки и сухари как предмет роскоши

Такими они были в Гомеле в марте 1919 года

Немало интересной информации хранят архивные материалы того периода. Пролистаем некоторые из них. Язык, стиль и *орфография документов сохранены.*

5 марта 1919 г. *Объявление уездного отдела финансов.*

Разосланы спешные телефонограммы по всем советским учреждениям г. Гомеля и уезда о подготовке в трехдневный срок смет.

Приступлено к взысканию самым энергичным образом всех накопившихся недоимок и налогов. Даются различные инструкции волостным финансовым отделам для организации тесной связи с Гомельским финотделом. Принимаются спешные меры к введению ряда налогов согласно декрету рабоче-крестьянского правительства. В ближайшие дни официально будет объявлена национализация банков, которая уже почти подготовлена.

10 марта 1919 г. *Приказ Гомельского уездного продовольственного комитета.*

Все кооперативы, общественные и частные организации, торговые предприятия и отдельные лица, имеющие у себя мелкой и крупной соли не менее одного пуда, обязаны сообщить Гомельскому упродкому (коммерческая гостиница № 1) до 12 часов дня 10 сего марта сведения о количестве имеющейся у них соли.

Со дня опубликования настоящего приказа частная продажа и перевозка с мест нахождения соли воспрещается. Лица, не исполнившие сего, будут привлечены к ответственности по всей строгости законов революционного времени.

10 марта 1919 г. *Приказ Гомельского ревкома.*

В осуществление Декрета Совета Народных Комиссаров от 7 декабря 1918 г. № 86 при отделе городского хозяйства гор. Гомеля образован похоронный подотдел (Гимназическая улица, дом Редченко, телефон № 189).

Все кладбища и прочие места погребения в гор. Гомеле и предместьях, а также все частные похоронные предприятия, со всем их аппаратом, живым и мертвым инвентарем, переходят в ведение похоронного подотдела.

Всем служащим и рабочим кладбищ и похоронных предприятий оставаться на местах. Председатель ревкома Комиссаров.

12 марта 1919 г. *Объявление отдела социального обеспечения.*

При отделе социального обеспечения начали функционировать "Консультация грудных детей" и "Капля молока". Прием врачом от 1 — 3 дня в помещении консультации по Замковой, 10 в доме Шифрина.

17 марта 1919 г. *Объявление Гомельского уездного продовольственного комитета.*

Постановлением Коллегии Упродкома со дня его опубликования запрещается продажа и выпечка из белой муки (кроме обыкновенного белого хлеба) торта, печенья, баранок, сушек, сухарей, сдобных булок и т. п. предметов роскоши. Неисполнение влечет за собой штраф до 10000 рублей, а готовые изделия — конфискации.

Исполнение сего возлагается на Реквизиционный отдел и чинов рабоче-крестьянской милиции. Комиссар продовольствия Селиванов.

18 марта 1919 г. *Сообщение отдела городского хозяйства.*

Ввиду предстоящей ликвидации Гомельского городского ломбарда залоги впредь приниматься не будут; все же прежние залогодатели обязаны выкупить заложенные вещи до 1 мая 1919 г. После этого срока вещи будут проданы с аукциона.

19 марта 1919 г. *Объявления военного комиссара — начальника гарнизона г. Гомеля А. Маршина.*

Оповещаю граждан г. Гомеля и его окрестностей, что 19 марта в 9 час. утра на реке Соже будет производиться войсковыми частями практический взрыв льда.

Оповещаю граждан г. Гомеля и его окрестностей, что 67 стрелковым полком будет производиться практическая стрельба в парке 18,19, 20 и 22 сего марта с 9 часов утра до 1 ч. дня и с 3 час. дня до 6 час. вечера.

22 марта 1919 г. *Сообщение Отдела народного образования.*

Сегодня вышел первый номер еженедельника "Жизнь — творчество". В журнале принимают участие лучшие местные литературные и педагогические силы. Цена номера 1 р.

23 марта 1919 г. *Из доклада Н. Билецкого "О военном положении Гомеля".*

Сего городской совет Гомеля на первом своем заседании изберет из своей среды семь членов уездного объединенного исполкома, добавит их к восьми, избранным от уездного съезда советов и с завтрашнего дня в Гомеле заработает Исполнительный орган постоянного характера, опирающийся на волю крестьян и рабочих уезда, и потому более авторитетный и сильный, чем уступающий ему место, расчистивший ему дорогу — ревком...

Западный край, ключом к которому служит Гомель, находится под непосредственной угрозой польско-белогвардейских банд...

И наш район Пинск-Овруч-Коростень-Гомель все время находится под прямой угрозой... К великому счастью сегодня получена сводка, где говорится, что наступление противника под Овручем и Коростенем приостановлено...

23 марта 1919 г. Направленный на Калинковичский участок фронта с белополяками 68 полк Тульской бригады под влиянием контрреволюционной агитации восстал и возвратился в Гомель. Шедший в это время на фронт 67 полк Тульской бригады встретил восставший 68 и присоединился к нему...

24 марта 1919 г. Наст. Гомель Полесской ж. д. из Калинкович прибыли 11 эшелонов войск... Мятеж возглавил зав. хозчастью 68 полка Стрекопытов...

...На совещании Гомельских коммунистов в гостинице "Саввой" принято решение об обороне города. Создан военный штаб в составе С. Комиссарова, Н. С. Билецкого, И. И. Ланге, Я. Фрида и Гулло. В распоряжении штаба находился отряд милиции, небольшой отряд ЧК всего около 300 коммунистов...

...Мятежники захватили телеграф, телефонную станцию, здание ЧК, тюрьму, артиллерийский склад и др.

25 марта 1919 г. В два часа дня оборонцы в гостинице "Саввой" сдались. Арестованные коммунисты отконвоированы в городскую тюрьму...

...С24 марта, т. е. после захвата города повстанцами, в Гомеле вводится осадное положение. Запрещена продажа спиртного, митинги и собрания. Однако ни введение комендантского часа, ни конное патрулирование, введенное Стрекопытовым, категоричные по своему содержанию приказы новых властей жестко пресекать грабеж и мародерство, настоящих результатов не имели. Грабить и громить продолжали. По официальной версии — мятежные солдаты. По другим документам — выпущенные на свободу из городской тюрьмы уголовники,..

... Вечером 26 марта повстанцы вывели из тюрьмы и взяли под стражу 24 ответственных работника, которых разместили в вагоне около Полесского вокзала. В ночь отступления их пытали, а затем расстреляли...

28 марта на ликвидацию мятежа были брошены войска Красной Армии. В ночь на 29-е стрекопытовцы начали оставлять город. Часть из них была уничтожена под Речицей, часть сдалась войскам Петлюры, затем влилась в армию Юденича. Жертвами пяти дней стрекопытовского мятежа в г. Гомеле стали около 100 человек с обеих сторон.

31 марта 1919г.

В 5 час. дня на Гоголевском бульваре в г. Гомеле состоялись похороны жертв Стрекопытовского мятежа.

Подготовила
Мэрия АЛЕЙНИКОВА,
заведующая отделом
Государственного архива
Гомельской области

Татьяна ШОДА,

СТРЕКОПЫТОВСКИЙ МЯТЕЖ: ШЕСТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ ДВОРЕЦ

В начале января 1919 года Гомель покинули кайзеровские солдаты и, казалось бы, ничто не предвещало в дальнейшем серьезных потрясений. Но избежать их не удалось. Одним из них стало антисоветское вооруженное выступление 67-го и 68-го полков Тульской бригады. Направленные на фронт для борьбы с белополяками в район Калинковичи — Овруч, после неудачного наступления под влиянием контрреволюционной агитации, полки оставили театр военных действий и прибыли в Гомель. Поскольку идейным вдохновителем солдатского выступления был офицер царской армии М. А. Стрекопытов, в историю Гомельщины это событие вошло как стрекопытовский контрреволюционный мятеж.

Судя по архивным документам, попытка Стрекопытова направить выступление в более-менее цивилизованное русло (введение комендантского часа, запрещение продажи спиртного, издание приказов о жестком пресечении грабежей и мародерства и т. п.) результатов не имела. Солдатский бунт в Гомеле начался 24 марта 1919 года. Во дворце находились телефонный узел и пункт наблюдения, чуть позже здесь разместился и штаб Стрекопытова. Именно по этой причине дворец, находившийся в поле зрения противоборствующих сторон, стал главным стратегическим объектом. Это сыграло роковую роль в его судьбе. Вот строки одной из газет того времени: "...Справа Сож, слева — 4 орудия орловской батареи. Ухают батареи и броневик, посылая снаряды на станцию Гомель. Приказ бить по замку Паскевича, где находится штаб Стрекопытова. Попадания удачны".

Понятно, что и старинный парк в конце марта также стал театром военных действий. По воспоминаниям жителя Гомеля С.П. Груздевского, "мятежники сделали попытку выставить орудия в районе нынешнего парка, около зимнего сада и башни, но... были обстреляны батареей красных и вынуждены были сняться, сделав один или два выстрела". Гомельчанин С. М. Фрейдин в воспоминаниях о пожаре во дворце отмечал: "Я вышел во двор и видел, что замок горит и стрельба прекратилась. Я понял, что мятежники отступают..."

Свои воспоминания оставил и житель города К.Р. Воробьев: "В ночь с 28 на 29 марта партизанские отряды вплотную окружили Гомель. Прибыли красноармейские части, которые из орудий обстреляли бандитов... Дворец в парке горел"'.

...Мятеж был подавлен 29 марта 1919 года. В апрельском номере еженедельника “Жизнь-творчество” о его последствиях для дворца сообщалось: "Пожар продолжался 3 — 4 дня. Сгорел весь верхний этаж (комнаты для гостей) со всей стильной мебелью, роялями и некоторыми картинами, находившимися там. Огнем уничтожен весь средний этаж (парадные комнаты). Почти весь сгорел колонный зал. Стены, покрытые мрамором, испорчены. Большая позолоченная люстра (до 500 свечей) уничтожена. Ваза, подаренная фельдмаршалу Паскевичу Фридрихом-Вильгельмом IV, была разбита. Из шести фарфоровых ваз, находившихся в зале,

подаренных Николаем I, 5 удалось вынести..."

В газете "Жизнь национальностей" в начале мая 1919 года в одной из статей сообщалось: "Жизнь в самом городе Гомеле понемногу входит в нормальные рамки. Одним из печальных следствий происшедшего в нем мятежа является гибель дворца князя Паскевича, который был обширным музеем художественной старины. Благодаря энергии смотрителя Долгова и эмиссара коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Пошуканиса часть драгоценностей спасена и отправлена в Москву для хранения в Историческом музее". В Москву тогда было увезено "...около ста пудов золота и серебра...". Понятное дело, в изделиях...

Несколько лет после пожара дворец находился в плачевном состоянии. Еще продолжалась гражданская война, затем последовала послевоенная разруха в городе и губернии, средств на восстановление народного замка не хватало. В докладе Гомельского губернского отдела народного образования от 17 ноября 1921 года по поводу восстановительных работ во дворце говорилось: "9 октября 1921 года производился осмотр здания замка с целью выявления разрушений, произведенных пожаром, происшедшим в 1919 году, а также дальнейших повреждений, вызванных атмосферными влияниями, так как в течение 3-х лет пострадавшая от огня центральная часть здания, лишенная крыши, потолочных перекрытий, большинства окон и дверей, постепенно разрушалась. Внутренняя отделка стен частично уцелела лишь в боковом белом рыцарском зале, из потолочных перекрытий сохранился купольный свод средней части главного колонного зала, а также колонны, увенчанные коринфскими пилястрами..."

Восстановление сгоревшей части здания с максимальным сохранением архитектурных форм было возложено в 1923 году на строительное учреждение "Полесстрой". Первые работы начались с восстановления купола над дворцом, новых перекрытий над залами и крыши. После первого серьезного повреждения в XX веке дворец возобновил свою деятельность только в 1937 году. Тогда в нем был открыт городской Дом пионеров.

Гомельская праўда.- 2009.- 26 сак.

«23 марта 1919 г.»

«Подстрекаемые сынками купцов и помещиков взбунтовались некоторые части 8-й дивизии, бросили фронт и разграбили Гомель.

Но доблестными войсками красной армии они были разбиты, часть сдалась в плен, а остальные были зарублены и потоплены в Припяти…»

По сообщению больш[евистских] газет.

«Нам сдалась 8-я советская дивизия. Захвачены громадные трофеи: 35 орудий, до ста пулеметов, несколько тысяч ружей и огромное количество военного снаряжения…»

Из украинских газет

Вот два различных сообщения, появившиеся почти в одно и то же время в советских и украинских газетах о 8-й советской дивизии.

Обе они взаимно уничтожают друг друга; но которое из них было ближе к

истине.

Решайте читатель сами, я ж передам то, что произошло ровно 3 года тому назад.

В начале второй половины марта месяца 1919 года частям 3-й бригады 8-й сов[етской] дивизии приказано было погрузиться из Гомеля и выступить на фронт.

Задача их кратка – взять Коростень.

Уходят 67 и 68-е полки этой дивизии. Им придают в первую очередь «броневик» с двумя орудиями 6-й батареи 2-го дивизиона. Командиром этого броневика назначается коммунист Архипов пом[ощник] к[оманди]ра 6-й батареи. Ему стоило больших трудов снарядить «бронепоезд»: то происходила задержка из-за платформ для орудия, то не оказывалось нужного количества шпал и мешков с песком для «забронирования» и пр. Он целый вечер бегал по станции, хватаясь за револьвер и грозя расстрелом многим железнодорожникам за их саботаж.

Ушел дивизион кавалерии, 19-го марта выступила 4-я батарея, а 21-го грузится следующая, которая и прибывает на станцию Калинковичи на другой день часам к 3-4 пополудни.

К этому времени ст[анция] Калинковичи была забита эшелонами только что недавно ушедших на позицию частей. Они вернулись сюда, оставив фронт, и теперь около вагонов происходили митинги.

Прибывает с фронта еще один отставший эшелон: в нем оказывается разбито снарядами 1-2 вагона и несколько человек убитых.

К нему направляются возбужденные солдаты – образуется новый большой летучий митинг. Слышен гул голосов – отовсюду несутся «Далой войну – довольно крови. Не нужно братоубийственной бойни»…

Подстрекали ли этих солдат не «сынки помещиков и купцов», как гласили большевистские сообщения, и не лежат ли разгадка в произнесенных многими солдатами словах: «зачем нам драться с украинцами, с которыми мы недавно из одного котелка щи хлебали».

И этот, подсказанный сознанием, аргумент быстро захватил всю солдатскую массу и вылился в «военный бунт», первоначальными лозунгами которого были: «Долой войну, довольно крови»…

Только что прибывшая из Гомеля батарея, при которой находилась и строевая часть управления дивизиона, еще не будучи захвачена общим настроением, и из чувства товарищества по отношению к оставшейся под Ельском 4-й батарее, решила было ехать на ее выручку, но этого сделать было невозможно, ибо митингующие быстро облепили эшелон и заявили, что о батарее беспокоиться нечего – она должна скоро подойти. К этому мнению стали понемногу присоединятся и артеллеристы.

Тогда командир дивизиона коммунист Куманин, не видя никакого другого исхода, решает отправиться в штаб бригады, расположившейся в Мозыре.

Воспользовавшись случайно оказавшейся дрезиной, он с несколькими офицерами отправляется к командиру бригады.

Командовал бригадой старый офицер-капитан Каганин.

В штабном вагоне между командиром дивизиона и командиром бригады происходит следующий разговор.

– Тов[арищ] командир, на ст[анцию] Калинковичи прибыла 5-я батарея. Люди не желают дальше ехать, заявляя, что артиллерия без пехоты быть не может,

пехотные же 67 и 68-й полки с фронта вернулись.

– У меня имеется в распоряжении 10-й погр[аничный] полк, находящийся при штабе бригады; он будет работать с батареей, которая должна стать на позицию.

– Но о небольшом составе этого полка им известно, и имеющиеся в нем налицо 30-50 штыков могут служить только прикрытием, но не пехотною частью для ведения операций с батареей.

– Тогда уговорите солдат поставить хотя бы взвод в Калинковичах, имея задачу защищать мост.

– «Сделаю все возможное, но при создавшемся положении едва ли можно ручаться за положительный результат».

– Ну, если и это не удастся, то что ж поделать – безнадежно закончил командир бригады.

Тут же в вагоне находился адъютант командира бригады и сбоку сидел комиссар бригады Ильинский.

Во время вышеприведенного разговора он только истерично вскрикнул: «Да что ж они делают? Ведь это нож в спину революции».

Когда разговор с Каганиным был окончен, Ильинский обращается к командиру дивизиона с вопросом:

«Товарищ Каганин, надеетесь вы сдержать своих солдат?», – на что получает уклончивый ответ.

– «Расстрелять нужно всю эту сволочь»… крикливо бросает комиссар.

В это время в вагон входит комиссар фронта, среднего роста, лет 21, Гуревич. Он сообщает, что говорил со штабом фронта о положении здесь и получил оттуда, что если части не вернутся на позиции, то будут приняты меры к их усмирению, и тогда каждый пятый будет расстрелян.

Пока происходили эти разговоры, в штабе бригады в Калинковичах эшелоны своим распоряжением стали отправляться на Гомель.

Тревожно провел город эту ночь. Было созвано экстренное заседание, на котором присутствовали оставшиеся в Гомеле чины штаба бригады, военный комиссар города – Фрид и другие, и куда были вызваны командиры немногих частей, еще не ушедших на фронт. Решался вопрос, какие принять меры для усмирения взбунтовавшихся.

Сил для этого почти не было. Приказано было поставить на позицию оставшийся взвод 6-й батареи, но в нем годным оказалось лишь одно орудие, да к тому же прислугу, которая должна была находиться при нем, едва ли можно было считать «надежной».

В ожидании прибытия каких-либо подкреплений, совещание решило отдать по линии железной дороги распоряжение, чтобы в Гомель взбунтовавшиеся части впускались через известный промежуток для успешности разоружения.

Но оно не было выполнено, ибо на утро 23 марта на станцию Гомель–товарный стали подходить один за другим эшелоны.

Когда собрались все части, было созвано собрание для обсуждения – что же предпринять?

Тут опять большинство заявило, что не хотят войны, желают ехать на Брянск, а оттуда домой, на что некоторые разумно ответили, что делать этот шаг было бы безумием, ибо всем известно об отданном распоряжении о расстреле каждого

пятого, а пока они доедут до Брянска, то будут уже все переловлены.

Долго длились горячие рассуждения, пока не пришли к выводу, что нужно захватить Гомель, укрепиться в нем, ожидая, что к этому движению присоединятся и другие близрасположенные части, – и только в благоприятном случае расширить свой плацдарм действий в сторону Брянска.

Тут же было решено создать повстанческий Комитет, куда должно было войти по 2 человека от каждой части.

Но какая перемена произошла с солдатами. Ведь несколько дней они бросили фронт, решив, что войны больше не надо. А теперь роты спокойно направляются в город для взятия чрезвычайки, за ними тянутся «Максимки», артиллеристы, не пожелавшие сгружать 2 орудий около моста в Калинковичах, теперь усердно перекатывают орудия с площадки на площадку с тем, чтобы построить «броневики», раздается стук топоров – это строятся упоры для сошников, подносятся шпалы – броневик растет все выше и выше. Каждый хочет что-нибудь да делать.

Вырастает одна бронированная площадка, за ней другая. Довольные своей работой, солдаты обмениваются мнениями, что де уж «броневики», пожалуй, будут почище того, который сегодня в полдень влетел на ст[анции] Гомель, будучи выслан для усмирения, но тут же присоединился к повставшим. Это был «бронепоезд №1», имевший в своем составе внушительный бронированный пулеметный вагон.

Уже сильно стемнело, когда от высланных в город частей были получены сведения, что осада чекистов, расположившихся в гост[инице] «Савой», подвигается медленно. Ворваться в помещение почти невозможно, ибо в здании засел отряд охраны – человек до 300 китайцев, выставивших по окнам 2 и 3 этажа пулеметы и осыпавших свинцовым дождем и гранатами цепи повстанцев, пробовавших приблизиться к закрытым входам в здание.

Наступавшие несли потери: был убит командир батальона – это ещё больше поджигало остальных скорее покончить с засевшими.

В помощь осаждавшим высылается подкрепление.

Но если плохо было дело с осадой Че-ка, то зато вечером этого же дня были заняты все городские учреждения: почта, комендатура и пр., разбита тюрьма и освобождены её пленники.

Одни на построенных «броневиков» направляют к Гомелю пассажирскому[81], и он, став на полпути, посылает в направлении гост[иницы] Савой первый снаряд.

«А ну, землячки, пусти-ка ещё раз гостинец на страх засевшей нечисти» - подбадривают проходящие солдаты «подкрепления».

И новый снаряд, а за ним ещё один пускается в темноту ночи.

К утру же, сгрузили[82] взвод и пустили в город. Командир взвода, установив орудия на площадке за казармами 160 Абхазского полка, начал вести пристрелку, но обозлившись на неудачу, решил выкатиться на площадь перед самой гостиницей и бить в упор.

Эта затея обошлась ему и некоторым из прислуги[83] ранениями из пулемета, но зато цель была достигнута: засевшие «выкинули» белый флаг, ибо попавшие снаряды сбили угол здания и натворили бед и внутри.

[81] Имеется в виду вокзал.
[82] С прибывшего поезда
[83] орудия

Последнее препятствие было взято.

К этому времени уже арестовали до 11 комиссаров и ответственных работников, которых предположено было предать народному суду.

Гомель в полдень 24 марта перешёл в руки повстанцев. Городу было объявлено, что власть коммунистов свергнута.

Были выкинуты лозунги: «Долой коммунистическую власть. Да здравствует Учредительное Собрание». Было выпущено около 15 различных воззваний, призывавших народ ко всеобщему восстанию.

Вся следующая ночь проходит в разработке особой комиссией из главных руководителей движения и подготовке к опубликованию демократических законов и положений об отмене смертной казни, установлении политических свобод, свободы печати, союзов и пр.

Но мало было взять город, нужно было его удержать, и вот уже с 25 числа начинаются бои.

Большевики, растерявшиеся в первое время, к вечеру начали собирать свои силы и подтягивать к мятежному Гомелю.

Брошенные сначала большевиками небольшие отряды частью сдались в плен, частью разбежались, броневик же, высланный ими по свободной линии Жлобин – Калинковичи – Василевичи, был сбит ходившим в “разведку” броневиком повстанцев.

Проходят два дня. Перехваченные по телеграфу распоряжения дают некоторую картину предпринимаемых противником шагов. Большевики начинают сосредотачивать у подступов к Гомелю значительные силы, направляя их со стороны Жлобина, Бахмача и Брянска, и занимают никем не охраненные Калинковичи.

Помимо пехотных частей, они начали перебрасывать артиллерию и намеривались пустить броневой дивизион. Двинуты были курсанты, стоявшие в Орле, и батарея, но последняя была заменена и переброшена вместо “Гомельского” внутреннего фронта на Петроградский.

Прибывшие большевистские части сосредоточивались на последних станциях Гомельского железнодорожного узла, откуда они предполагали повести наступление.

Повстанцы же к этому времени заняли позиции в нескольких верстах от Гомеля, за Ново-Белицей, где стоявший 1-й дивизион 17-й дивизии и имеющий только 2 орудия и склад снарядов и патронов, присоединялся к ним.

С вечера 25 завязывается бой с новой силой.

У большевиков артиллерия уже была подведена, поэтому на утро 27 выступила на позицию к артиллерия повстанцев в составе 2-х батарей 4-х орудийного состава, одна батарея становится в парке замка Паскевича, взвод у Ново-Белиц и взвод у пешеходного моста через р[еку] Сож.

Пока вёлся строевыми частями бой со все сосредоточивавшим свои силы противником, к полдню на ст[анции] Гомель-тов[арный], где остались в эшелонах только небольшие хозяйственные команды, со стороны Интендантского городка совершается нападение группой человек до 300 “добровольцев”. Но замешавшиеся было чины этих команд вскоре ориентируются в обстановке и отбивают это нападение.

К вечеру сведения, получаемые со всех сторон, были все более и более тревожные. Пришедший крестьянин сообщил, что в их деревню, верстах в 8 от Гомеля в сторону Речицы, пришёл отряд в 300-400 чел[овек] с целью, разобрав часть полотна, жел[езной] дор[оги], держать определённый её участок под своим наблюдением, лишая, таким образом, повстанцев единственного пути на случай отхода.

Помимо этого части, проведшие уже несколько дней в боях, стали изматываться и их пыл стал угасать.

После некоторого предварительного сообщения, было решено город оставить.

Поздней ночью части проходят по совершенно безлюдным улицам. Город спит: кругом жуткая тишина, только на перекрестках улиц стоят чины, вновь сформированной, правда, далеко не в тех размерах, которые были задуманы, городской милиции.

И в предрассветные часы 28 марта эшелоны повстанцев начинают медленно, один за другим, отходить на Речицу-Калинковичи, имея теперь уже своей целью соединение с украинскими частями, занявшими Мозырь.

Действительно, верстах в 10 от города путь оказался разобранным. Это препятствие причинило отступавшим некоторый ущерб, ибо произошло небольшое столкновение поездов; результатом чего был сход нескольких вагонов с рельс. Покончив со сборкой полотна, эшелоны только к полудню подходят к Речице, где к ним присоединяется команда «соколов», еще за несколько дней до этого захватившая город в свои руки, разоружив караульную роту.

В Речице освобождаются заключенные из тюрьмы, некоторые из них были уже приговорены к расстрелу, но приговор большевики не смогли привести в исполнение из-за развернувшихся событий.

От Речицы медленно продвигаются в Василевичам, где шедший впереди броневик повстанцев встречается с таковым же, высланным большевиками.

Происходит задержка. Два дня уходят на то, чтобы подойти к Калинковичам, где к этому времени большевики уже сосредоточили значительное число пехоты и несколько батарей. Занимаются с боем Василевичи, Нахов, Гельвица. Захваченные несколько десятков пленных, в полном смысле оборванцы, обутые в лапти, проходя мимо своих «врагов», на вопрос последних, почему они дерутся с ними, а не присоединяются к повстанцам, перебив своих комиссаров, только руками разводят: «Да нам сказали, что везут в Гомель, где выдадут обмундирование, по дороге же заявили, что в Гомеле засели купеческие и помещичье сынки, которые творят различные варварства, убивая и грабя мирное население, и что их надо вымести, чтобы город зажил своей прежней жизнью. А теперь мы видим, что нам только морочили головы».

К последнему дню марта месяца пробивавшиеся повстанцы проходят на расстояние 7-9 верст до моста через Припять.

На следующий день ими было решено пустить две обходных колонны на Калинковичи, в лоб же – броневики, чтобы занять их. Но это так и осталось задуманным планом, потому что к вечеру этого дня повстанцы были зажаты в тиски с двух сторон засевшими в Калинковичах большевистскими частями и подошедшими с тылу, со стороны Гомель-Речица, во главе с бронепоездом. Последняя угроза в такой небольшой промежуток времени со стороны Гомеля не

была предвидена, ибо пробиваясь на Мозырь, назад была выслана команда для порчи моста через Днепр у города Речицы.

Имея силы, которые превосходили большевистские в Калинковичах, план пробиться в них не представлял значительных затруднений, но то обстоятельство, что мост на Припяти между Калинковичами и Мозырем оказался сожженным, делало стремление войти в соприкосновение с украинской армией, неисполнимым.

Тогда решают оставить все эшелоны, представлявшие многомиллионную ценность, испортить 12 имевшихся орудий, побросав замки и прицельные приспособления в болота, и, захватив только ручное оружие и пулеметы, двигаться на Юревичи.

И вот, совершив отчаянный переход в 40-50 верст по болотам, по колено в воде, до 3 с половиной тысяч повстанцев 1-ого апреля подходит к переправе у Барбарова; здесь, раздав лошадей, седла и другое жителям, они группами по 2-3 человека в маленьких лодчонках переправляются в течение более чем суток через 5 рукавов разлившейся реки и вступают на территорию Украины.

Но, уйдя на чужбину, эти 3 с половиной тысячи людей продолжали вести начатую борьбу. Многие из них за это время погибли, оросив своей кровью землю Украины, Псковской, Петроградской губерний и Белорусси. Могилы их разбросаны повсюду на чужой земле и их убитые горем матери не будут и знать, где нашел свой последний приют их потерянный сын.

Павшим – вечная память…

Гомельские повстанцы крикнули 3 года тому назад: «Долой войну», но это не пришлось по душе большевикам, решившим за этот «бунт» расстрелять каждого пятого. Что оставалось делать после этого? Они, заявившие «довольно крови», вынуждены были взяться за воткнутые в землю штыки и обратить их против коммунистов.

Повстанцы смело объявили войну своим поработителям, веря, что их голос будет услышан далеко за пределами Гомеля.

Город, главным образом, рабочие, железнодорожники и многие обыватели радостно приняли известие о падении коммунистов: помогали, чем могли, от всего сердца, выносили солдатам миски дымящейся картошки, ковриги хлеба, наделяли колбасой, яблоками – делились всем, что имели, умоляли только не покидать их и не отдавать город вновь во власть недавних мучителей. Из домов выходили уже седые старики и брались за ломы, помогая разбить мостовую для установки орудий, и это делалось как великое дело – с крестным знамением.

Но тогда не свершилось то, о чем думал каждый житель, встретивший повстанцев словами: «Бог в помощь». Большевики сумели затемнить головы солдатской массы, высланной со всех концов «на усмирение взбунтовавшихся помещичьих и купеческих сынков».

Клич повстанцев – долой войну, а с ней и ее виновников-коммунистов, тогда не был подхвачен во время, и он замер.

Значит ли это, что он не повторится?

Спустя 2 года, в том же марте месяце кронштадские матросы – это бывшая когда-то «краса и гордость русской революции», как возгласили большевики, подняли свой меч против коммунистов и насилий, чинимых ими. Их попытка

сбросить красное иго была залита потоками крови[84].

Пали белые фронты, удушены «военные бунты», а за ними – крестьянские во многих уголках родной Руси, и Троцкий, пируя свои «бесчисленные» победы, радостно потирает руки и вновь начинает греметь шпорами, заявляя, что «тень красноармейца будет присутствовать на Генуэзской конференции…[85]»

И это бряцание оружием совершается тогда, когда матери кидают, в приступах сумасшествия, своих детей в реки, убивают их, деля между оставшимися живыми членами семьи «мясные пайки» своего же родного ребенка.

Разве не кошмар эти, теперь уже не единичные, случаи людоедства, которые не может скрыть и придушенная советская печать.

Красный вампир терзает родную землю, высасывая последние соки из бьющегося в предсмертных муках организма России.

Но если матери едят своих детей, и от этого не может не содрогнуться в ужасе человеческое сердце, то какой клич радости прокатится по тысячеверстном пространстве России, когда красная Армия – это «любимое детище» Л. Троцкого – совершив последний искупительный акт – проглотит своего «заботливого отца».

А это должно совершиться – и это будет Великий День Искупления.

ГОМЕЛЬЧАНИН

Газ. «За свободу», 23-24 марта 1922 г.

Старинный гобелен. Покинутый рояль.
Перчатка женская. Тетради нот забытых –
В один аккорд беззвучный слиты
И тусклой осени желтеет даль.
****
Она ушла. Все блики отражая.
Качается изысканный хрусталь.
И чья-то бродит тень немая
И с ней души моей печаль.

Г. Ру-ов.

[84] В марте 1921 г. состоялся известный «Кронштадский мятеж» – выступление наиболее большевизированных частей Балтийского флота, которые действительно считались опорой большевиков в Петрограде. Мятеж был жестоко подавлен, но именно после него было решено отказаться от политики «военного коммунизма» и начались поиски новой стратегии, которые закончились введением НЭПа.

[85] Международная конференция по итогам Первой мировой войны состоялась в Генуе в апреле 1922 г. На конференцию была допущена делегация РСФСР.

Из воспоминаний

Гомельское восстание

1.

В начале декабря 1918 г. я был призван большевиками на военную службу и назначен командиром эскадрона 8-го конного полка. Полк был расположен в Москве, по дачам Петровского парка, и, следовательно, этот переход от гражданского состояния к военному, нисколько не отразился на моей личной жизни, слишком связанной с советской столицей. На большевицкую власть все смотрели, как на что-то очень переходящее и те неудачники, которые не успели во время очутиться за пределами «коммунистического рая», приспосабливались, как могли, к сложившейся обстановке, лишь бы не умереть с голоду и не замерзнуть в не отапливаемых помещениях до наступления лучших дней. А наступление этих дней ожидалось усиленно.

Даже из большевистских газет можно было подчеркнуть, что южная добровольческая армия и донские части усилились от притока новых элементов, недовольных советскими порядками. В заволжских степях, по Яику, и по отрогам Урала, поднимались казачества Оренбургское, Уральское и Астраханское, отстаивавшие свои старинные вольности. Имя адмирала Колчака, в связи с бунтующими чехо-словаками, все чаще попадалось на страницах коммунистической печати. Наконец, в самом центре России, не так давно было потушено грандиозное Ярославское восстание[86], а отдельные крестьянские выступления не преставали чередоваться по всем губерниям. Короче говоря, общее настроение в городских центрах было тревожное и как бы прислушивающееся. Официальная советская печать старательно обходила молчанием все, что так или иначе, могло всколыхнуть рабочие массы, и тем болезненнее отзывались на общественных нервах смелые статьи маленькой понедельничной газеты «Союз печатников», в редакции которой прочно утвердились соц[иал]-дем[ократы] меньшевики.

Люди вверенного мне эскадрона в большинстве своем являлись уроженцами самой Москвы или ближайших ей окрестностей. Молодежь в возрасте не старше 25 лет, не видавшая еще настоящей военной службы, но уже прошедшая хорошую школу воинского разгильдяйства по запасным полкам [19]17-го года и в красноармейских частях [19]18-го. Полуинтеллигенты, усвоившие себе все отрицательные стороны жизни большого города, в моих глазах они являлись во всех отношениях ненадежным элементом.

Обязанности моей новой службы, или вернее говоря отсутствие этих обязанностей, давали мне полную возможность почти не сталкиваться с моими подчиненными, а поэтому, неожиданно последовавший в начале января 1919 г. приказ о выступлении полка на фронт, застал меня совершенно незнакомым с моими соратниками. Мои планы на ближайшее будущее сводились к возможности безболезненно уйти от большевистской furie[87], минуя красноармейские линии, и

[86] Ярославское восстание было подготовлено левыми эсерами

[87] Фр. фурии

потому в деле службы я продолжал придерживаться старой линии поведения, совершенно игнорируя всякую работу в эскадроне.

В половине января, 1919 г. мой эскадрон под № 2, вошедший в состав отдельного конного дивизиона, выделенного из 8-го конного полка, прибыл в г. Гомель, где и расположился по квартирам для дальнейшего формирования.

Выбор места стоянки указывал на то, что мы можем быть использованы и на польском фронте, и на украинском, в зависимости от обстановки, а пока что мы стояли в глубоком резерве, доформировываясь как бригадная конница при 2-ой бригаде 8-ой стрелковой дивизии.

Гомель – узловой пункт железнодорожный и шоссейный, переполненный коммерсантами, дельцами и спекулянтами, больший процент которых евреи, ко времени прихода нашего дивизиона еще не утратили своей торговой физиономии, особенно по сравнению с городами центральной России. Правда, ежедневно спекулирующие деятели советских учреждений отправляли в Москву и Петроград целые вагоны всевозможных товаров, кожевенных, галантерейных, парфюмерных, а главное съестных, скупаемых ими в Гомеле и его окрестностях по баснословно дешевым ценам. Но это систематическое выкачивание продуктов еще не окончательно умертвило торговлю, т. к. город – сравнительно недавно находившийся под властью гетмана, имел возможность пополнять свои запасы. Как бы то ни было, но в гомельских кофейнях подавали шоколад, а в кондитерских предлагали конфеты и пирожные, явление совершенно не имевшие места в столицах.

Таким образом, перемена места стоянки сначала было взволновавшая умы многих воинов, очень скоро для большинства стала приемлемой. Даже более, некоторые из солдат нашего дивизиона, при отправлении последнего из Москвы дезертировавшие и не явившиеся на погрузку, менее чем через 3 недели возвратились в эскадроны, очевидно получив от своих товарищей уведомления успокоительного характера.

Да и самая система расквартирования в глазах солдат не оставляла желать ничего лучшего. Отдельные кавалеристы стояли по частным квартирам совершенно свободно. Один мой эскадрон, насчитывающий около 120 человек, занимал почти целый квартал. Если прибавить сюда, что большинство квартирохозяев были евреи, почти беспрекословно исполнявшие требования своих воинственных постояльцев, то станет совершенно понятно, что дивизион в Гомеле устроился хорошо.

Никаких занятий в эскадронах, конечно, не велось. Наряды были сведены до минимума и люди в эскадронах убивали свой досуг в зависимости от вкусов и привычек. Любители женского общества танцевали в общественном собрании, поклонники искусства посещали кинематографы, более жизненные и практические элементы пустились в спекуляцию, а кокаинисты и алкоголики предавались своим привычкам в домашней обстановке.

Офицеры дивизиона также, жили своей обособленной жизнью. В личных отношениях друг с другом установилось даже какое-то подобие воинской вежливости старой армии; так в организованном офицерском собрании, во время общих обедов, младшие спрашивали разрешения у старших сесть, встать, закурить и т.д. Насколько все это было искренно – другой вопрос…

….Мы с ротм[истром] А. стали прислушиваться.

Высокий вихрастый малый, судя по петлицам на серой шинели, очевидно, артиллерист, продолжал рассказывать о том, как части отходили от Мозыря, попутно отвечая на задаваемые вопросы.

Когда рассказ коснулся бегства комиссаров, страсти стали подниматься. Видимо, между оратором и аудиторией устанавливался контакт.

– Ну что же товарищи – закончил артиллерист… Поддержите вы нас?

Ответный гул голосов был явно сочувственного характера.

– В таком случае, товарищи, продолжал артиллерист – «помогите нам разгромить последний притон коммунистов, гостиницу Савой».

К этому времени и канцелярия набралась, и другие офицеры дивизиона. К[оманди]р 1-ого эскадрона подполковник С., мои младшие офицеры прапорщики Л. и С.

Теперь вся толпа окружила нас, открыто прося нашего руководства и совета. Если так можно выразиться – маски были сняты, ещё день тому назад все мы, безусловно, мало доверявшие друг другу, теперь совершенно нормально обсуждали создавшееся положение и возможность совместной борьбы с общим врагом.

В этом разговоре я не узнавал своих солдат. Была ли то минута общего подъёма людей, почувствовавших себя вырвавшимися из под гнёта советского режима, весенний ли воздух так возбуждающе действовал на толпу, но только все наши дальнейшее речи и вынесенные решения были проникнуты одним чувством и одними мыслями борьбы и о борьбе.

Если бы действительно вся эта масса так одинаково настроенная нашла себе настоящих руководителей, можно было бы ожидать громадных результатов. К этому времени (часов 11 утра) в руки восставших перешли все общественные учреждения, телеграф, казначейство, тюрьма и чрезвычайка. Продолжала только держаться, гостиница Савой, в которой укрывались все видные деятели гомельского совдепа и рота несших караульную службу китайцев.

Сейчас же сформировался сводный отряд из людей обоих эскадронов, который во главе со своими офицерами двинулся на поддержку частей, осаждавших Савой.

2.

Оборона Савоя не было особенно упорной. Засевшие в нем коммунисты прекрасно понимали, что чем настойчивее они будут защищаться, тем круче расправятся с ним восставшие, и потому, не рассчитывая на близкую помощь извне, около 4-х часов дня, они выбросили белый флаг.

Во время перестрелки, длившейся несколько часов (со стороны повстанцев даже принимала участие артиллерия), потери с обеих сторон были минимальны. Но когда сдавшиеся коммунисты выходили из гостиницы, победители заметили еще не сложивших оружие китайцев, и это обстоятельство послужило сигналом к избиению последних. Из целой роты сынов Небесной империи вряд ли уцелели 5-10 человек.

Пока люди нашего дивизиона поддерживали свою пехоту у Савоя, ротмистр А. проехал на вокзал, где и помещался штаб повстанцев, а вечером того же дня после совершенных нами подвигов, он детально посвятил весь командный состав в сложившеюся обстановку.

Все восстание, по словам к[оманди]ра дивизиона произошло совершено

стихийно. До сих пор трудно установить факт, имело ли здесь место какая-либо пропаганда, или сам большевицкий режим выполнил роль агитаторов.

Как бы это ни было, но прибыв на позицию, под Овручем пехота и артиллерия собрали митинги, на которых и вынесли категорические постановления о прекращении гражданской войны и о немедленном возвращении в Гомель. Комиссар бригады Ильинский и один из полковых комиссаров вместе с комиссаром бригады, б[ывшим] капитаном Качалиным, опасаясь за свою собственную безопасность, бежали. Другой полковой комиссар, вздумавший грозить митинговавшим красноармейцам жестокими репрессиями, был ими убит на месте.

Восставшие избрали своим начальником заведующего хозяйством второго полка, шт[абс]- кап [итана] Стрекопытова, вокруг которого наскоро сорганизовался небольшой штаб. Это была, так сказать, власть исполнительная, но параллельно с ней рождалась и верховная власть, в виде повстанческого комитета в который должны были войти представители от всех воинских частей.

Эшелоны повстанцев возвращались в большом порядке, на точной дистанции и не теряя друг друга из вида. Правда, большевики сделали попытку впускать эшелоны на Гомель-товарный поодиночке для более удобного разоружения, но когда эта попытка не удалась, то военный комиссар города товарищ Фрид, немедленно предложил бунтующей бригаде покинуть эшелоны и разместится свободно по своим бывшим квартирам. Однако штаб на эту удочку не поддался и, отдавая себе ясный отчет в том, что восставшими совершены непоправимые шаги, вел беспрестанные заседания, вырабатывая дальнейший план действий.

Проектов было несколько. Предполагалось двинуться на Брянск, чтобы поднять тамошний гарнизон и рабочих. Брянские настроения считались благоприятными, т.к. еще совсем недавно большевики жестоко подавили бывшие там беспорядки, чем окончательно настроили против себя население. Существовала идея оставить Гомель и, забрав из него как можно большее количество военного материала, отойти на Мозырь и далее на соединение с войсками Петлюры; впрочем, и этот проект отложили на черный день, а для данного момента за лучшее сочли остаться в Гомеле и из него попытаться поднять соседние гарнизоны в Могилеве, Жлобине и т.д.

Нельзя не указать на ту громадную ошибку, которая была допущена штабом в самом начале. Покидая позицию под Овручем и направляясь в Гомель, который должен был образовать новый фронт – уже противо-большевицкий – не было предпринято не каких шагов по обеспечению своего тыла – не была установлена связь с войсками Петлюры.

Между тем, параллельно с действиями по очищению города от большевиков, прогрессировал и еврейский погром. В ночь на 25-е погром не принимал еще широких размеров. Громили преимущественно запертые магазины, громили, так сказать, на ходу лишь в тех кварталах, где происходили боевые столкновения с большевиками. Но к утру 25-го, когда уже достаточно выяснилось, что большевистские силы в Гомеле почти ликвидированы, что сражаться почти что не с кем, тогда-то освободившееся от боя солдаты отправились навещать частные еврейские квартиры, сначала под видом обысков, а затем уже открыто, карая за сочувствие большевикам.

Надо отдать справедливость, что убийств, обыкновенно связанных с

погромами, почти не было. Но количество награбленного имущества, очевидно, было достаточно велико, т.к. почти каждый солдат приложил свою руку. Были и такие, которые сами не участвовали в погромах, но которые, защищая своих квартирохозяев, облагали последних соответствующим налогом.

К вечеру, 26-го в город потянулись из окрестных деревень крестьяне, предусмотрительно запасшиеся мешками и корзинами, но к этому времени и штаб, наконец, принял действительные меры к прекращению безобразий, т.ч. погром начал стихать.

Все дни 25-го и 26-го марта повстанцы не предпринимали никаких активных шагов по отношению к большевикам.

Поставив себе целью создать из гомельского железнодорожного узла опорный пункт для будущих противобольшевистских операций, предполагая поднять против коммунистической власти соседние участки фронта, руководители движения не озаботились ни о создании прочного тыла ни об установлении контакта с нашими фронтовыми соседями; таким образом, в течении самого короткого времени, мы оказались как бы отрезанными от всего мира, что дало возможность нашим контр-партнерам выдумывать о нас все возможные небылицы, затуманивая бедные красноармейские головы высланных простив нас отрядов.

Образовавшиеся при штабе комитеты и комиссии просиживали целые ночи, составляя проекты реставрации учреждений эпохи Керенского и печатая возвышенные прокламации к жителям, забывая в тоже время разработать хоть самый примитивный план защиты города.

Порыв в борьбе с коммунизмом, стихийно охвативший солдатскую массу, сблизивший людей с их командирами и объединивший все части гомельского гарнизона в одно целое, совершенно не был использован.

Драгоценные минуты, в которые еще можно было взять инициативу в свои руки, были упущены безвозвратно.

Инертность лиц, руководящих восстанием, дошла до такой степени, что лишь только в ночь на 27-е была выслана первая развертка в сторону противника. Да и то объяснением этому могли служить тревожные известия, доставленные в штаб благожелательно настроенными крестьянами, но никак не наша собственная осторожность.

3.

В самом городе тревога, поднятая погромом, улеглась довольно быстро. Правда, магазины почти не открывались, но зато любопытствующее еврейское население заполняло центральные улицы. Каждое приклеиваемое на углах домов объявление, каждая вывешиваемая прокламация тотчас же собирала толпу. Новые порядки, которые предполагала вводить новая власть, вызывали всеобщее любопытство. Все действительно обиженные или полагавшие себя таковыми атаковывали помещение штаба, ища защиты и правосудия. Для поддержания в городе порядка и благопристойного поведения между воинскими чинами была учреждена комендатура с к[оманди]ром эскадрона подполк[овником] С.[88] во главе. Правда, на долю этого учреждения, существование которого продолжалось не более

[88] Степин

двух, трех суток, выпало не столько выполнение его прямых обязанностей, сколько разрешение самых неожиданных вопросов, сплошь и рядом совершенно не соответствующих его компетенции и почти всегда носивших юмористический характер.

Кухарки и горничные приносили жалобы на не угодивших им хозяев. Спекулирующие коммерсанты хлопотали о разрешении на получение вагонов, судя в первую же очередь доставить в город спирт. Общественные и профессиональные организации напоминали о своем существовании то хлопоча о новых привилегиях, то подавая советы об устройстве жизни на новых началах. (Например, союз учителей подал петицию о восстановлении старой школы). Наконец, отдельные лица обращались в комендатуру со всякими пустяками, лишь бы только иметь возможность разузнать последние новости. Если ко всему это я прибавлю, что самого коменданта почти никогда в комендатуре не бывало, т.к. заведывание сей последней было лишь одной из многих его обязанностей, а его помощник постоянно находился в отсутствии по делам службы, то станет очевидным, что ответы на все волнующие населения вопросы в лучшем случае давал писарь, а то просто один из дежурных вестовых. На этой почве происходили все возможные qui pro qoe[89].

Один из местных обывателей желая похоронить только что скончавшегося родственника, обратился с письменной просьбой о разрешении пронести его останки по городу до кладбища. Прошение было составлено довольно туманно, без указания имени покойного и без точной даты похорон. Писарь очень любезно выдал разрешение, действительное в течении года и с правом пользоваться им при перевозке к месту последнего отдохновения всех родных просителя.

Следить за благопристойным поведением воинов на улицах города комендатуре тоже почти не пришлось, т.к. с ночи на 27 начались боевые операции, и все люди находились при своих частях, в полной боевой готовности, а к утру 29 повстанцы принуждены были очистить город.

Отношения жителей к нам было определено сочувственное. Хотя большевики занимали город в течении каких-нибудь 2-х–3-х месяцев, однако за этот недолгий срок население вполне уяснило себе характер коммунистической власти.

Иллюзий не оставалось ни у кого.

Чудаки, которые ожидали от московских владык царства небесного, теперь с горячим сочувствием встречали наших повстанцев. Особенно это доброжелательное отношение выявилось на окраинах города в рабочих слоях, в период боев под самым городом. Жители радушно кормили и поили своих защитников, делясь с ними своей скромной трапезой, воистину от скудости своей.

Надо отдать справедливость, что эксцессы, которые имели место в первый день восстания, при ликвидации местных большевиков совершенно прекратились, как только почувствовалась настоящая опасность. У меня было ясное впечатление, что рядовая повстанческая масса гораздо реальнее относилась к создавшейся обстановке чем ее руководители. Первые ясно понимали серьезность положения, которая увеличивалась с часу на час по мере того, как пообoлдевшие в первые мгновения большевики начали оправляться. Вторые витали в эмпириях, в мечтах о светлом будущем, не отдавая себе отчета в действительной опасности настоящего. Не было

[89] Лат. «одно вместо другого» – путаница, недоразумение.

твердой руководящей руки, не чувствовалось ни какой планомерности в наших действиях.

Очень вероятно, что подобное же выносили и городские обыватели, т.к. несмотря на явное сочувствие к нам со стороны гомельского населения, мы совершенно не имели притока добровольцев. Искренно относясь к нам, гомельчане инстинктивно не верили в успех нашего предприятия и опасались активным выступлением скомпрометировать себя на случай возвращения большевиков. Опасения, кстати сказать, оказались очень основательным, т.к. действительно, по возвращении своем в Гомель, бывшие хозяева принесли кровавую гекатомбу[90] из лиц, в большинстве своем даже не принимавших никакого участия в восстании.

Однако, не вступая открыто в ряды в повстанческой армии, горожане пошли навстречу в организации городской милиции, которая конечно в случае нашего успеха могла превратиться в запасные части действующих полков, пополняя убыль повстанцев на фронте.

Действительность показала совершенно иное, еще раз подчеркнув высокий дух в соединении с хорошими боевыми качествами у рядовых бойцов и полную неспособность военных руководителей восстанием, возложивших на свои слабые плечи явно непосильную ношу.

4.

Вечером 26-го были получены первые сведения о приближении большевиков. Сведения эти, как я уже говорил ранее, доставленные добровольно крестьянами окрестных деревень, сводились к тому, что на ближайшую от Гомеля станцию со стороны Жлобина подошел броневик и 1 эшелон красноармейцев.

В ночь на 29-ое я получил приказание выдвинуться со своим эскадроном вперед, по линии Гомель–Жлобин, войти в соприкосновение с красными и поддержать действия нашего броневика, который был послан для ликвидации пр[отивни]ка. Вся операция заняла очень немного времени: броневик захватил около 200 чел. пленных, а эшелоны большевиков отошли назад. В штабе сочли эту стычку за выигранное сражение и успокоились.

Однако, вечером того же дня обозначилось наступление пр[отивни]ка с противоположной стороны, от черниговского шоссе. Как оказалось потом, это были пехотные части составляющие гарнизон г[орода] Смоленска, спешно переброшенные к Гомелю. Красноармейцам внушили, что город захвачен бандою грабителей, которые истязают мирных жителей. Если можно удивляться большевистской наглости, изобретавшей подобные небылицы, то не менее удивительны были и смоленцы, принимавшие эти выдумки на веру.

К утру 28-ого бой на этом участке стал принимать серьезный характер. Очевидно, с севера и востока от Гомеля неприятель только демонстрировал численно незначительными заслонами, здесь же, восточнее черниговкого шоссе, пр[отивни]к развернул значительны силы.

Правда, двинутые против нас красноармейцы сражались без особенного увлечения, охотно сдаваясь в плен. Так, части, ворвавшиеся в предместье города Ново-Белицы, легко положили оружие перед нашей контратакой.

---

[90] В Древней Греции – жертвоприношение из 100 быков, так определяется жесткое уничтожение или гибель множества людей.

Всё же противник уже вырвал инициативу из наших рук и, имея достаточные силы, держал наш штаб в постоянном напряжении.

После полудня большевики усилили свой нажим на главном участке и этот нажим заставил наш штаб пустить в дело последние резервы. Люди охотно пошли в бой, тесня красных и забирая пленных, так к вечеру наше положение к юго-востоку от города было вполне закреплено.

Однако здесь случилось происшествие оказавшее большое влияние на решение штаба прекратить сопротивление под Гомелем.

Как я указал ранее, благодаря активности большевиков в районе Черниговского шоссе, мы принуждены были двинуть в бой последние резервы. На станции Гомель–Товарный остались лишь штаб повстанцев и их эшелоны с хозяйственной частью. В сумерках незначительный отряд неприятельских разведчиков, пользуясь тем, что дуга, составляющая наш фронт, не представляла из себя непрерывной линии защитников, скрытно подошёл к станции и внезапно открыл стрельбу по мирно стоящим эшелонам.

Трудно себе вообразить какая началась паника. В несколько минут станция окончательно опустела. Все деятели штаба, полковые писари, каптенармусы, фуражиры, ob altera[91] буквально растворились в воздухе. Люди потеряли человеческий облик и стремились только скрыться возможно дальше от злополучной станции. Неизвестно, чем бы всё это окончилось, если бы противник был многочислен и проявил бы более энергии. Но, как бы то ни было, медлительность большевиков, в этом столь удачно начатом предприятии, дала возможность нашим воинам оправиться и в свою очередь атаковать станцию.

Нарушители спокойствия были изгнаны, но само спокойствие уже более не возвратилось. Если ранее деятельность штаба имела многие дефекты, проистекавшие от нерешительности и от неопытности руководителей, то теперь к ним присоединилась излишняя нервность, которая вскоре передалась и рядовым бойцам. Однако в этот вечер контраст между моральным состоянием солдатской массы и их верховных руководителей был ещё довольно велик. Люди возвращались на станцию в приподнятом настроении после заданной большевикам головомойки, а здесь в недрах эшелонов зрело глухое беспокойство после пережитого налёта красных.

Было уже совсем темно, когда весь командный состав повстанцев (не ниже командира эскадрона) был вызван на совещание в штаб.

Собственно говоря, совещания почти никакого и не было, решения, очевидно, были приняты заранее. Достаточно было взглянуть на беспокойную фигуру командующего отрядом, на перекошенное лицо начальника штаба п[од]п[олковни]ка Д., чтобы догадаться о содержании принятых решений.

В первую очередь нам сообщили, что по только что полученным от крестьян сведениям, красные пытаются сомкнуть дугу. Сегодня с утра, в восьми верстах от Гомеля, по направлению на Калинковичи, т.е. на линии составляющей единственный путь нашего отхода, появился отряд красноармейцев, численностью около 500 человек, с целью разбора железнодорожного полотна. Это известие, даже недостаточно проверенное, оказалось той самой каплей, которая переполнила чашу

[91] Лат. «и прочие».

штабного беспокойства. Видимо, одна мысль о том, что мы можем быть окружены, парализовала всякую способность сопротивляться.

Начальник штаба кратко указал нам, что положение является почти критическим, что о защите Гомеля не может быть и речи.

Весь повстанческий отряд сегодня же, в ночь, покинет город и двинется эшелонами на Речицу–Калинковичи–Мозырь и далее на соединение с украинской армией атамана Петлюры.

Нам оставалось только принять это решение к исполнению.

Никаких приготовлений к отъезду делать не пришлось, т.к. вся повстанческая армия имела свои квартиры в вагонах. Всё хозяйственное имущество, боевые запасы, продовольствие и фураж были уже давно погружены частями еще перед выступлением их на позицию. Пехотные же полки, возвратившиеся из-под Овруча, даже не разгружались.

Солдаты отнеслись к известию об оставлении города довольно пассивно, видимо не отдавая себе ясного отчета, что покидая Гомель, они покидали и Россию, и следовательно всё, что им было близко и дорого.

5.

В великой тишине, без огней, эшелоны, начали оставлять станцию. В голове шёл один на пехотных полков с артиллерией, затем штабные вагоны, далее кавалерийский дивизион и, наконец, 2-й п[олк] бригады.

Эшелоны двигались на не больших интервалах, в затылок один другому, а параллельно с ними, по свободной колее, шли 2 наши броневика.

В самом начале путешествия происходит некоторая заминка. Как оказывается, идущий в голове эшелон остановился для починки испорченного железнодорожного полотна. Машинисты следующих эшелонов приостановили свои составы по мере сближения с впереди стоящим. Машинист нашего кавалерийского дивизиона, обладающий, видимо, большим темпераментом, чем его коллеги, не сдержал паровоза и врезался в остановившийся перед ним состав. Несколько вагонов оказались разбитыми, путь загроможденный.

Спешно вызывают людей и преступают к очистке полотна. Инструментов нет никаких. К счастью, разбитые вагоны лежат около ската и их общими усилиями сбрасывают под откос. Во время работы постепенно рассветает. От эшелонов, следующих за нами, мало по малу стали подходить одиночные люди, с целью информации. Близость Гомеля и неизвестность того, что делается у нас в тылу, в покинутом городе, начинает нервировать публику. Работают торопливо и бестолково. Каждый старается приложить руку.

Вдруг, со стороны города раздаётся пушечный выстрел. Звук его гулко разносится в свежем утреннем воздухе. Очевидно, большевики, чтобы придать себе смелости, обстреливают брошенную станцию. Люди работают торопливо еще несколько дружных усилий и остов последнего разбитого вагона медленно сползает под откос. «По вагонам!», кричат офицеры.

Лица, еще на минуту перед тем тревожные, и сосредоточенные, сразу светлеют. Помогавшие в работе пехотинцы облепливают наш эшелон. Поезд медленно трогается. Впереди уже не видно никого. Наши головные эшелоны скрылись. Я оглядываюсь назад. Там далеко-далеко, теряясь за изгибами полотна, понуро стоит

целая вереница поездов. Приятные ощущения у их пассажиров, слышать близко в тылу пушечные и оружейные выстрелы и не иметь возможности сдвинутся с места!

Как я узнал уже потом, 2 последние эшелона были оставлены занимавшими их солдатами, благодаря обстрелу пр[отивни]ка.

В тот же день мы прибываем в Речицу, где, наконец, догоняем ушедшие вперёд эшелоны. Это маленькое местечко даёт нам некоторое подкрепление в виде команды соколов, которая еще до нашего прибытия захватила власть в городе.

Вокзальный буфет работает как никогда. Оживлённые разговоры и смех. Ночные и предрассветные тревоги рассеялись. Настроение опять как будто приподнятое.

Покидая Речицу эшелоны еле ползут. Ежеминутные остановки, совершенно не объяснимые для нас, находящихся в середине поездных составов и отстоящих от головных эшелонов на несколько верст.

Лишь к вечеру узнаем, что Василевичи заняты с боем, т.к большевики, очевидно, успели перехватить нам путь, сосредоточить у Калиновичей части, переброшенные от Жлобина.

При занятии Василевичей бой, главным образом, вели броневики, но по мере приближения к Калиновичам в течении 2-х следующих дней сопротивление пр[отивни]ка делается упорнее и в дело пускается пехота.

Наши кавалеристы почти не работают. За всё время высылаем 2 или 3 разъезда. Безделье и ненависть действуют угнетающе.

Медленно ползем вперед, под аккомпанимент орудийных выстрелов и ружейной трескотни.

Все понимают, что Калинковичи это последняя преграда, преодолев которую свободно достигнем Мозыря, занятого украинскими частями.

После полудня 31-го большевицкие части окончательно оттеснены к Калинковичам. С раннего утра следующего дня предполагается нанести пр[отивни]ку решительный удар, для чего формируем две обходные колонны с артиллерией, в задачу которых входит обхват обоих большевицких флангов. Главные силы пехоты и броневики атакуют Калинковичи в лоб.

Этому проекту, кажется единственному из всех, более детально разработанному штабом, к несчастью не суждено было быть проведенным в жизнь.

Перед наступлением сумерек, в ожидании предстоящего боя, пехотные части, на которые выпала главная часть работы в течении последних 2-х дней, отдыхают в эшелонах.

Впереди только незначительное сторожевое охранение и дежурный броневик.

В вагонах делятся впечатлениями дня и высказывают предположение, что украинцы помогут нашему прорыву, т.к еще вчера в обход Калинковичей к ним был послан разведчик для связи. Настроение самое идлическое.

Это спокойствие внезапно нарушается орудийными выстрелами где то в тылу. Люди выскакивают из вагонов и стараются рассмотреть, что происходит в хвосте поездов, которые растянулись версты на 3. К несчастью из-за деревьев (мы стоим в болотистом лесу) кроме ясного неба и нарядно плывущих по нему мутно-белых клубков дыма от рвущихся снарядов, ничего не видно.

Еще через несколько минут к звукам пушечных выстрелов присоединяется треск винтовок, сначала редкий и неуверенный, потом разрастающийся в

непрерывные раскаты.

Наконец, вдали на полотне железной дороги, по обеим сторонам стоящих эшелонов показываются отдельные человеческие фигурки, потом группы людей и далее целые беспорядочные толпы.

Я не сомневаюсь, что эти, приближающиеся к нам люди, несут с собой хаос и панику. Мои кавалеристы уже вышли из вагонов, я их наскоро строю и отвожу в сторону, чтобы пропустить беглецов.

Первые из них, поравнявшиеся с нами, имеют отчаянный вид. Без винтовок с катомками и мешками в руках, они быстро проходят мимо нас, даже не отвечая на вопросы. Следующие маленькие группы уже приостанавливаются и торопливо бессвязно передают, что от Гомеля подошли красные броневики и китайцы и что последние эшелоны уже захвачены ими.

Главная толпа даже не доходит до нас, она понемногу приостанавливается, как бы в нерешительности, топчется некоторое время на месте и затем, круто поворачивая – начинает обратно удаляться к брошенным эшелонам. Очевидно, приступ паники, охвативший всю эту массу людей, понемногу проходит.

Между тем, ружейная стрельба почти стихает, лишь орудийные выстрелы продолжают чередоваться, понемногу приближая к нам свои разрывы.

Мимо нас мелкой рысцой протрусил пехотный ординарец.

“В штаб с донесением”, кричит он, не останавливаясь, “отбили красных!”

Люди обратно занимают вагоны.

Нападение с тылу, да ещё красных броневиков является для меня совершенно непонятным. Мы все хорошо знаем, что при отходе на Речицу нами были оставлены специальные команды для порчи железнодорожного полотна и мостов. Ещё вчера н[ачальни]к штаба в разговоре со мной упомянул, что за свой тыл мы должны быть совершенно спокойны, т.к. на исправление разобранного пути большевики должны будут потратить не меньше недели.

И вот теперь, вместо сладких предположений печальная действительность: броневики, китайцы и бой на два фронта. Последнее особенно досадно, потому что именно теперь важно сосредоточить все силы для прорыва Калинковичей.

Темнеет. Вестовые готовят чай.

С шумом распахивается дверь и на пороге вырастает фигура одного из моих младших офицеров.

“Г[осподи]н командир, вас просит командующий отрядом”.

Штабной эшелон недалеко и путешествие не занимает много времени. Около вагона командующего целая толпа ординарцев конных и пеших. “Какое-нибудь новое удовольствие” – мелькает у меня в голове.

Влезаю в вагон. Знакомая картина последнего гомельского совещания. Растерянные взгляды, беспокойные жесты. Главный оратор подпол[ковник] Д. Слышу отдельные фразы: “Пехота надорвана! – Лошади вымотаны! – Обходное движение не успеет быть закончено, как нас сожмет с двух сторон!”

Начинаются перекрестные вопросы полные тревоги: “Что же делать? – Не бросать же эшелоны? – Как быть с орудиями?”

Слышаться и тревожные голоса: “Ещё одно последнее усилие”.

Подполковник Д. прерывает: “Г[оспода] офицеры, – говорит он, – должен вас предупредить, что мост у Мозыря разрушен и, следовательно, спасти эшелоны мы

все-таки не будем в состоянии, хотя бы нам и удалось овладеть Калинковичами".

Последнее сообщение отнимает энергию даже у наиболее решительных, вести упорный бой в течении 2-х дней, почти достигнуть цели, наконец, сломить последнее препятствие и все это для того, чтобы, в конце концов, быть прижатыми к реке…

В разговор вмешивается интендант отряда: "Я ничего не теряю, сегодня выдал в полки последние продукты".

"Что же делать, Владимир Васильевич?" – обращается подполковник Д. к командующему отрядом. – "Решайте сами".

Стрекопытов начинает говорить. Сначала он пытается обрисовать общее положение, но затем комкает свою речь и сразу переходит к решению, очевидно уже давно выношенному в глубине штабных вагонов.

"Господа, – говорит он, – вы видите, что сопротивляться невозможно. Спасти эшелоны, даже в случае нашей победы, мы также не сможем. Надо подумать о спасении человеческих жизней. Отправляйтесь к вашим частям и будьте готовы по первому приказу покинуть вагоны".

"Больше 2-х часов мы здесь не задержимся", – добавил полковник Д.

После напряжения последних дней начиналась реакция. Воли к победе уже не существовало.

Мы покидали вагон командующего в самых разнообразных настроениях.

"Начали за здравие, кончаем за упокой", – раздался из темноты голос одного из участников совещания, и, мне кажется, многие из нас готовы были повторить эту фразу.

6.

Два часа спустя повстанцы покинули эшелоны.

Никакого расчета движения сделано не было. Казалось, все способствовало увеличению общего сумбура. Отделение роты, команды и просто группы солдат углубились в лес по указанным дорогам, стремясь поскорее уйти от железнодорожной линии с ее броневиками и китайцами. Вчерашние победители, так легко набивавшие этих же самых китайцев, сегодня были неузнаваемы.

Но это была не их вина.

Всю ночь продолжалось походное движение – бегство. На утро повстанческая армия перестала существовать, она превратилась в деморализованную толпу людей, побросавшую оружие и лишь уносившую на плечах свой жалкий скарб.

В течении следующего дня беглецы достигли Припяти в районе Барбарова, где благополучно переправились на Украинскую территорию, положив разлившуюся реку преградой между собой и своими преследователями.

Пережитые испытания не сломили духа гомельских повстанцев. Их отряд возродился в ином месте и под иным названием, но об этом в другой раз…

С.Д.М.

«За свободу» *(№ 141, 30 мая 1924 г., № 142, № 31 мая 1924 г. № 147 (1201), 4 июня 1924 г.)*

Библиография

1. Гомель: энциклопедический справочник.-Мн..-1991.-С.434-436.

2.Лелевіч, Г. Стрекопытовщина: странички из истории контрреволюционных выступлений в годы гражданской войны / Г. Лелевич.- 2-е изд..- М., 1923

2. Память. Кн. 1-я.-Мн.-1998.- С.301.

3. Трудящиеся Гомельщины в борьбе за власть Советов (1917-1920 г.г.): хроника событий.- Гомель.- 1958.- С.142-145.

4. Якутов, В. Приговор века (Стрекопытовский мятеж) / В.Якутов.- Мн..-1990.- С.109-155.

5. Алейникова, М.А. Сушки и сухари как предмет роскоши: Такими они были в марте 1919 года /М.А.Алейникова // Гомельская праўда .- 2009.- 12 сак.

6. Бобович, В. Стрекопытовский мятеж: По страницам архивных документов / В.Бобович // Гомельская праўда .- 1997 .- 11 лют.

7. Віцьбіч, Ю. Гомельскае паўстаньне / Ю.Віцьбіч // Спадчына.- 1997.- №3.- С. 143-159.

8. Демчихин, В. Из истории не вычеркнуть / В.Демчихин // Гомельские ведомости.- 2006.- 23 марта.

9. Лебедзева, В.М. Стракапытаўскі мяцеж / В.Лебедзева // Беларуская мінуўшчына.- 1995.- №4.-С. 50-52.

10. Лебедзева, М.Н. Трывожныя дваццатыя / М.Лебедзева// Палессе.- 1997.- №1.- С.104-118.

11. Рогалев, А. Что же произошло в Гомеле в конце марта 1919 года? (Еще один взгляд на стрекопытовский мятеж) / А.Рогалев // Гомельская праўда.- 1994.- 22 сак.

12. События в Гомеле в середине - конце марта 1919 года: Стрекопытовский мятеж // Гомельская праўда.- 1996.- 6 верас.

13. Шода, Т. Стрекопытовский мятеж: 6 дней, которые потрясли дворец / Т.Шода // Гомельская праўда.- 2009.- 26 сак.